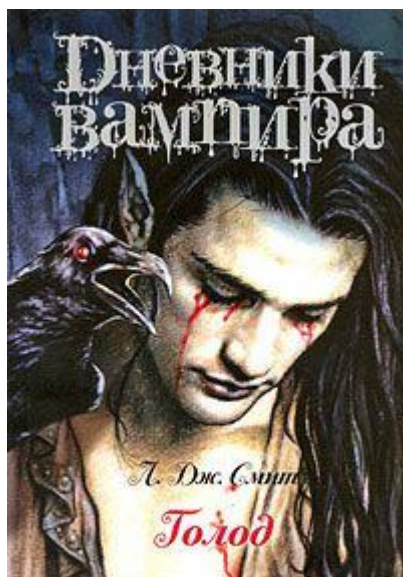

Лиза Джейн Смит Дневники вампира: Голод

Дневники Вампира – 2

– Я говорю о Силе, Елена. Ты уже многое попробовала, и ничто тебя не удовлетворило. Казалось бы, ты девушка, у которой есть все. Но что-то важное всегда оказывается вне твоей досягаемости. Что-то, в чем ты отчаянно нуждаешься, но чего никак не можешь найти. Вот это я тебе и предлагаю. Силу. Вечную жизнь. И ощущения, которых ты раньше никогда не испытывала.

Теперь Елена поняла, к чему он ведет, и ощутила вкус желчи. Она буквально задыхалась от ужаса и отвращения.

– Нет!

– Но почему, Елена? – прошептал Дамон. – Почему бы тебе это не попробовать? Будь же честна. Разве ты хотя бы отчасти этого не желаешь? – Его темные глаза были полны огня и энергии, и Елена почувствовала, что этот взгляд полностью парализовал ее. – Я могу пробудить в тебе невероятные способности, которые прежде спали. Ты достаточно сильна, чтобы жить во Тьме и наслаждаться славой, которую дарует власть. Пойми, Елена, ты легко сможешь стать Королевой Теней. Так почему бы не использовать эту Силу? Позволь, я помогу тебе ею овладеть.

Посвящается Джудди – моей сестре и верной подруге.

Выражаю сердечную благодарность Анне Смит, Пегги Бокулик, Анне Марии Смит и Лауре Пенни за предоставление материалов о штате Вирджинии, а также Джеку и Сью Чек за то, что поделились со мной знаниями местных обычаев и традиций.

Глава 1

– Дамон!

Ледяной ветер трепал волосы, хлестал Елену по лицу, терзал легкий свитерок. Дубовые листья лихорадочно кружились меж гранитных надгробий, а деревья в ярости били друг друга ветвями. Руки Елены совсем застыли, губы и щеки онемели, но она не переставала дико кричать прямо в воющий ветер:

– Дамон!

Этим ураганом он явно демонстрировал свою Силу, пытался напугать Елену. Однако результат был обратным. Мысль о том, что та же самая Сила направлена против Стефана, будила в Елене жаркий гнев, пламя которого защищала её от пронизывающего ветра. Если Дамон что-то сделал со Стефаном, если он хоть как-то ему навредил..

– Будь ты проклят! Ответь! – выкрикнула Елена куда-то в кроны дубов, нестройные ряды которых обрамляли кладбище.

Сухой коричневой тряпочкой к её ногам слетел мертвый осенний лист, но ответа так и не последовало. Со всех сторон её окружали мрачные серые надгробия, над головой простиралось такое беспросветное серое небо. Елена ощутила, как дикая ярость и острое разочарование сжимают ей горло, и плечи её поникли. Итак, она ошиблась. Дамона здесь нет. Встретил ее здесь только дико воющий ветер.

Елена резко развернулась, собираясь уходить, и замерла.

Дамон стоял перед ней, так близко, что она чуть не толкнула его. Конечно, она должна была почувствовать человеческое существо у себя за спиной, ощутить его тепло или услышать. Но Дамон не был обычным человеком.

Неосознанно Елена резко отступила на пару шагов. Все смутные представления и страхи, притаившиеся в глубине души, пока она кричала в неистовый ветер, теперь вернулись и призывали ее бежать прочь.

Елена сжала кулаки.

– Где Стефан?

Меж темных бровей Дамона пролегла едва заметная складочка.

– Какой такой Стефан?

Резко шагнув вперед, Елена вlepила ему пощечину.

Она сама не ожидала от себя такой реакции и секунду спустя уже не могла поверить в то, что сделала. Удар получился сильный, и голова Дамона дернулась в сторону. Ладонь заныла. Отчаянно стараясь выровнять дыхание, Елена стояла и пристально наблюдала за Дамоном.

Как обычно, он был одет во все черное, мягкие черные ботинки, черный свитер и черная кожаная куртка. Как же он был похож на Стефана! Елена удивилась, что раньше этого не замечала. Такие же темные волосы, та же бледная кожа, та же волнующая привлекательность, от которого мурашки бежали по коже. Вот только волосы у Дамона были прямыми, не волнистыми, глаза чернели как полночь, а губы выглядели узкими и жесткими.

Дамон медленно повернул голову в её сторону, и Елена увидела, как кровь приливает к щеке, проявляя след от пощечины.

– Не лги мне, – дрожащим голосом вымолвила она. – Я знаю, кто ты такой. Я знаю, что ты за тварь. Вчера вечером ты убил мистера Таннера. А сегодня исчез Стефан.

– Да? В самом деле? Ты знаешь, что он пропал?

Улыбка мелькнула на лице Дамона и мгновенно исчезла.

– Предупреждаю тебя, если ты хоть пальцем его тронешь...

– Ну и что, Елена? – спросил вампир. – Что ты тогда сделаешь? Что ты вообще можешь против меня?

Елена погрузилась в молчание, осознав, что ветер затих и весь мир наполнился какой-то мертвенной тишиной. Они с Дамоном неподвижно стояли в центре огромного круга энергии. Казалось, будто дубы и буки, сама земля – все на свете необъяснимым образом соединено с Дамоном, и он черпал оттуда Силу. Он стоял, чуть запрокинув голову, в бездонных глазах сверкали странные огоньки.

– Не знаю, – прошептала Елена, – но я непременно что-нибудь придумаю. Можешь не сомневаться.

Дамон внезапно рассмеялся, и притихшее сердце Елены вновь бешено забилося. Как же он красив! Слово «привлекателен» было слишком бесцветно. Как обычно, смех затих почти мгновенно, но, даже когда губы Дамона сомкнулись, в его глазах отражалось искреннее веселье.

– Охотно верю, – сказал он, с абсолютным спокойствием и с интересом оглядывая кладбище. Затем Дамон снова развернулся к Елене и протянул руку. – Для моего братца ты

слишком хороша, – небрежно заметил он.

Елена подумала, что с огромным удовольствием дала бы ему по рукам, но ей не хотелось дотрагиваться до него.

– Скажи мне, где он.

– Что ж, это очень даже возможно – за определенную цену. – Дамон убрал руку, но Елена успела заметить на ней такое же кольцо, как у Стефана, – серебряное с лазуритом.

Крайне важная деталь, нужно запомнить.

– Мой братец, – продолжил Дамон, – просто дурак. Из-за твоего сходства с Катриной он думает, что ты слаба и тобой можно так же управлять. Но он жестоко ошибается. Даже на другом краю этого жалкого городка я могу почуять твой гнев. И сейчас я его чувствую – он бел, как палящее солнце в пустыне. Ты обладаешь силой, Елена, даже в этом своем обличье. Но ты можешь стать гораздо сильнее...

Елена удивленно посмотрела на него. Подобная смена темы разговора ей совершенно не понравилась.

– Понятия не имею, о чем ты болтаешь. И какое отношение это имеет к Стефану?

– Я говорю о Силе, Елена. – Внезапно Дамон подступил к ней вплотную. Не сводя с нее глаз, он мягко, но настойчиво продолжил: – Ты уже попробовала все остальное, и ничто тебя не удовлетворило. Казалось бы, ты девушка, у которой есть все. Но что-то важное всегда оказывается вне твоей досягаемости. Что-то, в чем ты отчаянно нуждаешься, но чего никак не можешь найти. Вот что я тебе предлагаю. Силу. Вечную жизнь. И ощущения, которых ты раньше никогда не испытывала.

Теперь Елена поняла, к чему он ведет, и ощутила вкус желчи. Она буквально задыхалась от ужаса и отвращения.

– Нет!

– Но почему, Елена? – прошептал Дамон. – Почему бы тебе это не попробовать? Будь же честна. Разве ты хотя бы отчасти этого не желаешь? – Его темные глаза были полны огня и энергии, и Елена почувствовала, что этот взгляд полностью парализовал ее. – Я могу пробудить в тебе невероятные способности, которые прежде спали. Ты достаточно сильна, чтобы жить во Тьме и наслаждаться славой, которую дарует власть. Пойми, Елена, ты легко сможешь стать Королевой Теней. Так почему бы не использовать эту Силу? Позволь, я помогу тебе ею овладеть.

– Нет, – промолвила она, с трудом отводя от него глаза.

Нет, она не станет смотреть на Дамона, не позволит ему так просто это проделать. Нет, он никогда не заставит ее забыть... заставит ее забыть...

– Это последняя тайна, Елена, – сказал Дамон. – Окончательная. – Голос ласкал ее так же, как кончики пальцев, уже дотянувшиеся до ее горла. – Ты обретешь счастье, которое сейчас не можешь даже представить.

Существовало что-то бесконечно важное, чего ни в коем случае нельзя забывать. Дамон использовал Силу, чтобы заставить ее забыть, но она никогда ему этого не позволит...

– И мы будем вместе, ты и я. – Холодные пальцы погладили ее шею, проскальзывая под воротник свитера. – Теперь мы будем вдвоем, на веки вечные.

Боль внезапно кольнула Елену, когда пальцы Дамона коснулись двух крошечных ранок на шее, и разум ее прояснился.

Заставить ее забыть... Стефана.

Так вот что Дамон хотел вытеснить из ее сознания! Воспоминание о Стефане, о его зеленых глазах, о его улыбке, за которой всегда таилась грусть. Но теперь уже ничто не могло изгнать Стефана из мыслей Елены.

Нет, только не после того, как они обменялись кровью! Елена отстранилась от Дамона, отводя от своей шеи его холодные пальцы и глядя прямо ему в лицо.

– Я уже нашла то, чего хочу, – ожесточенно выговорила она. – Я нашла того, с кем я хочу остаться на веки вечные.

Глаза Дамона внезапно стали еще темнее, а воздух вокруг него словно пропитался холодной ненавистью. Заглядывая в эти глаза, Елена подумала о кобре, готовой к броску.

– Не будь такой идиоткой, – процедил Дамон. – Не уподобляйся моему брату. Или я

обойдусь с тобой точно так же.

Теперь Елену вдруг охватил страх. И она никак не могла справиться с нарастающим ужасом. Холод буквально заполнял ее, остужая все тело. Ветер вновь набирал силу, и ветви деревьев качались из стороны в сторону.

– Скажи мне, где он.

– Прямо сейчас? Понятия не имею. Можешь ты хоть на мгновение перестать о нем думать?

– Нет! – Елена дрожала, волосы снова хлестали ее по лицу.

– И на сегодня это твой окончательный ответ? Знаешь, Елена, ты должна быть совершенно уверена, что тебе хочется играть со мной в эту игру. Последствия окажутся такими, что ты можешь пожалеть о своем решении.

– Не сомневаюсь. – Ей требовалось остановить его, прежде чем он подчинит ее своей воле. – Но ты не сможешь меня запугать, Дамон. Неужели ты еще не понял? После того, как Стефан рассказал мне, кто ты такой, что ты наделал, ты потерял всякую власть надо мной. Я тебя ненавижу. Ты мне отвратителен. И больше ты ничего не можешь со мной сделать.

Выражение лица Дамона изменилось. Теперь на нем читалась не изящная чувственность, а жестокая целеустремленность. Он рассмеялся, и казалось, что этот смех длится, целую вечность.

– Ничего? – спросил Дамон. – Да я могу сделать с тобой все, что захочу. И со всеми, кого ты любишь. Пойми, Елена, ты даже не представляешь себе, что я могу совершить. Но очень скоро ты сама увидишь.

Он сделал шаг назад, и ледяной ветер вдруг впился в Елену, как нож. Перед глазами помутнело, в воздухе закружились ослепительно-белые крапинки.

– Скоро начнется зима, Елена, – сказал Дамон, и его леденящий душу голос звучал ясно даже сквозь яростные завывания ветра. – Суровое время года. И еще до того, как оно здесь установится, ты сможешь убедиться в безграничности моих возможностей. Ты ко мне присоединишься прежде, чем наступит зима. Ты станешь моей.

Клубящийся вихрь слепил Елену, и она уже не могла разглядеть темную фигуру Дамона. Теперь даже голос его пропадал. Елена обхватила себя руками, нагнула голову, все ее тело тряслось.

– Стефан... – прошептала она.

– Да, и еще одно, – вновь раздался голос Дамона. – Ты тут спрашивала меня о моем брате. Не трудись его искать. Прошлой ночью я его убил.

Елена резко вскинула голову, но ничего не увидела сквозь головокружительный вихрь белых крупинок, которые жгли ей щеки и забивались в ресницы. И теперь, когда мелкие зернышки липли к ее коже, она вдруг поняла, что это снежинки.

Первого ноября пошел снег. А солнце над головой исчезло.

Глава 2

Странные, неестественные сумерки опустились на заброшенное кладбище. Снег летел Елене прямо в глаза, а от безумного ветра все ее тело немело, словно она вдруг ступила в ледяной поток. Тем не менее она упорно не желала поворачивать к новому кладбищу и лежащей за ним дороге. Насколько Елена могла судить, Плетеный мост был как раз впереди. К нему она и направилась.

Полиция обнаружила брошенную машину Стефана у Старой Ручейной дороги. Это означало, что он оставил ее где-то между Утопшим ручьем и лесом.

Елена с трудом пробиралась по заросшей тропке через кладбище. Она упорно продолжала двигаться, опустив голову и руками прижимая к телу легкий свитерок. Это кладбище Елена знала с раннего детства и могла бы по нему пройти вслепую.

К тому времени, как она миновала мост, отчаянная дрожь стала отзываться острой болью в мышцах. Теперь снегопад немного утих, зато ветер стал еще более свирепым. Он не давал Елене дышать и так легко прорывался сквозь одежду, будто та была скроена из папиросной бумаги.

«Стефан!» – подумала Елена и повернула на Старую Ручейную дорогу, пробиваясь на север.

Она не поверила словам Дамона. Если бы Стефан погиб, она бы наверняка об этом узнала. Нет-нет, он остался жив, и она обязана его найти. Стефан мог быть где угодно в этой клубящейся белизне – возможно, он ранен и теперь умирает от холода.

Елене вдруг стало казаться, что она уже не в силах рассуждать здраво. Все ее сознание сузилось до одной-единственной мысли: «Стефан. Найти Стефана».

Держаться дороги было все труднее. Справа от нее возвышалась дубовая роща, а слева текли быстрые воды Утопшего ручья. Елена споткнулась и замедлила ход. Похоже, ветер уже не так неистовствовал, но Елена чувствовала страшную усталость. Очень хотелось присесть и отдохнуть, пусть даже всего на минутку!

Елена опустила на землю рядом с дорогой и подумала, что глупо идти неизвестно куда и искать Стефана. Стефан должен сам к ней прийти. Все, что от нее требовалось, это просто сесть и подождать. Скорее всего, он прямо сейчас к ней придет.

Опустив голову на подтянутые к груди колени, Елена закрыла глаза.

Теперь ей стало намного теплее. Голова поплыла, и Елена увидела Стефана, он улыбался. Сильные и надежные руки Стефана крепко ее обнимали, и она расслабилась в его объятиях, радуясь тому, что теперь можно отбросить страх, скинуть с себя напряжение. Елена оказалась дома. Именно здесь было ее место. Стефан никогда не допустит, чтобы она страдала.

Но затем, вместо того чтобы просто обнимать, Стефан вдруг начал ее трясти. Он разрушал прекрасную безмятежность ее отдыха. Елена видела его лицо, бледное и решительное. Зеленые глаза Стефана потемнели от боли.

Елена попыталась остановить его, но он не стал слушать.

«Вставай, Елена, – словно говорил Стефан, и девушка ощутила завораживающую силу его зеленых глаз. – Вставай, Елена, сейчас же вставай...»

– Елена, вставай! – Голос вдруг стал тоненьким и до смерти перепуганным. – Вставай, Елена! Вставай! Мы не сможем тебя нести!

Отчаянно моргая, Елена попыталась сосредоточить взгляд на небольшом лице в форме сердечка – тонкая, почти прозрачная кожа, буйная копна светло-рыжих кудрей, широкие карие глаза, обрамленные сверкающим ореолом снежинок, попавших в сеть пушистых ресниц, встревоженный взор.

– Бонни, – медленно проговорила Елена. – Что ты здесь делаешь?

– Помогает мне о тебе позаботиться, – ответил второй, более низкий голос с другой стороны. Слегка повернув голову, Елена увидела оливкового цвета лицо с изящно выгнутыми бровями. В темных глазах Мередит, обычно таких ироничных, теперь тоже читалось беспокойство. – Вставай, Елена, если ты, конечно, и впрямь не хочешь превратиться в Снежную Королеву.

Елена встала, тяжело опираясь на руки подруг. Каждое движение давалось с трудом, а снег покрывал ее подобно белому меховому пальто. Вместе они направились к машине Мередит.

Внутри машины было, конечно, теплее, но оживающие нервные окончания в теле Елены вызывали безудержную дрожь, и только теперь она начала осознавать, насколько замерзла.

«Зима – суровое время года», – вспомнила она, пока Мередит вела машину к дому.

– Что происходит, Елена? – спросила Бонни с заднего сиденья. – Черт возьми, что ты там делала, прогуливая школу? Как тебя туда занесло?

Елена молча покачала головой. Больше всего на свете ей хотелось рассказать Бонни и Мередит решительно обо всем. Поведать ледяную историю Стефана и Дамона, а также объяснить, что на самом деле произошло вчера вечером с мистером Таннером. И что случилось потом. Но она не могла. Даже если бы они ей поверили, это была не ее тайна.

– Все тебя ищут, – проинформировала ее Мередит. – Весь школьный персонал. А твоя тетя почти в отчаянии.

– Очень жаль, – тупо произнесла Елена, пытаясь сдержать неистовую дрожь.

Они свернули на Кленовую улицу и подъехали к ее дому.

У тети Джудит оказались наготове теплые одеяла.

– Я точно знала, что, когда тебя найдут, прежде всего понадобится тебя согреть, – деловито-радостным голосом сказала она, протягивая руки к Елене. – Надо же, снег на следующий день после Хеллоуина! С трудом верю собственным глазам. А где вы ее нашли, девочки?

– На Старой Ручейной дороге, за мостом, – ответила Мередит.

Худое лицо тети Джудит тут же побледнело.

– Рядом с кладбищем? Елена, как ты могла? – Голос ее оборвался, и она укоризненно посмотрела на племянницу. – Ладно, об этом мы сейчас говорить не будем. – Тетя Джудит попыталась вернуть себе радостное настроение. – Давай-ка мы лучше снимем с тебя мокрую одежду.

– Мне придется вернуться туда, как только я высохну, – упрямо сказала Елена.

Ее разум снова заработал, и теперь стало ясно: Стефана она на самом деле там не видела. Это был всего лишь сон. Стефан действительно пропал.

– Ничего подобного, – возразил Роберт, жених тети Джудит. До сих пор Елена не обращала внимания, что он стоит где-то сбоку. Но его тон не предполагал никаких возражений. – Полиция уже ищет Стефана. Позволь этим людям заниматься своей работой.

– Полиция думает, что он убил мистера Таннера. Но он его не убивал. Ведь вы об этом знаете, правда? – Пока тетя Джудит стягивала с нее мокрый свитер, Елена смотрела на окружающие ее лица в поисках поддержки, но не находила в них отклика. – Вы же знаете, что Стефан его не убивал, – почти в отчаянии выговорила она.

Но все молчали.

– Знаешь, Елена, – наконец сказала Мередит, – никто не хочет думать, что он это сделал. Но... пойми, все выглядит очень скверно... Он вдруг взял и сбежал.

– Он никуда не сбежал. Он ничего такого не делал! Он не убивал и не сбежал...

– Тише, Елена, – шикнула на нее тетя Джудит. – Не надо так волноваться. По-моему, ты болеешь. У тебя явное переохлаждение, а прошлой ночью ты совсем мало спала. – Она приложила ладонь ко лбу Елены.

Внезапно чаша терпения Елены переполнилась. Никто ей не верил, даже друзья и родные. В этот момент ей показалось, что она окружена врагами.

– Я не больна! – воскликнула она, отстраняясь от тети Джудит. – И я не сошла с ума... в общем, что бы вы там ни думали. Стефан никуда не убежал, и он не убивал мистера Таннера. Мне наплевать, если никто из вас мне не верит...

Задышавшись, она умолкла.

Тетя Джудит суетилась, пытаясь отправить ее наверх, в спальню. Но Елена не позволила, чтобы ее туда отвели. Она не стала ложиться в постель, хотя действительно очень устала. Вместо этого, уже немного согревшись, Елена села в гостиной на кушетку у камина и обложилась одеялами.

Телефон звонил весь день, и она слышала, как тетя Джудит разговаривает с друзьями, соседями, школьными учителями. Бодрым голосом она заверяла всех, что с Еленой все хорошо. Страшные события прошлой ночи уже казались далекими, все было в порядке, о пережитых потрясениях напоминала только легкая лихорадка Елены. Но и она должна пройти после небольшого отдыха.

Бонни и Мередит сидели рядом с Еленой.

– Хочешь поговорить? – тихо спросила Мередит.

Не сводя глаз с камина, Елена покачала головой. Все были настроены против нее. И тетя Джудит ошибалась – вовсе не все с ней было хорошо. Ничего не будет хорошо, пока Елена не найдет Стефана.

Пришел Мэтт. Свежий снег искрился на его светлых волосах и синей парке. Когда Мэтт появился в комнате, Елена посмотрела на него с надеждой. Вчера он помог ей спасти Стефана, тогда как все остальные обитатели школы хотели его линчевать. Но сегодня, отвечая на ее полный надежды взор, Мэтт посмотрел на Елену с трезвым сожалением. Участие в его голубых глазах определенно предназначалось только ей самой.

Разочарование стало решительно невыносимым.

– Что ты здесь делаешь? – возмущенно спросила Елена. – Выполняешь свое обещание позаботиться обо мне?

Мэтт сдержал обиду и ответил ровным голосом:

– Отчасти. Но я бы заботился о тебе даже без этого обещания. Я не на шутку о тебе тревожился. Послушай, Елена...

Но она совсем не собиралась его слушать.

– Со мной все хорошо, большое спасибо. Можешь спросить здесь кого угодно. Так что перестань тревожиться. А, кроме того, я не вижу смысла хранить обещание, данное убийце.

Мэтт в изумлении посмотрел на Бонни и Мередит и безнадежно покачал головой.

– Ты несправедлива.

Быть справедливой Елене просто не хватало сил.

– Я сказала тебе: можешь перестать тревожиться обо мне и о моих делах. Со мной все хорошо, спасибо.

Подтекст был очевиден. Мэтт повернулся обратно к двери в тот самый момент, когда в проеме появилась тетя Джудит с бутербродами.

– Извините, я должен идти, – пробормотал парень, спешно проталкиваясь в дверь.

Он ушел, не оглядываясь.

За ранним ужином у камина Мередит, Бонни, тетя Джудит и Роберт попытались завязать непринужденный разговор. Но Елена не могла есть и не желала разговаривать. Единственным счастливым существом во всей компании была Маргарет, младшая сестренка Елены. Со всей непосредственностью четырехлетнего ребенка она прильнула к Елене и предложила ей часть своих сладостей, полученных в подарок на Хеллоуин.

Елена обняла сестренку, прижавшись щекой к ее светлым волосам. Пожалуй, если бы Стефан мог как-нибудь с ней связаться, он уже это сделал бы. Ничто в мире не остановило бы его, кроме тяжелого ранения, безвыходной ситуации или...

Но об этом последнем «или» Елена не позволит себе даже думать. Стефан жив. Он непременно должен был остаться в живых. Дамон солгал.

Но Стефан попал в беду, и Елена должна его найти. Эта мысль полностью овладела ею, девушка отчаянно пыталась придумать хоть какой-нибудь план. Одно было ясно: она осталась в одиночестве. Елена больше никому не могла доверять.

Стемнело. Елена чуть сдвинулась на кушетке и демонстративно зевнула.

– Я устала, – тихо сказала она. – Похоже, я все-таки заболела. Думаю, мне стоит отправиться в постель.

Мередит внимательно на нее посмотрела.

– Знаете, мисс Гилберт, я тут вот что подумала, – сказала она, поворачиваясь к тете Джудит. – Может быть, нам с Бонни следует остаться на ночь, чтобы составить Елене компанию.

– Какая славная мысль! – радостно отозвалась тетя Джудит. – Если ваши родители не против, я была бы рада вас здесь оставить.

– Поездка назад в Херрон слишком долгая, – присоединился Роберт. – Думаю, мне тоже лучше остаться. Пожалуй, я могу устроиться на кушетке. – Несмотря на все протесты тети Джудит и заверения, что наверху пустуют гостевые спальни, он был непреклонен в своем желании спать на кушетке.

Бросив всего лишь один взгляд от кушетки в коридор, Елена застыла на месте – Роберт выбрал идеальную позицию для наблюдения за входной дверью. Итак, они все запланировали или приняли решение не сговариваясь – родные и друзья Елены проявляли трогательную заботу о том, чтобы она сегодня ночью не смогла выйти из дома.

Когда она появилась из ванной, облаченная в кимоно красного шелка, Бонни и Мередит сидели на ее кровати.

– Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн, – горестно бросила Елена.

Бонни, которая прежде выглядела несколько угнетенной, теперь казалась еще и встревоженной. Она с удивлением взглянула на Мередит.

– Она хочет сказать, что знает, кто мы на самом деле такие, – верно истолковала Мередит. – Она считает, что мы шпионим на ее тетушку. Послушай, Елена, ты должна понять, что это не так. Разве ты не можешь нам доверять?

– Не знаю. А что, могу?

– Можешь. Потому что мы – твои подруги. – Прежде чем Елена успела сделать хоть шаг, Мередит спрыгнула с кровати и закрыла дверь. Затем она повернулась лицом к Елене. – А теперь, маленькая идиотка, хоть раз в жизни меня послушай. Действительно, мы не знаем, что нам думать о Стефана. Но разве ты не понимаешь, что здесь твоя собственная вина? С тех самых пор, как вы с ним сблизились, ты держала нас в полном неведении. Происходили вещи, про которые ты нам ничего не рассказывала. По крайней мере подробностями ты не делилась. Но, несмотря на это, несмотря ни на что, мы по-прежнему тебе доверяем. И беспокоимся о тебе. Пойми, Елена, мы по-прежнему за тебя, и мы хотим тебе помочь. А если ты не можешь этого понять, тогда ты и впрямь идиотка.

Елена медленно перевела взгляд с напряженного лица Мередит на бледное личико Бонни. Бонни кивнула.

– Это правда, – отчаянно моргая, промолвила она, пытаясь справиться с подступающими слезами. – Даже если ты нас больше не любишь, мы любим тебя по-старому.

Елена почувствовала, как ее глаза тоже заполняются слезами, и все ее суровое и непреклонное настроение сдулось, как воздушный шарик. Затем Бонни тоже встала с кровати, и три девочки обнялись. Елена уже не могла сдержать слез, и они хлынули по щекам.

– Простите, что я с вами толком не поговорила, – сказала Елена. – Я знаю, вы ничего не понимаете, а я даже не способна объяснить, почему не могу рассказать вам всего. – Поверьте, просто не могу. Хотя одну вещь я вам все-таки расскажу. – Она отступила на шаг, вытирая слезы, и серьезно посмотрела на подруг. – Неважно, как веско выглядят свидетельства против Стефана, он не убивал мистера Таннера. Я знаю, что он этого не делал, потому что мне известно, кто это совершил. Кроме того, тот же самый человек напал на Викки и на того старика под мостом. И... – тут она умолкла и немного подумала. – Прости, Бонни, но я думаю, что он также убил Янцзы.

– Янцзы! – Глаза Бонни тревожно расширились. – Но зачем ему понадобилось убивать пса?

– Не знаю, но он был там в ту ночь, в твоём доме. И он был... очень сильно разгневан. Еще раз прости, Бонни.

Бонни ошарашенно покачала головой.

– А почему бы тебе не рассказать обо всем полиции? – спросила Мередит.

Смех Елены прозвучал слегка истерически.

– Я не могу. Полиции с этим делом просто не справиться. И это я тоже никак не могу вам объяснить. Вы сказали, что по-прежнему мне доверяете. В таком случае вам просто придется поверить мне на слово.

Бонни и Мередит переглянулись, а затем дружно уставились на нервные пальцы Елены: совершенно машинально девушка выдергивала нити из вышивки постельного покрывала.

– Хорошо, – наконец выдохнула Мередит. – Так чем мы можем помочь?

– Не знаю. Ничем, если только не... – Тут Елена осеклась и взглянула на Бонни. – Если только, – изменившимся голосом продолжила она, – ты, Бонни, не сможешь мне найти Стефана.

Карие глаза Бонни изумленно распахнулись.

– Я? Но что я могу сделать? – Однако затем, услышав резкий выдох Мередит, она понимающе охнула.

– Ты знала, где меня искать в тот день, когда я отправилась на кладбище, – объяснила Елена. – И ты даже предсказала приход Стефана в школу.

– А я думала, ты не веришь во всю эту экстрасенсорику, – слабо отозвалась Бонни.

– Просто в последнее время я кое-что про это узнала. Так или иначе, я готова верить во все что угодно, если это поможет найти Стефана. Если есть хоть какой-то шанс, надо обязательно попытаться.

Бонни сжалась в комочек.

– Нет, Елена, ты просто не понимаешь, – с несчастным видом выговорила она. – Я не обучена и не могу управлять этим. Кроме того... это уже не игра. Чем больше ты используешь эти силы, тем больше они используют тебя. В конечном итоге они могут поработить человека против его воли. Это очень опасно.

Елена встала и подошла к комоду вишневого дерева, глядя куда-то в пространство. Наконец она повернулась к подруге.

– Ты права, Бонни, это уже не игра. И я отчетливо осознаю, что это может быть очень опасно. Но то, что происходит со Стефаном, тоже не игры. Пойми, Бонни, он сейчас неизвестно где, и ему очень плохо. Никто не может ему помочь, никто даже не ищет его, не считая врагов. Возможно, он сейчас умирает. И даже может статься, что он... что он уже... – Горло у Елены перехватило.

Она опустила голову и сделала глубокий вдох, пытаясь прийти в себя. Когда она снова подняла глаза, то заметила, что Мередит пристально смотрит на Бонни. Бонни расправила плечи и подняла голову. Губы ее плотно сжались, а в обычно мягких карих глазах засиял угрюмый свет, когда они встретились с глазами Елены.

– Нам понадобится свеча, – сказала Бонни.

Спичка зашипела, рассыпая искры во тьме, а затем комнату осветило яркое пламя свечи. Оно мягко позолотило лицо Бонни, склонившейся над столом.

– Чтобы по-настоящему сосредоточиться, мне потребуется ваша помощь, – проинструктировала подруг Бонни. – Смотрите на пламя и думайте о Стефане. Представляйте себе его лицо. Что бы ни случилось, не переставайте смотреть на пламя. И, что бы ни случилось, ничего не говорите.

Тишину в комнате нарушало лишь их негромкое дыхание. Пламя мерцало и плясало, отбрасывая случайные отблески на трех девочек, сидевших вокруг свечи, скрестив ноги. Бонни, закрыв глаза, дышала медленно и ровно, как засыпающий ребенок.

– «Стефан!» – напряженно думала Елена, вглядываясь в пламя и стараясь сконцентрировать всю свою волю. Она создавала его в своем воображении, используя все свои органы чувств. Грубая ткань его шерстяного свитера, трущегося о щеку, запах его кожаной куртки, сила его рук, что ее обнимали. – Ах, Стефан...

Ресницы Бонни затрепетали, а ее дыхание ускориилось, точно у человека, которому снится кошмар. Елена упорно не сводила глаз с пламени, но по спине у нее побежали мурашки, когда Бонни вдруг нарушила тишину.

Поначалу это был просто стон, словно от боли. Затем, когда Бонни тряхнула головой, а вздохи ее участились, бессвязный стон обрел словесную форму.

– Один... – выдохнула Бонни и замолчала. От волнения Елена впиалась ногтями в ее ладонь. – Один... в темноте, – продолжила Бонни глухим и изможденным голосом.

Опять последовало краткое молчание, а затем Бонни быстро заговорила:

– Темно и холодно. И я совсем один. Что-то такое за спиной... твердое и неровное. Камни. Раньше от них бывало больно... но не теперь. Теперь я совсем онемел... от холода. – Бонни выгнулась, словно что-то кололо ее в спину, а затем вдруг рассмеялась. Этот ужасный смех прозвучал почти как рыдание. – Это... это так странно. Никогда бы не подумал... что мне так захочется увидеть солнце. Но здесь всегда темно. И холодно. Я по шею в воде... в воде, холодной, как лед. Это странно. Кругом вода... а я умираю от жажды. Такая жажда... так больно...

Елена вдруг почувствовала, как сердце ее сжимается. Бонни явно читала мысли Стефана, и кто знал, что она могла там обнаружить?

«Стефан, расскажи нам, где ты, – отчаянно подумала Елена. – Оглянись вокруг, скажи нам, что ты видишь!»

– Жажда. Мне нужна... жизнь? – В голосе Бонни прозвучало сомнение, как будто она не была уверена, правильно ли поняла. – Я слаб. Он сказал, что я так навсегда и останусь слабым. Он сильный... он убийца. Но ведь я... я тоже убийца. Я убил Катрину... возможно, я заслуживаю смерти. Так почему просто не отказаться от всего?..

– Нет! – воскликнула Елена, прежде чем смогла себя остановить. В это мгновение она забыла обо всем, кроме Стефана. – Стефан...

– Елена! – секунду спустя резко вскрикнула Мередит.

Но голова Бонни уже упала на грудь, и поток слов оборвался. В ужасе Елена поняла, что она наделала.

– Бонни, с тобой все хорошо? Можешь ты снова его найти? Я вовсе не хотела...

Бонни подняла голову. Глаза ее теперь были открыты, но ни на свечу, ни на Елену они не смотрели. Бонни взирала прямо перед собой, лицо ее лишилось всякого выражения. Когда она снова заговорила, голос ее был сильно искажен, и сердце Елены чуть не остановилось. Это не был голос Бонни, и, тем не менее, Елена сразу его узнала. Таким голосом Бонни уже говорила однажды – тогда, на кладбище.

– Елена, – произнес голос, – не ходи к мосту. Там смерть, Елена. Твоя смерть поджидает тебя там. – Затем голова Бонни снова опустилась ей на грудь.

Елена схватила ее за плечи и потрясла.

– Бонни! – почти завопила она. – Бонни!

– Что ты... ах, нет, отпусти.

Голос Бонни звучал еле слышно от потрясения, но это, по крайней мере, был ее голос. Не поднимая головы, она приложила ладонь ко лбу.

– Бонни, с тобой все хорошо?

– Да... кажется, да. Но все было так странно. – Бонни заговорила резче и подняла голову, отчаянно моргая. – А что там было насчет убийства, насчет того, что он убийца?

– Ты помнишь?

– Я помню все. Просто не могу этого описать... это было ужасно. Но что там все-таки было про убийцу?

– Ничего, – ответила Елена. – Он галлюцинирует, только и всего.

– Он? – вмешалась Мередит. – Так ты действительно думаешь, что она настроилась на Стефана?

Елена кивнула. В глазах зашипало, и она отвернулась.

– Да. Думаю, это был Стефан. Наверняка. И еще я думаю, что Бонни определенно рассказала нам, где он находится. Под Плетеным мостом, в воде.

Глава 3

Бонни пристально на нее посмотрела.

– Ничего не помню про мост. По-моему, никакого моста там не было.

– Но ведь ты сама об этом сказала, в самом конце. Я думала, ты все помнишь... – Тут Елена ненадолго умолкла. – Значит, последней фразы ты не помнишь, – ровным тоном закончила она.

– Я помню, что оказалась в одиночестве, там было холодно и темно, и я ощущала страшную слабость. Не знаю, но мне что-то такое было необходимо... что-то такое. И я почти хотела умереть. А потом ты меня разбудила.

Елена и Мередит переглянулись.

– Но после этого ты еще кое-что сказала, – напомнила Елена. – Ты сказала не приближаться к мосту.

– Она сказала тебе не приближаться к мосту, – уточнила Мередит. – Тебе, Елена, в особенности. Она сказала, что там тебя ждет смерть.

– Мне наплевать, что меня там ждет, – решительно заявила Елена. – Там Стефан, и именно туда я и отправлюсь.

– Мы все туда отправимся, – поддержала ее Мередит.

Елена заколебалась.

– Я не могу вас об этом просить, – медленно проговорила она. – Там может таиться такая страшная опасность, о которой вы даже не подозреваете. Лучше я пойду одна.

– Ты шутишь? – спросила Бонни, отважно выставляя вперед подбородок. – Да мы просто обожаем опасность. Я хочу лежать в гробу молодой и прекрасной, разве ты не помнишь?

– Брось, Бонни, – быстро отозвалась Елена. – Ты же сама сказала, что это уже не игра.

– Для Стефана игры тоже закончились, – напомнила Мередит. – Сидя здесь, в спальне, мы

его не спасем.

Елена направилась к платяному шкафу, на ходу сбрасывая с себя кимоно.

– Нам лучше собрать побольше теплой одежды, – сказала она.

Когда три подруги оделись по погоде, Елена повернулась к двери. Но тут же остановилась.

– Роберт, – вспомнила она. – Нам никак не пробраться мимо него к входной двери. Даже если он спит.

Все трое одновременно повернулись к окну.

– Отлично, – подытожила Бонни.

Спускаясь по айве, Елена обратила внимание, что снегопад прекратился. Но пронизывающий ветер заставил ее вспомнить слова Дамона.

«Зима – суровое время года», – подумала Елена и задрожала.

Нигде в доме свет уже не горел – даже в гостиной. Должно быть, Роберт заснул. И, тем не менее, прокрадываясь под темными окнами, Елена затаила дыхание.

Машина Мередит стояла неподалеку на улице. В последнюю секунду Елена открыла дверь в гараж, решив захватить с собой веревку. Течение Утопшего ручья сильное и стремительное, и пересекать его вброд очень опасно.

Всю дорогу к окраине городка Елену не отпускала тревога. Когда они проезжали опушку леса, Елена припомнила, как листва на кладбище бешено порхала вокруг нее. Особенно дубовая листва...

– Скажи, Бонни, а дубовые листья имеют какое-то особое значение? Про дубовую листву бабушка ничего тебе не рассказывала?

– Дубы были священны для друидов. Все деревья священны, но дубы особенно. Друиды думали, что духи деревьев дают им Силу.

Елена задумалась и замолчала. Когда они доехали до моста и выбрались из машины, она настороженно посмотрела на дубы по правую сторону от дороги. Однако ночь была ясной, и ветер почти не шевелил сухую коричневую листву, все еще остававшуюся на ветвях.

– Смотрите, не появится ли здесь ворона, – предупредила Елена подруг.

– Ворона? – резко спросила Мередит. – Вроде той, что была во дворе у Бонни, когда умер Янцзы?

– Да-да, в тот вечер, когда был убит Янцзы.

С бешено бьющимся сердцем Елена приблизилась к темным водам Утопшего ручья. Несмотря на название, эта стремительная речушка с глинистыми берегами не была похожа на ручей. Над Утопшим ручьем высился Плетеный мост – деревянная конструкция, возведенная почти столетие тому назад. Когда-то мост был достаточно крепок, чтобы выдерживать конные повозки, теперь же превратился в пешеходную переправу, которой почти никто не пользовался, потому что она лежала в стороне от людных дорог.

«Какое пустынное, одинокое и враждебное место», – подумала Елена.

Кругом на земле уже лежал тонкий снежный покров.

Несмотря на свои отважные заявления, Бонни старалась держаться позад.

– Помните, как мы последний раз бежали по этому мосту? – спросила она.

«Помню, – мысленно ответила Елена. – Даже слишком хорошо».

Когда они в тот день пересекали ручей по Плетеному мосту, за ними что-то гналось... что-то такое... с кладбища.

«Или кто-то такой», – подумала Елена.

– Пока что мы не будем переходить мост, – сказала она вслух. – Сначала мы заглянем под него с этой стороны.

– Там, где нашли старика с разодранным горлом? – с сомнением спросила Мередит, но последовала за подругой.

Фары машины освещали лишь небольшой участок берега рядом с мостом. Выходя из узкого клинышка света, Елена ощутила болезненный трепет предчувствия.

«Твоя смерть поджидает тебя там», – сказал голос.

Так здесь притаилась смерть?

Елена поскользнулась на грязных, влажных камнях. Теперь она слышала только шум воды

и глухое эхо от моста. Хотя Елена отчаянно напрягала глаза, разглядеть удавалось только сырой берег реки и деревянные опоры моста.

– Стефан? – прошептала Елена и почти обрадовалась, когда шум воды заглушил ее голос.

Она чувствовала себя как человек, который окликает кого-нибудь в пустом доме и одновременно боится, что ему и впрямь ответят.

– Все как-то не так, – сказала у нее за спиной Бонни.

– Что ты имеешь в виду?

Бонни озиралась, слегка качая головой и сосредоточенно прислушиваясь.

– Просто все здесь как-то не так. Когда я подключилась к Стефану, я... ну, начать с того, что никакую реку я тогда так ясно не слышала. Я вообще ничего не слышала, только мертвую тишину.

Сердце Елены сжалось от отчаяния. Отчасти она понимала, что Бонни права, что Стефана нет в этом диком и одиноком месте. Но с другой стороны, она была слишком напугана, чтобы прислушаться к подруге.

– Мы должны точно убедиться, – настояла Елена и, опять чувствуя тяжесть в груди, на ощупь двинулась дальше во тьму.

В конце концов, ей пришлось признать, что там нет никаких признаков чьего-то недавнего присутствия. И над поверхностью темной воды ничего не было видно. Елена вытерла холодные руки о джинсы.

– Мы можем проверить другую сторону моста, – предложила Мередит, и Елена механически кивнула.

Однако ей даже не потребовалось заглядывать в глаза Бонни, чтобы понять, что они там найдут. Это определено было не то место.

– Давайте лучше отсюда выбираться, – сказала Елена, продираясь сквозь густые заросли к клинышку света на дороге.

Однако не успели подруги выбраться из-под моста, как Елена вдруг застыла на месте.

– Господи... – охнула Бонни.

– Назад! – прошипела Мередит. – Давайте обратно под мост!

На фоне белых фар виднелся чей-то черный силуэт. Елена, чье сердце отчаянно заколотилось, сумела лишь различить, что фигура мужская. Лица во тьме видно не было, но у Елены вдруг возникло ужасное предчувствие.

Мужчина двигался к ним.

Снова нырнув под мост, Елена съежилась на грязном речном берегу, как можно плотнее прижимаясь к земле. Она ясно чувствовала, как Бонни трясется у нее за спиной, а холодные пальцы Мередит впиваются ей в руку.

Отсюда им ничего не было видно, поэтому они вздрогнули от неожиданности, когда по мосту застучали тяжелые шаги. Едва дыша, подруги прижимались друг к другу, устремив взоры вверх. Шаги гулко стучали по деревянному настилу, и, казалось, двигались к противоположному берегу.

«Пожалуйста, пусть он уходит, – лихорадочно подумала Елена. – Ах, пожалуйста...»

Она крепко прикусила губу, а затем Бонни негромко всхлипнула, и ее ледяные пальцы вцепились в руку Елены. Шаги возвращались.

«Мне следует выйти на мост, – подумала Елена. – Ему нужна я, а не Бонни и Мередит. Он сам так сказал. Мне следует выйти туда и встретиться с ним лицом к лицу. Тогда, может статься, он отпустит Бонни и Мередит.»

Однако жгучая ярость, которая так поддержала ее утром, теперь куда-то улетучилась. Даже собрав все остатки воли, Елена была не способна отпустить руку Бонни, оторваться от подруги.

Теперь шаги звучали над самыми их головами. Затем все затихло, и вдруг что-то скользнуло по берегу.

«Нет!» – подумала Елена, ощущая, как страх пронизывает все ее тело.

Бонни застонала и прижалась головой к плечу Елены. А Елена в бессильном ужасе смотрела, как чьи-то ноги появляются из темноты.

«Нет, – думала она, – нет...»

– Что вы там делаете?

В первые несколько секунд разум Елены наотрез отказался воспринимать происходящее. Напряжение достигло высшей точки, и она чуть не вскрикнула, когда Мэтт сделал еще один шаг вниз по берегу, заглядывая под мост.

– Елена? Что вы там делаете?

Бонни резко вскинула голову. В судорожном выдохе Мередит послышалось невероятное облегчение. А Елена почувствовала, как подгибаются ее ноги.

– Господи, Мэтт, – только и сумела выдохнуть она.

Бонни сориентировалась быстрее.

– А сам-то ты, черт побери, что здесь делаешь? – срывающимся голосом осведомилась она. – Пытаешься нам коллективный сердечный приступ устроить? Какого дьявола ты среди ночи здесь околачиваешься?

Мэтт по привычке сунул руку в карман, позвякивая мелочью. Пока три подруги вылезали из-под моста, он внимательно смотрел в сторону речки.

– Я просто следовал за вами.

– Что-что ты делал? – переспросила Елена.

Мэтт неохотно развернулся к ней лицом.

– Я следовал за вами, – повторил он, разводя руками. – Я подумал, что ты найдешь какой-нибудь способ обвести тетю Джудит вокруг пальца и выскользнуть на улицу. Тогда я сел в машину на другой стороне улицы и стал наблюдать за твоим домом. Довольно скоро вы трое выбрались из окна. Тогда я просто сюда за вами последовал.

Елена не знала, что и сказать. С одной стороны, она не на шутку разозлилась. И к тому же, скорее всего, Мэтт так поступил, желая сдержать обещание, данное Стефану. С другой стороны, Елена подумала о том, как он сидел в своем дряхлом «фордике» и промерзал до костей, даже не поужинав, и испытала трогательное чувство. Ей не хотелось на него злиться.

Мэтт снова смотрел на речку. Подступив к нему поближе, Елена негромко заговорила.

– Прости меня, Мэтт, – сказала она. – За то, как я вела себя в доме, и еще... еще за... – Елена пыталась найти нужные слова, но сдалась.

«За все», – безнадежно подумала она.

– Ну, тогда я попрошу прощения за то, что напугал вас. – Мэтт развернулся к ней, как бы подводя итог. – А теперь не могла бы ты мне сказать, какого черта вы все тут делаете?

– Бонни подумала, что Стефан может быть под мостом.

– Бонни ничего такого не подумала, – уточнила рыжеволосая девочка. – Как раз наоборот. Бонни только что сказала, что это совсем не то место. Нам следует искать место потише, удаленное от шума, что-то закрытое со всех сторон. Мне показалось, что меня там... ну, словно что-то окружает, – не слишком удачно объяснила она.

Мэтт так настороженно на нее посмотрел, будто Бонни вот-вот собиралась его укусить.

– Да-да, конечно, окружает, – снисходительно кивнул он.

– Вокруг меня там были камни, но совсем не такие, как здесь, в речке, – добавила Бонни.

– Да-да, конечно, не такие. – Тут Мэтт искоса взглянул на Мередит, которая, наконец, над ним сжалась.

– У Бонни было видение, – пояснила она.

Мэтт отшатнулся на пару шагов, и в свете фар Елена сумела разглядеть его профиль. Судя по выражению лица, парень явно не знал, что ему делать. То ли просто уйти, то ли связать троих подруг и побыстрее отвезти в ближайшую психиатрическую лечебницу.

– Это не шутка, – сказала Елена. – Правда, Мэтт, Бонни у нас ясновидящая. Да-да, я знаю, я всегда говорила, что в подобные вещи не верю, но я ошибалась. Ты просто себе не представляешь, насколько ошибалась. Сегодня вечером Бонни... в общем, она каким-то образом настроилась на Стефана, и теперь имеет приблизительное представление, как выглядит то место, где он сейчас находится.

Мэтт тяжело вздохнул.

– Да-да, конечно, я понимаю...

– Не надо мне отеческой снисходительности! Я не так глупа, Мэтт, и говорю тебе, что здесь все по-настоящему. Бонни была там, где находится Стефан, она в курсе некоторых

деталей, которые мог знать только он. И она видела место, в котором он прямо сейчас пойман в ловушку.

– Точно, пойман в ловушку, – подтвердила Бонни. – В этом-то все и дело. Это определенно неоткрытое место вроде реки. Но там вода, холодная вода по самую шею. А кругом – камни, покрытые густым мхом. Вода неподвижная, ледяная. И еще там скверно пахло.

– Но что ты там видела? – спросила Елена.

– Ничего. Я все равно что ослепла. Но откуда-то я знала, что, если бы там был хоть малейший намек на свет, я была бы способна видеть. Там было темно, как в гробнице.

– Как в гробнице... – По спине у Елены побежали мурашки.

Она тут же подумала о разрушенной церкви на холме над кладбищем. Там действительно была гробница, и один раз, как ей показалось, она открылась.

– Но в гробнице не было бы так влажно, – заметила Мередит.

– Да, правда, – согласилась Бонни. – Но тогда я просто не могу понять, где это может быть. На самом деле Стефан находился не совсем в здравом уме; он был слаб и совсем измучен. И еще он испытывал жажду...

Елена открыла, было рот, чтобы перебить Бонни, но как раз в этот момент вмешался Мэтт.

– А знаете, я могу вам сказать, на что это похоже, – вставил он.

Три девочки разом на него посмотрели. Вообще-то Мэтт стоял чуть поодаль, прислушиваясь к их разговору. Подруги почти забыли про него.

– Ну так что? – спросила Елена.

– Ну так вот, – отозвался Мэтт. – По-моему, это выглядит как колодец.

Елена вздрогнула, воодушевленная новой версией.

– Бонни, как думаешь?

– Очень может быть, – медленно произнесла Бонни. – Размер и другие признаки... да-да, очень похоже. Но ведь колодец сверху открыт – я должна была увидеть звезды.

– Бывают и закрытые колодцы, – сказал Мэтт. – В округе множество старых ферм, на территории которых есть заброшенные колодцы. Некоторые фермеры специально их накрывают, чтобы маленькие детишки туда не свалились. Например, так делают мои дедушка с бабушкой.

Елена не могла и дальше сдерживать возбуждение.

– Наверняка это колодец. Да-да, точно. Бонни, вспомни, ведь ты сказала, что там все время было темно.

– Да, и к тому же мне показалось, что это место расположено под землей. – Бонни тоже разволновалась, но тут Мередит вмешалась с сухим и прозаичным вопросом:

– А как ты думаешь, Мэтт, сколько всего, в Феллс-Черче колодцев?

– Думаю, несколько десятков, – ответил парень, – Но накрытых не так много. И если вы предполагаете, что кто-то скинул Стефана в один из таких колодцев, то он должен быть в уединенном месте, где люди не смогут его увидеть. Скорее всего, это какое-то заброшенное хозяйство...

– А его машину полиция нашла на этой дороге, – заметила Елена.

– Старая ферма Франчера, – предположил Мэтт.

Все четверо переглянулись. Ферма Франчера была разрушена и заброшена так давно, что никто уже не помнил, когда именно. Она располагалась в самой гуще леса, и этот лес почти столетие назад поглотил ее.

– Давайте поедem туда, – просто добавил Мэтт.

Елена положила руку ему на плечо.

– Ты уверен?

Он ненадолго отвернулся.

– Я просто не знаю, чему верить, – сказал Мэтт наконец. – Но давайте туда съездим.

Они разделились на пары и сели в обе машины. Мэтт с Бонни поехали впереди, а Мередит с Еленой последовали за ними. Мэтт выбрал заброшенную проселочную дорогу, ведущую в лес, но она довольно скоро оборвалась.

– Дальше придется идти пешком, – сказал парень.

Елена радовалась, что ей пришлось захватить с собой веревку. Если Стефан

действительно в колодце на ферме Франчера, веревка должна им потребоваться. А если он не там...

Но пока лучше об этом не задумываться.

Непросто было продираться сквозь лес, особенно в темноте. Подлесок был очень густым, и мертвые ветки то и дело цеплялись за одежду путников. Вокруг кружили какие-то насекомые, задевая щеки незримыми крылышками.

В конце концов, они вышли на поляну. Фундамент старого дома еще можно было разглядеть, хотя каменный остров теперь оплетала густая сеть сорняков, дымовая труба стояла почти неповрежденной, напоминая странный осыпающийся монумент.

– Колодец должен быть где-то на заднем дворе, – предположил Мэтт.

Вскоре Мередит обнаружила его. Девушка позвала остальных, и они встали вокруг плоского квадратного блока, едва возвышавшегося над землей и накрытого каменной плитой.

Мэтт нагнулся и внимательно осмотрел плиту.

– Ее недавно двигали, – заметил он.

Сердце Елены тут же лихорадочно заколотилось. Она ощущала его биение даже в горле и в кончиках пальцев.

– Давайте ее уберем, – произнесла она еле слышно.

Каменная плита оказалась такой тяжелой, что только едва заметно шевельнулась под напором Мэтта. Когда же они все четверо налегли изо всех сил, плита сдвинулась, по меньшей мере, на дюйм. Мэтт вставил сухую ветку в образовавшуюся брешь и стал действовать ею как рычагом. Затем все четверо снова налегли на плиту.

Когда отверстие стало достаточно большим, чтобы просунуть туда голову и плечи, Елена нагнулась, заглядывая в колодец. Надежда еле теплилась.

– Стефан?

Последовавшие секунды, пока Елена вглядывалась во тьму, слыша только эхо от падения мелких камешков, были невыносимо мучительными. Наконец, каким бы невероятным это ни казалось, из колодца донесся слабый голос:

– Кто здесь? Елена?

– Ах, Стефан! – Елена чуть не задохнулась от чувства облегчения. – Да! Я здесь, мы здесь, и мы сейчас тебя вытащим. С тобой все хорошо? Тебе больно? – Она и сама бросилась бы вниз, если бы Мэтт не придерживал ее сзади за пояс. – Стефан, держись, у нас тут веревка. Скажи мне, что с тобой все хорошо.

Последовал еле слышный, почти неопознаваемый звук, но Елена все же поняла, что это было. Голос Стефана оказался слаб, однако вполне различим.

– Вообще-то... бывало и лучше, – выдохнул он. – Но я... я жив. А кто там с тобой?

– Это я, Мэтт, – сказал Мэтт, отпуская Елену. Затем он тоже нагнулся над черной дырой. Елена, чуть не сходя с ума от радости, все же заметила, что вид у парня был ошарашенный. – А еще тут Бонни и Мередит. Я сейчас брошу тебе веревку... конечно, при условии, что Бонни потом при помощи левитации тебя вызволит. – По-прежнему стоя на коленях, Мэтт повернулся лицом к Бонни.

Она слегка хлопнула его по макушке.

– Не смей с этим шутить! Давай лучше его вытаскивать!

– Есть, мэм, – с легкой беспечностью отозвался Мэтт. – Держи, Стефан. Постарайся обвязаться этой веревкой.

– Хорошо, – выдохнул Стефан.

Он старался не думать о пальцах, совсем занемевших от холода, и не стал спрашивать, смогут ли они вытащить его из колодца. Другого варианта попросту не существовало.

Следующие пятнадцать минут стали для Елены сплошным кошмаром. Потребовались усилия всех четверых, чтобы вытащить Стефана из колодца, хотя главным вкладом Бонни стало произнесение слов «давайте, давайте!» всякий раз, как они останавливались, чтобы передохнуть. Но вот, наконец, руки Стефана уцепились за край черной дыры, и Мэтт схватил его за плечи, нагнувшись вперед.

Вскоре Елена уже бережно обнимала лежащего на земле Стефана. О скверном положении дел свидетельствовали неестественно низкая температура его тела и слабость. Последние

остатки сил Стефана ушли на помощь спасателям, пока они вытягивали его из колодца. Его руки были покрыты кровоточащими ранами. Но больше всего Елену встревожил тот факт, что у него даже не хватило сил ее обнять.

Когда Елена отпустила Стефана, чтобы как следует его осмотреть, ей сразу бросились в глаза его восковая бледность и темные круги под глазами. Стефан выглядел таким изможденным, что она не на шутку испугалась.

Елена беспомощно посмотрела на остальных. Мэтт сочувственно морщился.

– Нам лучше как можно скорее доставить его в больницу. Ему нужен доктор.

– Нет! – Слабый и хриплый голос донесся от обмякшей фигуры, которую Елена баюкала у себя на коленях.

Она поняла, что Стефан отчаянно собирается с силами, почувствовала, как он поднимает голову. Взгляд его зеленых глаз сосредоточился на ее лице, и выражал он непреклонную настойчивость.

– Никаких... докторов. – Глаза Стефана буквально жгли ее. – Обещай мне... Елена.

Елена совсем растерялась.

– Обещаю, – прошептала она.

А затем почувствовала, как державший Стефана поток чистой силы воли и целеустремленности резко ослабевает. Теряя сознание, Стефан снова обмяк у нее на руках.

Глава 4

– Но он обязательно должен получить врачебную помощь! – заявила Бонни. – Ведь он почти умирает!

– Нет, это невозможно. Я не могу прямо сейчас вам этого объяснить. Давайте просто доставим его домой, хорошо? Ведь он весь мокрый и замерзает. Потом мы сможем все обсудить.

Задача по доставке Стефана через лес к машине оказалась достаточно сложной, и какое-то время ни о чем другом они и думать не могли. Стефан оставался без сознания, и, когда они, наконец, положили его на заднее сиденье машины Мэтта, все четверо были измучены.

Пока они ехали к пансионату, Елена сидела, устало опустив голову. Мередит и Бонни на второй машине следовали за ними.

– Там горит свет, – заметил Мэтт, подкатывая к массивному красно-коричневому зданию. – Должно быть, миссис Флауэрс не спит. Но дверь наверняка заперта.

Отпустив голову Стефана, которую она держала у себя на коленях, Елена выскользнула из машины. Она тут же заметила, как в одном из окон пансионата отодвинулась портьера и свет стал ярче. Затем в окне появилась человеческая фигура.

– Миссис Флауэрс! – крикнула Елена, маша рукой. – Миссис Флауэрс, это Елена Гилберт! Мы нашли Стефана, и нам нужно войти в дом!

Человек в окне даже не шевельнулся и никак не показал, что слова Елены были услышаны. И все же, судя по позе, можно было догадаться, что он по-прежнему на них смотрит.

– Миссис Флауэрс, мы нашли Стефана! – снова крикнула Елена, указывая на машину. – Пожалуйста, откройте!

– Елена! Да здесь уже открыто! – Голос Бонни раздавался от передней веранды, отвлекая Елену от фигуры в окне.

Когда же она снова туда посмотрела, портьера уже опустилась на место, а свет погас.

Все это казалось довольно странным, однако удивляться и размышлять не было времени. Они с Мередит помогли Мэтту вытащить Стефана из машины и отнести его к входной двери.

Внутри дома оказалось темно и безмолвно. Елена повела их вверх по лестнице, расположенной напротив двери, к площадке второго этажа. Оттуда они прошли в спальню, где Елена попросила Бонни открыть дверь в чулан. За ней оказалась еще одна лестница, очень темная и узкая.

– Кто мог оставить... входную дверь незапертой... после всего, что случилось? – прохрипел Мэтт, пока они тащили свою бесчувственную ношу вверх по лестнице. – Должно

быть, миссис Флауэрс совсем спятила.

– Она действительно сумасшедшая, – заметила Бонни, открывая дверь на верхней площадке. – В прошлый раз, когда мы здесь были, она все болтала о таких странных... – Тут она осеклась.

– В чем дело? – спросила Елена.

Впрочем, стоило ей только добраться до порога комнаты Стефана, как она сама все увидела.

Елена совсем забыла, в каком состоянии пребывала комната, когда она последний раз там была. Чемоданы, полные одежды, валялись по всей комнате, будто чья-то гигантская рука швыряла их от стены до стены. Содержимое чемоданов было разбросано по полу, составляя одну большую кучу с вещами из комода и со столов. Мебель была перевернута. Через разбитое окно в комнату проникал холодный ветер. Горела только одна лампа в углу, и на потолке плясали причудливые тени.

– Что здесь случилось? – спросил Мэтт.

Елена не отвечала, пока они не уложили Стефана на кровать.

– Точно не знаю, – наконец сказала она, и это можно было считать правдой лишь с солидной натяжкой. – Но прошлой ночью здесь уже все так было. Мэтт, ты мне не можешь? Его необходимо переодеть.

– Я найду другую лампу, – сказала Мередит.

– Не надо, здесь и так все видно, – быстро возразила Елена. – Лучше попытайся разжечь камин.

В одном из перевернутых чемоданов виднелся темный трикотажный халат. Елена взяла его, а потом они с Мэттом принялись сдирать со Стефана влажную и липкую одежду. Взявшись за свитер, Елена увидела шею Стефана и обмерла.

– Мэтт, ты мне полотенце не передашь?

Как только парень отвернулся Елена быстро-быстро стянула свитер через голову Стефана и надела на него халат. Когда Мэтт возвратился с полотенцем, она замотала его на шею Стефана, точно шарф.

Сердце Елены билось стремительно, а разум яростно работал.

Неудивительно, что Стефан был таким слабым, таким безжизненным. О, боже! Елене следовало его осмотреть, проверить, насколько все скверно. Но как она могла это сделать, когда здесь были Мэтт, Бонни и Мередит?

– Я намерен вызвать врача, – напряженно произнес Мэтт, не сводя глаз с лица Стефана. – Пойми, Елена, ему нужна помощь.

Елена запаниковала.

– Нет, Мэтт... нет, пожалуйста. Он до смерти боится докторов. Даже не представляю, что случится, если ты вызовешь врача.

Эта правда тоже была далеко не полной. Елена понятия не имела, как она сможет помочь Стефану, но, пока здесь были остальные, она вообще ничего не могла сделать. Тогда она склонилась над Стефаном, растирая его ладони и лихорадочно пытаясь что-то придумать.

Что она могла сделать? Сохранить тайну Стефана ценой его жизни? Или предать его, пытаясь его спасти? Но спасет ли она его, если расскажет все Мэтту, Бонни и Мередит?

Елена посмотрела на своих друзей, пытаясь прикинуть их реакцию, если они узнают всю правду о Стефане Сальваторе.

Нет, ничем хорошим излишняя откровенность обернуться не может. Она не имеет права так рисковать. Ведь правда о Стефане даже ее саму чуть не довела до сумасшествия. Если она, которая так любила Стефана, готова была с дикими воплями от него бежать, то чего можно было ожидать от других? Кроме того, оставалось еще убийство мистера Таннера. Если они узнают, кто такой Стефан, будут ли они способны поверить в его невиновность? Или они, напротив, начнут втайне его подозревать?

Елена закрыла глаза. Нет, это было слишком опасно. Да, Мередит, Бонни и Мэтт оставались ее друзьями, но поделиться с ними она никак не могла. Во всем мире не было человека, которому она могла бы открыть эту тайну. Так что придется молчать.

Она посмотрела на Мэтта.

– Стефан боится докторов, но медицинская сестра очень бы ему подошла. – Тут Елена повернулась к Бонни и Мередит, которые стояли на коленях перед камином, раздувая огонь. – Послушай, Бонни, как насчет твоей сестры?

– Мэри? – Бонни взглянула на часы. – Вообще-то у нее на этой неделе вечерняя смена в клинике, но теперь она уже, наверное, дома. Только вот...

– Как раз это нам и нужно. Мэтт, ты поедешь вместе с Бонни и попросишь Мэри прибыть сюда. Пусть она осмотрит Стефана. Если Мэри решит, что ему нужен доктор, я больше спорить не буду.

Мэтт секунду поколебался, затем резко выдохнул.

– Хорошо. Я по-прежнему думаю, что ты ошибаешься, но... ладно, идем, Бонни. Мы с тобой собираемся нарушить кое-какие правила дорожного движения.

Они пошли к двери, а Мередит так и осталась сидеть у камина, пристально наблюдая за Еленой своими черными глазами.

Елена заставила себя встретить ее взгляд.

– Мередит... я думаю, вам стоит поехать вместе.

– Ты уверена?

Темные глаза подруги бестрепетно следили за Еленой, словно стараясь прочесть ее мысли. Но больше никаких вопросов Мередит не задала. Секунду спустя она кивнула и без единого слова последовала за Мэттом и Бонни.

Как только Елена услышала звук закрывающейся двери на втором этаже, она торопливо схватила с полу лампу и воткнула ее в розетку. Ну вот, теперь она наконец-то могла как следует позаботиться о Стефане.

Елена внимательно посмотрела на него, и ее снова поразила бледность его лица. Стефан казался блее простыни. Даже губы его были бесцветными, и Елена внезапно вспомнила о Томасе Фелле, основателе Феллс-Черча. Вернее, о статуе Томаса Фелла, лежащего с Онорией Фелл на каменной крышке гробницы. Лицо Стефана сейчас напоминало мраморную маску.

Порезы на его ладонях светились ярким пурпуром, но уже не кровоточили. Елена аккуратно повернула его голову, чтобы осмотреть шею.

Да, все верно. Елена машинально дотронулась до собственной шеи, словно желая подтвердить сходство. Но отметины на горле Стефана не выглядели мелкими проколами. Нет, это были глубокие, неистовые прорывы в плоти. Создавалось впечатление, будто какое-то свирепое животное попыталось перегрызть ему горло.

Гнев пронзил Елену раскаленным докрасна лезвием. И вместе с гневом пришла ненависть. Она вдруг поняла, что, несмотря на все отвращение и ярость, она до сих пор не испытывала настоящей ненависти к Дамону. Нет, не испытывала. Теперь эмоции, которые захлестнули Елену, достигли невероятной интенсивности. Ничего подобного Елена еще не переживала. И теперь... теперь она по-настоящему ненавидела Дамона. Она страстно захотела ему отомстить. Будь у нее под рукой осиновый кол, Елена без всякого сожаления пронзила бы им сердце Дамона.

Однако сейчас ей следовало подумать о Стефане. Он был так ужасающе неподвижен. Именно эту пустоту, это отсутствие всякого движения Елене тяжелее всего было вынести. Казалось, будто Стефан просто сбросил с себя брентную оболочку и оставил Елену рядом с пустым сосудом.

– Стефан! – Резкая встряска ничего не дала.

Приложив руку к его холодной груди, Елена попыталась ощутить сердцебиение. Если оно и было, то слишком слабое, чтобы его почувствовать.

«Сохраняй спокойствие, – приказала себе Елена, всеми силами заглушая панические мысли: – Что, если он уже мертв? Что, если он и правда мертв, и уже ничто его не спасет?»

Оглядывая комнату, Елена остановила взгляд на разбитом окне. Осколки стекла лежали на полу. Она подшла и взяла один осколок, заметив, как он поблескивает в свете камина.

«Прелестная вещица, – подумала Елена. – Острая как бритва».

Затем, сжав зубы, она аккуратно порезала себе палец.

Елена охнула от боли. Мгновение спустя кровь потекла из ранки, точно воск по свечке. Елена опустилась на колени рядом со Стефаном и приложила свой палец к его губам.

Другой рукой она сжала его ладонь, ощущая твердость серебряного кольца на безымянном пальце. Неподвижная, как мраморная статуя, Елена стояла на коленях и ждала.

Она чуть было не пропустила первые проблески рефлекторного отклика. Глаза Елены были сосредоточены на лице Стефана, и его тяжкий вдох она случайно заметила боковым зрением. Но затем губы юноши задрожали и слегка раздвинулись. Стефан рефлекторно глотнул.

– Ну вот, – прошептала Елена. – Давай, Стефан.

Ресницы юноши затрепетали, и с зарождающейся радостью Елена почувствовала, как его ладонь откликается на нажим ее пальцев. Стефан снова сглотнул.

– Давай. – Елена подождала.

Глаза Стефана дрогнули и раскрылись. Тогда Елена одной рукой оттянула высокое горло своего свитера, обнажая шею.

Взгляд его зеленых глаз по-прежнему был мутным, но теперь в нем читалось упрямство.

– Нет, – хриплым шепотом выговорил Стефан.

– Пойми, Стефан, ты должен это сделать. Вскоре вернутся ребята и приведут с собой медсестру. Мне пришлось на это пойти. И если твое состояние окажется недостаточно хорошим, если ты не сможешь убедить медсестру в том, что справишься без... – Елена намеренно оставила предложение незаконченным.

Она сама не знала, что доктор или лабораторный специалист смогут обнаружить при обследовании Стефана. Зато Елена ни секунды не сомневалась, что Стефана такой поворот событий не на шутку пугал.

Однако Стефан по-прежнему упрямо от нее отворачивался.

– Не могу, – прошептал он. – Это слишком опасно. Я уже и так... взял слишком много... прошлой ночью.

«Неужели это случилось прошлой ночью? – подумала Елена. – А кажется, по меньшей мере, год тому назад».

– Это меня убьет? – спросила она. – Стефан, ответь мне! Это меня убьет?

– Нет. – Его тон был предельно мрачен. – Но...

– Тогда нам следует на это пойти. Не спорь со мной!

Елена склонилась над Стефаном, держа его за руки, и смогла ощутить его всепоглощающий голод. Ее до глубины души изумило то, что он вообще пытался сопротивляться. Подобно голодающему на банкете, не способному отвести глаз от дымящихся блюд, Стефан, тем не менее, отказывался насытиться.

– Нет, – снова мотнул головой Стефан, и Елена почувствовала свою беспомощность.

С подобным упрямством она еще ни разу в жизни не сталкивалась.

– Не нет, а да. А если ты станешь и дальше со мной спорить, я порежу себе что-нибудь еще. Например; запястье. – Она поднесла кровотокающий палец к его губам.

Глаза Стефана широко распахнулись, а рот приоткрылся.

– Уже взял... слишком много, – пробормотал юноша, однако его взгляд оставался прикован к яркой капельке крови на самом кончике пальца. – И я не могу... управлять.

– Все хорошо, – прошептала Елена, снова прикладывая палец к его губам, ощущая, как они открываются.

Затем она склонилась над Стефаном и закрыла глаза.

Сухие и прохладные губы коснулись ее горла, жадно нащупывая две крошечные дырочки, а рука обхватила ее сзади за шею. Елена постаралась не отпрянуть от резкого укола клыков. Затем она улыбнулась.

Елена ощущала, как мучительная потребность Стефана, его сильнейший голод превратились в отчаянную радость и удовлетворение. А Елену переполнял восторг понимания, что она поддерживает Стефана своей собственной жизнью. Она чувствовала, как в него втекает Сила.

Вскоре Елена ощутила, как его голод утихает. Утихает, но не исчезает совсем. Поэтому она удивилась, когда Стефан попытался отстраниться.

– Достаточно, – прохрипел Стефан, отталкивая ее.

Елена открыла глаза, чувствуя, как сонное наслаждение разлетается вдребезги. Глаза

Стефана были зелеными, как листья мандрагоры, а на лице ясно читался яростный голод охотника.

– Нет, недостаточно. Ты все еще слаб...

– Достаточно для тебя. – Стефан снова ее оттолкнул, и Елена заметила, как что-то похожее на отчаяние искрится в его зеленых глазах. – Пойми, Елена, если я возьму еще, ты начнешь меняться. А если ты сейчас же... если ты сейчас же от меня не отодвинешься...

Елена отодвинулась и села в ногах кровати. Она наблюдала за тем, как Стефан садится и поправляет на себе темный халат. В свете лампы она различила, как его кожа обретает цвет. Кровь прилила к щекам, оттеняя его бледность. Волосы Стефана высохли, превращаясь в спутанное море темных локонов.

– Как же я по тебе скучала! – выдохнула Елена.

Облегчение внезапно отозвалось в ней болью, почти столь же сильной, как та, которую ранее рождали страх и напряжение. Стефан был жив, он с ней разговаривал. Можно было считать, что самое страшное уже позади.

– Елена... – Их глаза встретились, и ее приковал к себе зеленый огонь.

Бессознательно Елена снова к нему потянулась, но замерла, когда Стефан вдруг рассмеялся.

– Я еще никогда не видел тебя такой, – пояснил он, и Елена оглядела себя с головы до ног.

Туфли, джинсы и рукава были заляпаны красноватой грязью, из порванной куртки клочками торчала набивка. Елена ни секунды не сомневалась, что лицо ее измазано не меньше, а волосы спутаны. Елена Гилберт, безупречный образчик моды в средней школе имени Роберта Ли, сейчас выглядела, как настоящая грязнуля.

– Но мне нравится, – признался Стефан, и на сей раз Елена рассмеялась вместе с ним.

Они все еще смеялись, когда вдруг открылась дверь. Елена бдительно застыла, поправляя высокое горло своего свитера и оглядывая комнату в поисках улик, которые могли бы их выдать. Стефан сел прямее и провел языком по пересохшим губам.

– Ему уже лучше! – воскликнула Бонни, едва переступив порог комнаты и увидев Стефана.

Мэтт и Мередит вошли за ней, и на их лицах тут же отразилось радостное удивление. Следом за ними в комнату вошла четвертая персона, лишь ненамного старше Бонни, однако ее окутывала аура неоспоримого авторитета взрослого человека. Мэри МакКалло подошла прямо к своему пациенту и потянулась пощупать его пульс.

– Так это вы тут докторов боитесь? – поинтересовалась сестра Бонни.

На какое-то мгновение Стефан явно растерялся, но затем взял себя в руки.

– Это вроде как детская фобия, – смущенно произнес он. Стефан искоса взглянул на Елену, которая нервно улыбнулась и едва заметно кивнула. – Так или иначе, теперь вы сами видите, что никакой доктор мне не требуется.

– Почему бы вам не предоставить мне самой об этом судить? Ваш пульс в порядке. И я бы сказала, что он поразительно медленный, даже для спортсмена. Не думаю, что здесь имеет место гипотермия, но вас по-прежнему трясет озноб. Давайте измерим температуру.

– Нет. Признаться, я не считаю это необходимым. – Стефан обращался к Мэри на низких, успокоительных тонах.

Елена уже видела, как он использует этот прием, так что она прекрасно понимала, что он пытается предпринять. Но на Мэри это никакого заметного влияния не оказало.

– Снимите халат, пожалуйста.

– Сейчас я все сделаю, – быстро вмешалась Елена; протягивая руку к термометру и забирая его у Мэри. И в ту же секунду маленькая стеклянная трубочка выскользнула у нее из рук. Упав на деревянный пол, термометр разбился на несколько кусочков. – Ах, какая жалость!

– Не имеет значения, – сказал Стефан. – Я уже чувствую себя намного лучше и быстро согреваюсь.

Мэри внимательно посмотрела на разбитый термометр, а затем оглядела комнату, оценивая царящий беспорядок.

– Ну ладно, – резко выговорила она, поворачиваясь к Стефану и кладя ладони на бедра. – Так что здесь произошло?

Стефан даже глазом не моргнул.

– Ничего особенного, – сказал он, глядя Мэри прямо в глаза. – Просто миссис Флауэрс очень скверная домохозяйка.

Елене хотелось расхохотаться, и она заметила, что Мэри тоже с трудом удерживается от смеха. В конце концов, старшая сестра Бонни скорчила гримасу и скрестила руки на груди.

– Полагаю, на прямой ответ бесполезно было даже надеяться, – сказала Мэри. – И мне совершенно ясно, что вы вовсе не так уж безнадежно больны. Заставить вас отправиться в больницу я не могу. Но надеюсь, что завтра вы зайдете к врачу на осмотр.

– Вполне может быть, – вежливо отозвался Стефан, но Елена заметила, что выражением согласия это вовсе не прозвучало.

– А знаешь, Елена, – вдруг вмешалась Бонни, – вид у тебя такой, как будто и тебе доктор не помешал бы. Ты бледна как привидение.

– Я просто устала, – сказала Елена. – День был длинный.

– Мой тебе совет – поскорее отправиться домой и лечь в постель, – порекомендовала Мэри. – Я так полагаю, анемии у тебя нет?

Елена отказалась от мысли приложить ладонь к своей щеке. Неужели она так бледна?

– Нет, я просто устала, – повторила она. – Теперь мы можем идти домой, если, конечно, со Стефаном все в порядке.

Стефан утвердительно кивнул, а глаза его передали чувства, предназначенное одной лишь Елене.

– Дайте нам минутку на прощание, ладно? – попросил он у Мэри и остальных.

Все четверо отступили к лестнице.

– До свидания. Береги себя, – громко произнесла Елена, а затем прошептала: – Почему ты не стал использовать свои Силы с Мэри?

– Я их использовал, – мрачно прошептал ей в самое ухо Стефан. – По крайней мере попытался. Должно быть, я по-прежнему слаб. Не волнуйся, это пройдет.

– Конечно, пройдет, – бодро согласилась Елена, хотя в животе у нее все сжалось. – Ты совершенно уверен, что тебе следует остаться одному? Что, если...

– Со мной все будет хорошо. А одной не следует оставаться как раз тебе, Елена. – Голос Стефана звучал мягко, но настойчиво. – До сих пор у меня не было никакой возможности тебя предупредить. Но теперь она появилась. Знаешь, Елена, ты была права в том, что Дамон сейчас здесь, в Феллс-Черче.

– Я знаю. Ведь это он с тобой проделал, разве не так? – Елена даже не упомянула о том, что она ходила его искать.

– Честно говоря, я... я просто не помню. Но Дамон очень опасен. Послушай, Елена, пусть Бонни и Мерedit побудут с тобой эту ночь. Я не хочу, чтобы ты оставалась одна. И позаботься о том, чтобы никто не приглашал незнакомцев к тебе в дом.

– Мы сразу же ляжем в постель, – заверила его Елена. – И никого приглашать не будем.

– Хорошенько об этом позаботься. – Тон Стефана был исключительно серьезен, и Елена медленно кивнула.

– Я понимаю, Стефан. Мы будем очень осторожны.

– Хорошо. – Они поцеловались, едва касаясь друг друга губами, но их руки разомкнулись с большой неохотой. – Поблагодари за меня остальных, – попросил ее Стефан.

– Обязательно.

На улице Мэтт предложил Мэри отвезти ее домой, так что Бонни и Мерedit смогли вернуться вместе с Еленой. Мэри явно по-прежнему была полна подозрений, и Елена не могла ее в этом винить. Но сейчас ей было не до тяжелых размышлений. Она слишком устала.

– Он просил вас всех поблагодарить, – вспомнила Елена уже после отъезда Мэтта и Мэри.

– Что ж... пожалуйста, – отозвалась Бонни, перемежая слова чудовищным зевком.

Мерedit тем временем открывала для нее дверцу машины.

Мерedit ничего не сказала. Она вела себя очень тихо с тех пор, как оставила Елену наедине со Стефаном. Бонни внезапно рассмеялась.

– Мы тут кое о чем совсем забыли, – сказала она. – О пророчестве.

– О каком пророчестве? – спросила Елена.

– Насчет моста. О пророчестве, которое, как вы утверждаете, я изрекла. Итак, ты отправилась к мосту, но смерть тебя там все-таки не поджидала. Может, вы неправильно поняли слова?

– Нет, – возразила Мередит. – Мы совершенно точно это услышали.

– Что ж, тогда, может, речь шла про другой мост. Или... мм... – Тут Бонни плотнее закуталась в пальто, закрывая глаза, и не потрудилась закончить.

Однако разум Елены смог закончить предложение, начатое Бонни: «Или про другой раз».

Неподалеку ухнула сова, когда Мередит стала заводить мотор.

Глава 5

2 ноября, суббота

Мой милый Дневник!

Сегодня утром я проснулась и почувствовала себя очень странно. Просто не знаю, как это описать. С одной стороны, я была так слаба, что, когда попыталась встать, ноги поначалу отказались меня держать. А с другой стороны, я ощутила такое... такое удовольствие. Я чувствовала такое спокойствие и умиротворение. Как будто я плавала на ложе золотистого света. Мне было совершенно наплевать, смогу ли я когда-нибудь сдвинуться с места.

Затем я вспомнила про Стефана и снова попыталась встать, но тетя Джудит уложила меня обратно в постель. Она сказала, что Бонни и Мередит ушли несколько часов тому назад, а я так крепко спала, что они даже не смогли меня разбудить. Еще она сказала, что я нуждаюсь в хорошем отдыхе.

Вот я теперь и отдыхаю. Тетя Джудит притащила сюда телевизор, но мне не хочется его смотреть. Лучше я буду лежать в кровати и писать тебе – или просто лежать.

Я жду, когда Стефан мне позвонит. Он обещал позвонить. А может, не обещал. Не могу вспомнить. Когда он все-таки мне позвонит, я должна буду...

3 ноября, воскресенье, 10:30 вечера

Только что прочитала вчерашнюю запись и очень расстроилась. Что же со мной такое твориться? Я прервала запись буквально на полуслове, и теперь даже не знаю, что собиралась сказать. И я ничего не объяснила на счет нового дневника и всего остального. Должно быть, я совсем ничего не соображала.

Так или иначе, теперь я официально объявляю о начале нового дневника. Эту тетрадку я купила в канцтоварах. Она совсем не так красива, как предыдущая, но все равно подойдет. Я уже потеряла всякую надежду когда-нибудь увидеть мой старый дневник. Тот, кто его украл, похоже, не собирается его возвращать. Но стоит мне только подумать о том, что кто-то его читает, узнает о моих заветных мыслях и моих чувствах в отношении Стефана, мне хочется убить этого человека. И в тоже время мне так стыдно, что я готова умереть от унижения.

Нет, я не стыжусь тех чувств, которые испытываю к Стефану. Но это мое личное дело. А, кроме того, там есть совсем интимные записи – о том, как мы целовались, как он меня обнимал... Уверена, Стефан нипочем бы не захотел, чтобы кто-то об этом прочел.

Разумеется, там нет ни слова про его тайну. Я тогда еще толком ничего не знала. И только когда Стефан поделился со мной своей тайной, я его действительно поняла, и мы по-настоящему сблизились, оказались вместе. Теперь мы неразрывны, мы часть друг друга. Мне кажется, я всю жизнь его ждала.

Может быть, ты думаешь, что я ужасно себя чувствую из-за любви к нему, если вспомнить, кто он такой. Да, Стефан может быть буйным и жестоким, и я точно знаю, что в его прошлом есть вещи, которых он стыдится. Но он совершенно не способен быть жестоким по отношению ко мне. С прошлым покончено. Внутри у Стефана такое чувство вины и столько боли! Мне очень хочется его излечить.

Я не знаю, что будет дальше: я просто рада, что Стефан в безопасности. Сегодня я отправилась к пансионату и выяснила, что полиция вчера там побывала. Стефан был

по-прежнему слаб и не смог воспользоваться своей Силой, чтобы спровадить полицейских, но они ни в чем его не обвинили. Они просто задали несколько вопросов. Стефан сказал, что полицейские вели себя вполне дружелюбно, и это вызывает у меня определенные подозрения. Все вопросы на самом деле сводились к одному – где Стефан был в ту ночь, когда напали на старика под мостом, когда напали на Викки у разрушенной церкви, а также в тот вечер, когда в школе был убит мистер Таннер.

У полиции нет против него никаких улик. Что из того, что преступления начались сразу же после того, как Стефан прибыл в Феллс-Черч? Это ровным счетом ничего не доказывает. Да, он поспорил тем вечером с мистером Таннером. Ну и что? Все спорили с мистером Таннером. Да, Стефан исчез сразу же после того, как было обнаружено тело мистера Таннера. Но теперь он вернулся, и совершенно ясно, что на него самого напали, причем сделала это та же самая персона, которая совершила все остальные нападения. Мэри рассказала полиции о том состоянии, в котором она его нашла. А если полицейские когда-нибудь спросят нас, то мы с Мэттом, Бонни и Мереди сможем заявить о том, как обнаружили Стефана в заброшенном колодце. Против него нет совсем никаких улик.

Мы со Стефаном поговорили обо всем этом – и о многом другом. Так славно было снова быть с ним, пусть даже он казался совсем бледным и уставшим. Стефан по-прежнему не помнит, чем для него закончилась ночь с четверга на пятницу, но в целом все получилось так, как я и подозревала. В четверг вечером, проводив меня до дома, он отправился искать Дамона. Они серьезно поспорили. В результате Стефан полумертвый оказался в колодце. Не надо быть гением, чтобы представить, что произошло между двумя этими событиями.

Я до сих пор не сказала Стефану, что утром в пятницу отправилась на кладбище искать Дамона. Пожалуй, мне лучше сделать это завтра. Я знаю, что он расстроится, особенно, когда услышит о том, что мне сказал Дамон.

Вот так пока все складывается. Я очень устала. Вряд ли стоит добавлять, что этот дневник мне следует хорошенько спрятать.

Помедлив, Елена посмотрела на последнюю строчку. А затем добавила еще одну:

P.S. Интересно, кто станет нашим новым учителем европейской истории?

Сунув дневник под матрас, она выключила свет.

Елена шла по школьному коридору, окруженная вакуумом настороженного любопытства. Обычно ее донимали приветствиями со всех сторон. Где бы она ни появилась, везде слышалось: «Привет, Елена!» Однако сегодня при ее приближении все уклончиво отводило глаза в сторону или вообще поворачивались спиной. И это происходило в течение всего дня.

Елена секунду помедлила перед дверью в кабинет европейской истории. Несколько учеников уже сидели в классе, а у доски стоял незнакомец.

Он выглядел почти как старшеклассник, щеголяя песочного цвета шевелюрой и спортивным телосложением. На доске было написано: «Аларих К. Зальцман». Когда незнакомец повернулся, Елена отметила, что у него к тому же довольно ребячливая улыбка.

Новый учитель продолжал улыбаться и после того, как Елена села на место, а другие ученики вошли в класс. Среди них оказался Стефан. Они с Еленой переглянулись, пока он усаживался рядом с ней, но разговаривать не стали. Все остальные тоже молчали. В помещении постепенно воцарилась мертвая тишина.

Бонни села по другую сторону от Елены. Мэтт расположился в нескольких столах от них, но смотрел прямо перед собой.

Последними в класс вошли Кэролайн Форбс и Тайлер Смоллвуд. Они явно прибыли вместе, и Елене очень не понравилось выражение лица Кэролайн. Слишком уж хорошо она знала эту кошачью улыбку и суженные зеленые глаза. Жирная физиономия Тайлера буквально сияла от удовольствия. Роскошные фингалы у него под глазами уже почти прошли.

– Ну хорошо, почему бы нам для начала не составить все эти столы в кружок?

Внимание Елены резко переключилось на незнакомца у доски. Он по-прежнему улыбался.

– Давайте это сделаем. Тогда мы все будем видеть лица друг друга, пока разговариваем, – продолжил новый учитель.

Ученики молча повиновались. Незнакомец не стал устраиваться за столом мистера Таннера; вместо этого он перетащил стул в центр круга и лихо его оседлал.

– Ну вот, – произнес он. – Я понимаю, вам наверняка любопытно, кто я такой. Что ж, мое имя написано на доске: Аларих К. Зальцман. Но я хочу, чтобы вы звали меня Аларих. Позднее я расскажу о себе, но сначала хочу дать вам возможность выговориться. Сегодня, как я понимаю, тяжелый день для большинства из вас. Кого-то, очень для вас важного, не стало, и это должно быть очень больно. Я хочу дать вам шанс откровенно поделиться наболевшим со мной и с вашими одноклассниками. Я хочу, чтобы вы рассказали о своей боли и тем самым от нее избавились. Тогда мы с вами сможем начать строить доверительные отношения. Итак, кто хотел бы высказаться первым?

Ученики молча смотрели на него. Никто даже бровью не повел.

– Так-так, посмотрим... как насчет тебя? – По-прежнему улыбаясь, новый учитель сделал ободряющий жест в сторону очаровательной девочки с красными волосами. – Скажи мне, как тебя зовут, и что ты чувствуешь по поводу случившегося.

Явно растерявшись, девочка встала.

– Меня зовут Сью Карсон, и я... гм... – Она перевела дух и продолжила: – И я чувствую страх. Потому что, кем бы ни был этот маньяк, он по-прежнему на свободе. И в следующий раз на месте мистера Таннера могу оказаться я.

– Спасибо, Сью. Уверен, многие одноклассники разделяют твою тревогу. А теперь вот что. Правильно ли я понимаю, что некоторые из вас оказались на месте трагедии?

Столы закрипели, когда ученики неловко заерзали на стульях. Тайлер Смоллвуд встал, слегка улыбаясь и показывая крепкие зубы.

– Почти все мы там оказались, – уточнил он, после чего глаза его переметнулись на Стефана. Елена тут же заметила, как некоторые ученики проследили за его взглядом. – Я добрался туда вскоре после того, как Бонни обнаружила труп. И теперь я чувствую ответственность за своих сограждан. По улицам разгуливает опасный убийца, и пока еще не сделано ничего, чтобы его остановить. К тому же... – Тут Тайлер осекся.

Елена заметила, как Кэролайн взглядом приказала ему остановиться. Отбросив назад золотисто-каштановые волосы, Кэролайн закинула одну длинную ногу на другую, когда Тайлер снова сел.

– Хорошо, спасибо. Итак, почти все вы там оказались. Тогда задача становится намного труднее. А теперь не могли бы мы послушать ту самую Бонни, которая обнаружила тело? – Учитель огляделся по сторонам.

Бонни медленно подняла голову, затем встала.

– Да, это я его обнаружила, – начала она. – То есть я хочу сказать, я первой выяснила, что мистер Таннер действительно мертв, а не просто притворяется.

Аларих Зальцман не смог скрыть резкого недоумения:

– Не просто притворяется? А что, мистер Таннер часто притворялся мертвым?

Послышалось сдавленное хихиканье, а на лице у нового учителя истории засияла все та же мальчишеская улыбка. Елена повернулась и взглянула на Стефана. Тот недовольно хмурился.

– Нет-нет, – стала объяснять Бонни. – Видите ли, он был Жертвой. В Доме с привидениями к Хеллоуину. Поэтому он с самого начала оказался покрыт кровью, но только это была фальшивая кровь. И тут отчасти моя вина, потому что мистер Таннер не хотел, чтобы его заливали кровью, а я сказала, что он должен с этим смириться, иначе ничего не получится. Первоначально он должен был стать просто Окровавленным трупом. А потом мы решили, что он станет Жертвой на алтаре. Но мистер Таннер все продолжал говорить, что так неправильно и негигиенично, и мы никак не могли его убедить, пока Стефан не пришел и не начал с ним спорить... – Тут она осеклась. – Я хочу сказать, мы просто с ним поговорили, и в конечном итоге мистер Таннер согласился стать Жертвой. Вскоре в Дом с привидениями пустили людей. А чуть позже я заметила, что мистер Таннер не садится на алтаре и не пугает детишек, как должен был делать по сценарию. Тогда я подошла и спросила у него, в чем дело. А мистер

Таннер не ответил. Он просто... он просто продолжал смотреть в потолок. И тогда я до него дотронулась, а он... это было ужасно. Оказалось, что у него почти отрезана голова. – Бонни умолкла и с трудом сглотнула слюну.

Елена встала со своего места. Встали также Мэтт, Стефан и еще несколько учеников. Елена потянулась обнять Бонни.

– Бонни, все хорошо. Бонни, не надо, все хорошо.

– И кровь оказалась у меня на ладонях. Так много крови. Там повсюду была кровь, столько крови... – Девочка истерически всхлипнула.

– Ладно, теперь выскажусь я, – произнес Аларих Зальцман. – Весьма сожалею. Я не хотел так вас расстраивать. Но думаю, что в будущем вам непременно следует как-то поработать с этими чувствами. Совершенно очевидно, что вы все пережили разрушительный негативный опыт.

Учитель истории встал и принялся расхаживать в центре круга, нервно сжимая кулаки. Бонни по-прежнему негромко всхлипывала.

– А знаете, – продолжил Аларих Зальцман, и его мальчишеская улыбка вспыхнула с прежней силой, – мне бы хотелось дать нашим взаимоотношениям хороший старт. Но только не в этой официальной атмосфере. Как насчет того, чтобы вы все пришли сегодня вечером ко мне домой, чтобы мы смогли поболтать о всякой всячине в неформальной обстановке? Просто чтобы получше узнать друг друга, поговорить о случившемся. Вы даже сможете привести с собой друзей, если захотите. Ну как?

Несколько секунд все недоуменно переглядывались. Затем кто-то спросил:

– К вам домой?

– Ах, я совсем забыл. Как глупо с моей стороны, я остановился в доме Рамси, на улице Магнолий. – Учитель написал адрес на доске. – Рамси – мои друзья, и они предложили, чтобы я пожил в их доме, пока они сами находятся в отпуске. Я прибыл из Шарлоттсвилля. Директор школы позвонил мне в гостиницу и спросил, не смогу ли я заполнить вакансию. Я сказал, что смогу. Хотя я еще никогда не работал школьным учителем.

– Это многое объясняет, – еле слышно вымолвила Елена.

– Так или иначе, что вы об этом думаете? Как вам мой план? Нравится? – Аларих Зальцман оглядел учеников.

Ни у кого не хватило духу откровенно отказаться. Раздались неуверенные «да» и «конечно».

– Вот и отлично. Будем считать, что все улажено. Так мы непременно сможем получше узнать друг друга. Да, и кстати... – Учитель открыл журнал и внимательно его просмотрел. – На наших уроках активное участие будет порой возмещать отсутствие высоких оценок. – Он поднял взгляд и улыбнулся. – Теперь можете идти.

– Ну он и наглец, – пробормотал кто-то, пока Елена шла к двери.

Бонни оказалась сразу у нее за спиной, но тут Аларих Зальцман попросил ее задержаться.

– Прошу прощения, но не могут ли те ученики, которые участвовали в обсуждении, ненадолго остаться?

Стефану тоже пришлось уйти.

– Пойду, выясню насчет футбольной тренировки, – сказал он Елене. – Ее наверняка отменят, но мне лучше в этом убедиться.

Елена озабоченно посмотрела на него – лицо Стефана осунулось, а двигался он так, будто ему больно.

– Даже если ее не отменят, неужели у тебя есть силы и желание в ней участвовать?

– Все будет хорошо, – уклончиво отозвался Стефан. – Встретимся у твоего шкафчика.

Елена кивнула.

Добравшись до своего шкафчика, она увидела, как Кэролайн неподалеку разговаривает с двумя другими девочками. Три пары глаз следили за каждым движением Елены, пока она убирала учебники и тетрадки, но, стоило Елене поднять взгляд, как собеседницы Кэролайн резко отвернулись. Кэролайн, однако, по-прежнему за ней внимательно наблюдала, наклонив голову. Губы ее слегка шевелились, явно произнося негромкие комментарии. Внезапно Елена почувствовала, что с нее довольно. Захлопнув свой шкафчик, она подошла вплотную к трем

девочкам.

– Привет, Бекки. Привет, Шейла, – поздоровалась она. А затем выразительно добавила: – Привет, Кэролайн.

Бекки и Шейла пробормотали приветствие и, извинившись, поспешили ретироваться. Елена даже не повернула головы и не видела, как они удаляются. Она продолжала смотреть прямо в глаза Кэролайн.

– Что происходит? – поинтересовалась Елена у бывшей подруги.

– В каком смысле? – Кэролайн явно наслаждалась ситуацией и старалась как можно дольше ее растянуть. – С кем?

– С тобой, Кэролайн. Со всеми. Не притворяйся, что ты тут ни при чем, потому что я точно знаю, что это ты во всем виновата. Все избегают меня, словно я зачумленная, а у тебя такой вид, как будто ты только что выиграла в лотерею. Признавайся, что ты натворила?

На лице Кэролайн появилось выражение оскорбленной невинности, но через секунду она снова расплылась в кошачьей улыбке.

– Как только начались занятия, я сказала тебе, Елена, что в этом году все будет по-другому, – начала она. – Я честно предупредила, что твое время на троне истекает. Все остальное – уже мое дело. Происходит всего-навсего естественный отбор. По закону джунглей.

– А все-таки – что конкретно происходит?

– Ну, можно сказать так: прогулки под ручку с убийцей плохо отразились на твоей репутации.

В груди у Елены все напряглось так, будто Кэролайн ее ударила. В первое мгновение желание ударить Кэролайн в ответ казалось почти неудержимым. Кровь стучала у нее в ушах, но Елена, сжав зубы, выдавила:

– Это неправда. Стефан ничего такого не делал. Полиция допросила его, и подозрение с него снято.

Кэролайн пожалала плечами. Улыбка ее стала снисходительной.

– Елена, я же тебя еще с детского сада знаю, – сказала она. – А потому, во имя прежней дружбы, дам тебе небольшой совет – брось Стефана. Если ты сделаешь это сейчас, то еще сумеешь избежать участи прокаженной. В ином случае можешь с таким же успехом купить себе маленький колокольчик, чтобы его звоном отпугивать людей на улице.

От ярости Елене буквально перехватило горло. Кэролайн медленно развернулась и пошла прочь, а в свете ламп казалось, что сквозь ее рыжевато-каштановые волосы просвечивает кожа головы. Через несколько секунд Елена снова обрела дар речи.

– Кэролайн! – Бывшая подруга к ней повернулась. – Ты собираешься сегодня на эту вечеринку в доме Рамси?

– Думаю, да. А что?

– Да ничего. Просто я точно там буду. Со Стефаном. Так что увидимся в джунглях. – На сей раз первой отвернулась Елена.

Величественность ее красочного выхода со сцены несколько пострадала, когда она заметила чью-то стройную фигуру в дальнем конце коридора. На мгновение Елена сбилась с размеренного шага, но, подойдя поближе, узнала Стефана.

Елена прекрасно понимала, что улыбка, которой она его одарила, выглядела искусственно, и Стефан недоуменно оглянулся на шкафчики, пока они выходили из школы.

– Что, футбольная тренировка отменена? – спросила Елена.

Стефан кивнул.

– Что там произошло? – спросил он.

– Ничего. Я просто спросила Кэролайн, идет ли она на сегодняшнюю вечеринку. – Елена запрокинула голову, чтобы взглянуть на серое, безрадостное небо.

– Так вы именно об этом говорили?

Что-то похожее она от него уже слышала. Да, Стефан мог видеть лучше по сравнению с обычным человеком, и слышать тоже. Но достаточно ли хорошо, чтобы различить слова, сказанные на расстоянии в сорок футов от него?

– Да, – с вызовом отозвалась Елена, по-прежнему глядя на облака.

– И это так тебя разозлило?

– Да, – повторила она, не меняя тона.

Тут Елена почувствовала на себе его пристальный взгляд.

– Послушай, Елена, но ведь это неправда.

– Что ж, если ты можешь читать мои мысли, тогда тебе не требуется задавать мне никаких вопросов.

Они остановились и повернулись лицом друг к другу.

Мышцы на лице Стефана напряглись, губы вытянулись и превратились в упрямую черточку.

– Ты же знаешь, что я никогда не стал бы этого делать, но мне казалось, что ты всегда была за честность в отношениях.

– Хорошо. Кэролайн пребывала в своем обычном сволочном настроении и болтала всякие гадости про убийство. Ну и что? Тебе есть до этого дело?

– Есть, – с жестокой простотой признался Стефан. – Потому что она может быть права. Не насчет убийства, а насчет тебя. Насчет нас. Мне следовало догадаться, что это случится. Дело ведь не только в Кэролайн, разве не так? Я весь день ощущал направленные на меня волны враждебности и страха, но чувствовал слишком сильную усталость, чтобы сразу это проанализировать. Все думают, что я убийца, и ставят тебе это в вину.

– Что они думают, не имеет значения! Они ошибаются, но в конечном итоге это поймут. Тогда все снова будет замечательно.

Грустная улыбка растянула уголки рта Стефана.

– Ты действительно в это веришь? – Он отвернулся, и его взгляд снова стал жестким. – А что, если они ничего не поймут? Что, если все станет еще хуже?

– О чем ты говоришь?

– Может, нам лучше... – Стефан перевел дух и осторожно продолжил: – Может, нам лучше какое-то время не видеться? Если все подумают, что мы расстались, возможно, они оставят тебя в покое?

Елена недоверчиво на него уставилась.

– И ты смог бы на это пойти? Смог бы неизвестно сколько не видеться со мной и не разговаривать?

– Если это необходимо, то да. Мы смогли бы притвориться, будто между нами все кончено. – Стефан упрямо сжал губы.

Елена еще какое-то мгновение пристально на него глядела. Затем она придвинулась ближе, так близко, что они со Стефаном почти соприкоснулись. Ему пришлось опустить на нее взгляд. Их лица разделяли какие-то несколько дюймов.

– Есть только один способ это сделать, – напряженно проговорила Елена. – Ладно, я готова объявить всей школе о том, что наши отношения разорваны. Но только в одном случае. Если ты прямо сейчас скажешь, что ты не любишь меня и больше не хочешь меня видеть. Скажи мне это, Стефан, скажи прямо сейчас. Скажи, что больше не хочешь быть со мной.

Стефан буквально перестал дышать. Он неотрывно смотрел на Елену, и его глаза, как у кота, перелились разными оттенками – изумрудным, малахитовым и листовенно-зеленым.

– Скажи мне, – продолжила Елена. – Скажи мне, что ты сможешь жить без меня. Скажи мне...

Последней фразы ей закончить не удалось. Губы Стефана прижались к ее губам.

Глава 6

Стефан сидел в гостиной дома Гилбертов, вежливо соглашаясь со всем, что говорила тетя Джудит. А та явно чувствовала себя неудобно, принимая его в своем доме, не надо было уметь читать мысли, чтобы это понять. Тем не менее тетя Джудит всячески пыталась поддерживать непринужденную атмосферу, и Стефан помогал ей в этом. Он хотел, чтобы Елена была счастлива. Елена!

Даже не глядя на нее, Стефан чувствовал ее сильнее, чем весь остальной мир. Живое присутствие Елены ощущалось его кожей подобно солнечному свету на закрытых веках. А когда Стефан позволял тебе повернуться к ней лицом, это был сладостный шок для всех его

органов чувств... Ах, как же Стефан ее любил! Он больше никогда не сравнивал ее с Катриной; он почти забыл о том, что Елена напоминала ту погибшую девушку. В любом случае различий было очень много. Сходство ограничивалось светло-золотистыми волосами, кремовой кожей и изящными чертами лица. Взгляд Елены бывал ни робким, ни детским, как у Катрины. Напротив, ее глаза были окнами в ее душу, что сияла за ними как страстное пламя. Елена была Еленой, и ее образ сменил нежный призрак Катрины в сердце Стефана.

Однако сила ее характера делала их любовь опасной. На прошлой неделе, когда Елена предложила ему свою кровь, Стефан оказался совершенно не способен воспротивиться. И это притом, что он скорее готов был умереть, чем подвергнуть опасности Елену.

Уже в сотый раз Стефан принялся разглядывать ее лицо, выискивая в нем значительные признаки изменений. Не стала ли кремовая кожа немного беднее? Не сделалось ли выражение лица чуть более отстраненным?

Им обоим следовало быть более осторожными. И прежде всего – Стефану. Ему нужно позаботиться о более частом питании, активном поиске подходящих животных, чтобы не возникало серьезного искушения. Нельзя было позволять потребности стать слишком сильной. Стоило только Стефану об этом подумать, как он осознал, что очень голоден. Знакомое жжение распространялось по верхней челюсти, пронизывая все вены и капилляры. Сейчас Стефану следовало бы находиться в лесу – ловить каждый шорох, быть наготове для жаркой погони, а не здесь, у камина, пристально вглядываясь в узор светло-голубых жилок на горле Елены.

Внезапно Елена повернула голову и внимательно на него посмотрела.

– Так ты хочешь пойти на сегодняшнюю вечеринку? – спросила она. – Мы могли бы взять машину тети Джудит.

– Но для начала вам придется остаться и пообедать, – быстро встала тетя Джудит.

– Мы можем перекусить чем-нибудь по дороге.

Елена имела в виду, что они могли бы прихватить что-нибудь для нее, подумал Стефан.

Сам он мог, если придется, жевать и глотать обычную человеческую пищу, хотя это было совершенно бессмысленно, и он давным-давно потерял к ней всякий вкус.

Но его... настоящий аппетит... был сейчас слишком силен, подумал он. И если они действительно отправляются на вечеринку, это означало еще несколько часов до весьма насыщенной кормежки. Однако Стефан согласно кивнул головой.

– Если ты хочешь, – сказал он.

Елена явно этого хотела, она была решительно настроена. Стефан с самого начала это видел.

– Ну хорошо, тогда я лучше переоденусь.

Стефан последовал за ней к подножию лестницы.

– Надень что-нибудь с высоким горлом, – негромко посоветовал он. – Скажем, свитер.

Елена оглядела пустую гостиную.

– Все в порядке, – успокоила она Стефана. – Ранки уже почти излечились. Видишь? – Она отодвинула кружевной воротничок, склонив голову.

Стефан, словно загипнотизированный, смотрел на две круглые отметинки на прекрасной, тонкой коже. Сейчас они были светло-бордового цвета, подобно сильно разбавленному вину.

Стефан сжал зубы и с трудом отвел глаза. Задержи он взгляд на этих ранках еще на мгновение, он мог бы сойти с ума.

– Но я совсем другое имел в виду, – оживленно отозвался юноша.

Сияющая вуаль прекрасных волос упала на бордовые отметинки, скрывая их от посторонних глаз.

– В самом деле?

– Входите! Входите!

Стоило им переступить порог, как все разговоры прекратились. Елена смотрела на повернутые к ним лица – настороженные, любопытные и несколько вороватые. Совсем не такие взгляды привыкла ловить королева средней школы имени Роберта Ли, входя куда-нибудь.

А дверь им открыл один из одноклассников – Алариха Зальцмана нигде не было видно. Зато Кэрлайн уже восседала на табурете у стойки бара, демонстрируя всем свои роскошные

длинные ноги. Бросив на Елену насмешливый взгляд, она отпустила какую-то ремарку в сторону своего соседа справа. Тот рассмеялся.

Елена почувствовала, как ее улыбка становится почти болезненной, а краска начинает заливать лицо. Затем до нее донесся знакомый голос:

– Елена, Стефан! Идите сюда.

Елена с облегчением разглядела Бонни, сидящую рядом с Мередит и Эдом Тиффом в углу на диванчике. Они со Стефаном устроились на большой оттоманке напротив, и разговоры по всей комнате снова возобновились.

По молчаливому согласию никто не упоминал о той неловкости, которую вызвал приход Елены и Стефана. Елена была твердо настроена делать вид, что все идет как всегда.

Мередит с Бонни ее в этом поддерживали.

– Классно выглядишь, – тепло польстила ей Бонни. – Мне страшно нравится этот красный свитер.

– Действительно милая вещица, – согласилась Мередит. – Правда, Эд?

Эд несколько испуганно согласился с подругой.

– Значит, твой класс тоже был сюда приглашен, – сказала Елена, обращаясь к Мередит. – А я думала, здесь будут только те, у кого седьмым уроком идет европейская история.

– Не знаю, подходит ли здесь слово «приглашен», – сухо отозвалась Мередит. – Учитывая, что наше «активное участие будет порой возмещать отсутствие высоких оценок».

– Думаешь, он серьезно об этом говорил? – вставил Эд.

Елена пожала плечами.

– Мне показалось, что серьезно. А где Рэй? – спросила она у Бонни.

– Рэй? Ах, да, Рэй. Не знаю. Наверно, где-нибудь поблизости. Здесь уйма народу.

Бонни говорила чистую правду. Гостиная дома Рамси была битком набита старшеклассниками. С того места, где сидела Елена, ей было прекрасно видно, как толпа перетекает в столовую, в прихожую, а также, возможно, на кухню. Циркулируя вокруг Елены, школьники то и дело задевали ее локтями.

– А о чем Зальцман хотел поговорить с вами после урока? – спрашивал тем временем Стефан.

– Аларих, – чопорно поправила его Бонни. – Он хочет, чтобы мы звали его Аларих. Ах, он был так мил. Он ужасно себя чувствовал из-за того, что ему пришлось заставить меня оживить в памяти такой мучительный опыт. Но дело в том, что Аларих не знал, как именно погиб мистер Таннер, и не понимал, насколько я чувствительна. Конечно, он сам невероятно чувствителен, так что он прекрасно представляет себе, каково это. Ведь по знаку зодиака он Водолей.

– С луной в восходящих линиях, – еле слышно промолвила Мередит. – Послушай, Бонни, ведь ты сама не веришь во всю эту чушь, разве не так? Он же учитель, ему не следует распространять весь этот бред на учеников.

– Да Аларих ничего такого не распространял! В точности то же самое он сказал Тайлеру и Сью Карсон. Еще он сказал, что нам следует всячески поддерживать друг друга в связи со случившимся. Возможно, нам даже следует написать реферат по поводу того вечера, чтобы как-то выразить свои чувства. Аларих сказал, что подростки очень впечатлительны, и он не хочет, чтобы эта страшная трагедия оказала длительный эффект на нашу жизнь.

– Какой он душка! – заметил Эд, и Стефан закашлялся, чтобы скрыть приступ душившего его смеха.

Однако ситуация его вовсе не позабавила, а вопрос, адресованный Бонни, был вызван не просто праздным любопытством. Елена прекрасно понимала это. Стефан относился к Алариху Зальцману примерно так же, как большинство школьников в гостиной относились к Стефану, – настороженно и недоверчиво.

– Действительно странно, – заметила Елена, бессознательно откликаясь на невысказанную Стефаном мысль. – Ведь Аларих вел себя так, будто идея о вечеринке пришла к нему спонтанно, тогда как все явно было запланировано.

– Еще более странно то, что школа может взять на работу учителя, даже не сообщив ему о том, как именно погиб его предшественник, – поддержал ее Стефан. – Все говорили о смерти

мистера Таннера, об этом даже газеты писали.

– Но там не было всех подробностей, – твердо заявила Бонни. – На самом деле некоторую информацию полиция до сих пор не разглашает, потому что считается, что это необходимо для поиска убийцы. В частности... – тут она понизила голос, – знаете, что сказала мне Мэри? Доктор Фейнберг разговаривал с тем человеком, который производил вскрытие трупа, с судебно-медицинским экспертом. И тот заявил, что в теле вообще не оказалось крови. Ни капельки.

Елена внезапно почувствовала, как ледяной ветер продувает ее насквозь, будто она опять оказалась на кладбище. Она не могла выдавить из себя ни слова. Но тут Эд спросил:

– Куда же она вся делась?

– Не знаю, – спокойно ответила Бонни. – Наверное, разлилась по полу и алтарю. Именно с этим полиция прямо сейчас и разбирается. Но это очень необычно для трупа – то, что в нем совсем не осталось крови. Обычно в нижней части тела обязательно остается кровь. Посмертный цианоз, так это называется. Такие большие фиолетовые синяки. Мередит? А в чем дело?

– Меня от твоей невероятной чувствительности сейчас стошнит, – сдавленным голосом произнесла Мередит. – Не можем ли мы поговорить о чем-нибудь другом?

– Между прочим, не тебя всю заляпало этой кровью, – обиженно начала Бонни, но тут Стефан перебил:

– А следователи пришли к какому-нибудь выводам основе полученной информации? Стали они ближе к поимке убийцы?

– Не знаю, – честно призналась Бонни, а затем лицо ее прояснилось. – Да, кстати, Елена, ведь ты сказала, что знаешь, кто...

– Заткнись, Бонни! – возмущенно перебила ее Елена.

Если и существовало место, где это можно было обсуждать то определенно не в людной гостиной чужого дома. Не в комнате, переполненной людьми, ненавидевшими Стефана. Глаза Бонни распахнулись, но затем она кивнула, успокаиваясь.

А вот Елена никак не могла успокоиться. Пусть Стефан не убивал мистера Таннера, но ведь та же улика, которая вела к Дамону, с не меньшим успехом вела и к нему. И она определенно приводила к нему, ибо никто, за исключением Елены и Стефана, вообще не знал о существовании Дамона. Он тайлся где-то во Тьме. Поджидая очередную жертву. Вполне возможно, поджидая Стефана. Или Елену.

– С меня хватит, – внезапно вырвалось у нее. – Пожалуй, я пойду, посмотрю, какие закуски приготовил нам этот самый Аларих.

Стефан тоже начал было подниматься, но Елена махнула ему рукой, призывая сесть обратно. Все равно никакого достойного применения для картофельных чипсов и пунша у него не имелось. И она хотела хотя бы на несколько минут остаться наедине с собой. Хотела двигаться, а не сидеть, и тем самым, возможно, успокоиться.

Общение с Мередит и Бонни обеспечило Елене ложное чувство безопасности. Оставив своих подруг, она вновь вступила в противоборство с косыми взглядами и намеренно обращенными к ней спинами. Однако на сей раз этот опыт не на шутку разозлил Елену. Она двигалась сквозь толпу с намеренным высокомерием, ловя случайные взгляды.

«Я прекрасна и знаменита, – думала Елена. – Я могу с таким же успехом быть дерзкой и нахальной».

Она уже серьезно проголодалась. В столовой дома Рамси кто-то расставил целый ассортимент легких закусок, которые выглядели на удивление аппетитно. Елена взяла бумажную тарелку и положила себе немного моркови, не обращая внимания на школьников вокруг дубового стола. Она не собиралась заговаривать с кем-либо раньше, чем кто-то заговорит с ней.

И уделяя все свое внимание угощениям, Елена то и дело наклоняясь к столу, выбирая сырные закуски, подсоленные галеты, задевая своих соседей, пропиливала руку и выщипывала виноградины, старательно оглядывая весь ассортимент, чтобы не пропустить что-нибудь вкусное. В результате, даже не поднимая глаз, Елена вскоре заметила, что стала центром всеобщего внимания. Тогда она аккуратно откусила хлебную палочку и, держа ее в зубах как

карандаш, отвернулась от стола.

– Ничего, если я тоже укушу?

Глаза Елены вдруг широко распахнулись от потрясения, и она затаила дыхание. Мозг отчаянно сопротивлялся, отказываясь подтверждать увиденное и оставляя Елену в состоянии беспомощной уязвимости. Хотя серьезные мысли исчезли, ее чувства продолжали безжалостно все регистрировать: темные глаза, немилосердно пронзающие ее взглядом, приятный запах какого-то одеколона, два длинных пальца, спокойно берущие ее за подбородок. Наконец Дамон наклонился и с предельной аккуратностью откусил другой конец хлебной палочки.

В этот момент их губы оказались в считанных дюймах друг от друга. Затем Дамон наклонился для второго укуса, но тут уже разум Елены резко заработал, заставляя ее отпрянуть. Ее рука автоматически схватила палочку хрустящего хлеба и отшвырнула ее в сторону. Virtuозно демонстрируя свои рефлексy, Дамон поймал ее в воздухе.

И он по-прежнему не спускал с нее глаз. Наконец Елена, сама не зная зачем, шумно втянула в себя воздух и раскрыла рот. Возможно, она собиралась закричать. Предупредить всех школьников, чтобы они бежали отсюда куда глаза глядят. Сердце ее стучало, как молот, а в глазах помутнело.

– Полегче, полегче.

Дамон забрал у нее тарелку, а затем ловким движением ухватил ее за запястье. Он спокойно держал Елену за руку, как это делала Мэри, когда проверяла пульс Стефана. Пока Елена продолжала, раскрыв рот, на него смотреть, Дамон гладил ее ладонь большим пальцем, словно утешая.

– Полегче. Все хорошо.

«Что ты здесь делаешь?» – подумала Елена.

Сцена в гостиной казалась ей зловеще-яркой и неестественной. Все было как в одном из тех кошмарных снов, когда окружающее кажется совершенно обычным, как в нормальной жизни, а потом случается что-то гротескно-уродливое. Наверняка Дамон собирался их всех убить.

– Елена? С тобой все в порядке? – К Елене, трогая ее за плечо, обращалась Сью Карсон.

– Я подумал, что она чем-то подавилась, – пояснил Дамон, выпуская запястье Елены. – Но теперь как будто все прошло. Тебе не трудно нас друг другу представить?

Наверняка он собирался их всех убить...

– Послушай, Елена, это Дамон... гм... – Сью разбила руками, словно извиняясь, и Дамон закончил за нее:

– Смит, – Он поднял бумажный стаканчик. – За знакомство.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Елена.

– Он студент университета, – отважилась вставить Сью, когда стало ясно, что Дамон отвечать не собирается. – Точнее, колледжа Вильгельма и Марии.

– И его тоже, – сказал Дамон, по-прежнему пристально глядя на Елену. На Сью он даже и не посмотрел. – Мне нравится путешествовать.

Мир вокруг Елены со щелчком встал на место, но это был очень холодный мир. Люди со всех сторон заморожено наблюдали за диалогом, не давая ей говорить свободно. Однако благодаря всем этим людям Елена оставалась в безопасности.

По неизвестной причине Дамон вел здесь какую-то игру, прикидываясь одним из них. И, пока маскарад продолжался, Дамон ничего не мог с ней поделать в присутствии такого количества свидетелей... по крайней мере, Елена очень на это надеялась.

Игра. Но правила в ней устанавливал именно Дамон. Теперь он стоял в гостиной дома Рамси, играя с Еленой.

– Дамон приехал всего на несколько дней, – охотно продолжила Сью. – Навестить... друзей, правда? Или родственников?

– Друзей, – кивнул Дамон. – И родственников.

– Так тебе повезло быть совершенно свободным во всех своих передвижениях? – спросила Елена.

Она сама не понимала, что ею владеет. Она отчаянно хотела сорвать с него маску.

– Везение никакого отношения к этому не имеет, – отозвался Дамон. – Ты любишь

танцевать?

– А какая у тебя специализация в колледже? – спросила Елена.

Дамон мило ей улыбнулся.

– Американский фольклор. К примеру, ты знаешь, что родинка на шее означает, что ты станешь богатой? Можно мне посмотреть?

– Нет, нельзя.

Ясный, тихий и холодный голос донесся из-за спины Елены. Елена лишь раз слышала, чтобы Стефан так к кому-либо обращался в ту ночь кладбище, когда Тайлер пытался ее изнасиловать. Пальцы Дамона замерли в воздухе – и, освобожденная от его влияния, Елена отступила назад.

– А разве твои слова что-то значат? – спросил Дамон.

Братья стояли лицом друг к другу под слабо мерцающим светом медной люстры.

Целый вихрь мыслей кружился в голове Елены.

«Все смотрят на нас, картинка, должно быть, почище чем в кинофильмах... Раньше я не замечала, что Стефан чуть выше ростом... Бонни и Мередит недоумевают гадая, что происходит... Стефан явно в гневе, но он все еще слаб, все еще болен... Если он вступит в противоборство с Дамоном, он безнадежно проиграет...»

И это произойдет прямо у всех на глазах. Елену озарило понимание, когда все встало на место. Именно за этим и пришел сюда Дамон – чтобы заставить Стефана на него напасть, причем якобы без всякой причины. И неважно, что будет потом. Дамон все равно останется в выигрыше. Если Стефан все-таки от него отобьется, это станет всего лишь очередным доказательством склонности Стефана к насилию. Больше улик для обвинителей Стефана. А если Стефан проиграет бой...

«Это будет означать его гибель, – подумала Елена. – Ах, Стефан, ведь он сейчас гораздо сильнее тебя, пожалуйста, не делай глупостей. Дамон хочет тебя убить, он просто ищет удобного случая».

И тут Елена заставила себя двигаться, хотя тело почти не слушалось ее и казалось негибачаемым, как у деревянной куклы.

– Стефан, – выговорила она, сжимая его холодную ладонь. – Пойдем домой.

Елена почувствовала в его теле напряжение, подобное электрическому току, бегущему под кожей. В этот момент Стефан был полностью сосредоточен на Дамоне, и в глазах его сиял свет, напоминавший отражение пламени на лезвии кинжала. В таком состоянии Елена его еще не видела. И она поняла, что ее это пугает.

– Стефан, – повторила Елена, взывая к нему так, словно она заблудилась в тумане и не могла его найти. – Стефан, пожалуйста.

И медленно-медленно Елена почувствовала, как он откликается. Она услышала, как Стефан дышит, и ощутила, как из его тела уходит напряжение, а сознание со щелчком возвращается к реальности. Смертоносное сосредоточение его разума рассеялось. Стефан посмотрел на Елену и внезапно ее увидел.

– Хорошо, – негромко произнес он, заглядывая ей в глаза. – Идем.

Елена продолжала его держать, пока они отворачивались от Дамона, одной рукой крепко сжимая его ладонь, а другой обхватив локоть. Ей пришлось собрать всю свою волю, чтобы не оглянуться через плечо, пока они уходили прочь. Однако ее кожа была словно наэлектризована, а по спине ползли зловещие мурашки, как будто Елена ожидала удара ножом.

Вместо этого сзади донесся низкий и ироничный голос Дамона:

– А вы слышали, что поцелуй рыжеволосой девушки излечивает герпетическую лихорадку?

В ответ послышался откровенно радостный смех Бонни. Она явно была польщена.

По пути к двери Елена и Стефан, наконец, столкнулись с хозяином вечеринки.

– Уже уходите? – спросил Аларих. – Но мне еще даже не удалось с вами поговорить.

В его голосе звучали укоризненные нотки. Аларих вел себя как собака, которая совершенно точно знает, что ее не возьмут на прогулку, но все равно скулит. В животе у Елены вдруг сжался комок тревожного предчувствия как в отношении Алариха, так и в отношении всех остальных, пришедших на вечеринку. Еще бы! Ведь они оставались в обществе Дамона!

Теперь Елене оставалось лишь надеяться, что ее более раннее предположение оказалось верным, и что Дамон захочет продолжить этот маскарад. Но сейчас с нее было довольно. Елена должна любой ценой вызволить Стефана отсюда, прежде чем он передумает.

– Я не очень хорошо себя чувствую, – сказала Елена, подбирая свою сумочку с оттоманки. – Извините. – Она крепко сжала руку Стефана.

Потребовалась бы сущая малость, чтобы заставить его прямо сейчас вернуться в столовую.

– Мне очень жаль, – сказал Аларих. – До свидания.

Только когда они уже оказались у порога, Елена вдруг заметила клочок темно-лиловой бумаги, засунутый в боковой карман ее сумочки. Вытащив бумажку, она машинально ее развернула, пока мысли были заняты другим.

Бумажка содержала надпись – четкую и недвусмысленную. Почерк показался Елене незнакомым. Прочтя записку, она вдруг почувствовала, как весь мир покачнулся.

«Только этого мне не хватало», – подумала Елена.

– Что там? – спросил Стефан.

– Ничего. – Елена сунула клочок бумаги обратно в боковой карман сумочки, заталкивая его поглубже. – Ничего, Стефан. Идем на улицу.

И они вышли под иглы проливного дождя.

Глава 7

– В следующий раз, – негромко проговорил Стефан, – я так просто не уйду.

Елена поняла, что он говорит совершенно серьезно, и это пугало ее. Однако сейчас эмоции схлынули, и ей не хотелось спорить.

– Надо же, – удивленно проговорила она, – Дамон был там. В самом обычном доме, полном самых обычных людей, как будто у него были все права там находиться. Никогда бы не подумала, что он на такое осмелится.

– Почему бы и нет? – горестно отозвался Стефан. – Я тоже оказался в самом обычном доме, полном самых обычных людей, как будто у меня были все права там находиться.

– Я вовсе не хотела, чтобы это так прозвучало. Просто единственный раз я видела Дамона на публике в Доме с привидениями, когда он был в маске и карнавальном наряде и было темно. А так это всегда бывало какое-то безлюдное место – вроде физкультурного зала, когда я осталась одна, или кладбище...

Едва лишь упомянув про кладбище, Елена тут же поняла, что допустила ошибку. Ведь она так и не рассказала Стефану, как она три дня тому назад отправилась туда искать Дамона. Сидя за рулем, он буквально оцепенел.

– На кладбище?

– Да... я имела в виду тот день, когда за нами с Бонни и Мередит кто-то погнался. Теперь я считаю, что нас тогда преследовал именно Дамон. А место было совершенно безлюдное, если не считать нас троих.

Зачем Елена ему лгала? А затем, мрачно ответил еле слышный голосок у нее в голове, что в ином случае Стефан мог сломаться. Знания о том, что Дамон ей сказал, что пообещал ей, могло вполне хватить чтобы Стефан шагнул за край.

«Я никогда не смогу ему об этом рассказать, – вдруг болезненно осознала Елена. – Ни про ту сцену на кладбище, ни про то, что Дамон может сделать в будущем. Если Стефан вступит в схватку с Дамоном, он погибнет. А значит, он никогда об этом не узнает, – пообещала она себе. – Я приложу все силы, чтобы удержать его от поединка. Любым способом».

На какое-то время Елену наполнили леденящие опасения.

Пятьсот лет тому назад Катрина тоже попыталась удержать братьев от единоборства, но все ее усилия привели к смертельному поединку.

«Нет-нет, я не допущу той же ошибки», – яростно думала Елена.

Методы Катрины были глупыми и детскими. Кто, кроме неразумного ребенка, мог покончить с собой в надежде на то, что два врага, борющиеся за ее руку, станут друзьями? Это была самая скверная ошибка во всем этом печальном деле. Из-за нее затаенная вражда между

Стефаном и Дамонем вылилась в откровенную ненависть. А что казалось еще хуже, Стефан с того самого дня жил с чувством вины – он винил себя за глупость и слабость Катрины.

Елена попыталась завести разговор:

– Ты не думаешь, что Дамона кто-то туда пригласил?

– Очевидно, раз он там оказался.

– Значит, это правда, что говорят про... про людей вроде тебя, Что необходимо, чтобы вас пригласили. Но ведь Дамон пробрался в физкультурный зал без всякого приглашения.

– Это потому, что физкультурный зал не является местом проживания живых существ. Таков один единственный критерий. Не имеет значения, дом это, палатка или квартира над магазином. Если живые люди едят и спят там, требуется, чтобы нас туда пригласили.

– Но я не приглашала тебя ко мне домой.

– Нет, приглашала. В ту первую ночь, когда я отвез тебя домой, ты распахнула дверь и кивнула мне. Приглашение совсем необязательно должно быть словесным. Если намерение присутствует, этого уже достаточно. И персону, тебя пригласившую, совсем необязательно должна проживать в этом доме. Подойдет любой человек.

Елена задумалась.

– А как насчет плавучего дома?

– Все то же самое. Хотя бегущая вода может сама по себе быть барьером. Для некоторых из нас почти невозможно ее пересечь.

Елена вдруг зримо представила себе, как она вместе с Мередит и Бонни на всех парах несется к Плетеному мосту. Каким-то образом она тогда поняла, что, если они переберутся на другую сторону реки, то ускользнут от существа, которое за ними гонится, и окажутся в безопасности.

– Так вот почему все так получилось, – прошептала Елена.

Впрочем, оставалось неясно, откуда она об этом узнала. Создавалось впечатление, будто это знание оказалось вложено в ее голову из какого-то внешнего источника. Затем Елена поняла кое-что еще.

– Ты прошел со мной через мост. Значит, ты можешь пересекать бегущую воду.

– Это потому, что я слаб. – Стефан сказал об этом просто, без всяких эмоций. – Тут, безусловно, содержится определенная ирония. Но чем мощнее твоя Сила, тем больше тебя затрагивают определенные ограничения. Чем больше ты принадлежишь к Тьме, тем сильнее правила Тьмы тебя связывают.

– А какие еще есть правила? – спросила Елена.

У нее в голове уже начинал созревать определенный план на будущее. Или, по крайней мере, надежда такой план создать.

Стефан внимательно на нее посмотрел.

– Да, все верно, – кивнул он. – Думаю, тебе пора их узнать. Чем больше ты узнаешь про Дамона, тем больше шансов, что сумеешь себя защитить.

«Сумеешь себя защитить?»

Возможно, Стефан знал больше, чем Елене казалось. Но когда он свернул на боковую улочку и припарковался, она просто поинтересовалась:

– Не следует ли мне наесться чеснока?

Стефан рассмеялся.

– Только если ты хочешь подмочить свою репутацию. Однако есть определенные растения, которые могут тебе помочь. Например, вербена. Это трава, которая защищает от колдовских заговоров. Кроме того, она помогает сохранить ясность ума, когда кто-то использует против тебя Силу. Обычно ее носят в мешочке на шее. Бонни вербена наверняка бы понравилась – она считалась священным растением у друидов.

– Вербена, – повторила Елена, словно пробуя на вкус незнакомое слово. – А что еще?

– Сильный свет ламп или прямые солнечные лучи могут быть очень болезненными. Вскоре ты заметишь, что погода изменилась.

– Уже заметила, – отозвалась Елена. – Ты хочешь сказать, что Дамон это делает?

– Да, должно быть, это он. Для контроля над стихиями требуется колоссальная энергия, но тогда ему становится легче путешествовать при свете солнца. Пока небо затянуто облаками,

Дамону даже не требуется защищать глаза.

– И тебе тоже, – заметила Елена. – А как насчет... ну, крестов и тому подобного?

– Никакого эффекта, – помотал головой Стефан. – Хотя, если человек, который держит такой крест, действительно верит в его защиту, это может многократно усиливать волю к сопротивлению.

– А... серебряные пули?

Стефан кратко рассмеялся.

– Это для оборотней. Насколько я знаю, им не нравится серебро в любой форме. А вот осиновый кол в сердце – это по-прежнему надежный метод для устранения мне подобных. Есть, однако, и другие способы, не менее эффективные: сжигание, обезглавливание, вбивание гвоздей в виски. Или, лучше всего...

– Стефан! – Потерянная, горестная улыбка на его лице не на шутку Елену напугала. – А как насчет превращения в животных? – спросила она. – Раньше ты говорил, что, имея достаточные Силы, ты мог бы это проделывать. Если Дамон способен становиться любым животным по своему усмотрению, как мы вообще сможем его узнать?

– Вообще не любым животным по своему усмотрению. Дамон ограничен одним животным – или, максимум, двумя. Сомневаюсь, что даже с его Силой он способен на что-то большее.

– Значит, мы продолжаем искать ворону.

– Верно. Кроме того, внимательно наблюдая за поведением обычных животных, ты сможешь понять, что он где-то неподалеку. Животные обычно не слишком хорошо на нас реагируют – они чувствуют, что мы охотники.

– Янцзы неистово лаял на ту ворону. Как будто знал, что с ней что-то не так, – припомнила Елена. – Ах... Стефан, – добавила она изменившимся тоном, когда новая мысль ее поразила. – А как насчет зеркал? Я не помню, чтобы ты когда-либо смотрелся в зеркало.

Какое-то время Стефан хранил молчание.

– Легенда гласит, – сказал он затем, – что зеркала отражают душу того человека, который в них заглядывает. Вот почему первобытные люди боятся зеркал – они боятся, что их души будут пойманы в ловушку и похищены. Предполагается, что мне подобные вообще не отражаются в зеркалах – ведь у нас нет душ.

Медленно-медленно он протянул руку к зеркалу заднего вида, наклоняя его так, чтобы Елена смогла туда заглянуть. В посеребренном стекле она увидела его глаза, потерянные, загнанные и бесконечно грустные.

Она почувствовала, что сейчас просто необходима поддержка Стефана.

– Я люблю тебя, – прошептала Елена.

Это было единственное утешение, которое она могла ему предоставить. Больше у них ничего не оставалось.

Стефан крепко обнял Елену и зарылся лицом в ее волосы.

– Ты – мое зеркало, – прошептал он в ответ.

Напряжение постепенно уходило из его тела, пока теплота и спокойствие, напротив, втекали внутрь. Елена также ощутила облегчение, и покой буквально ее пропитывал. Было так славно, что она чуть не забыла уточнить у Стефана смысл его последней фразы. Вспомнила она об этом, только когда они стали прощаться у входной двери.

– Я – твоё зеркало? – спросила Елена тогда, глядя на Стефана.

– Ты забрала мою душу, – пояснил он. – Закрой дверь и сегодня ночью больше ее не открывай.

Затем Стефан ушел.

– Елена, слава богу! – воскликнула тетя Джудит. Когда Елена недоуменно на нее посмотрела, тетя добавила: – Бонни звонила с вечеринки. Она сказала, что тебе вдруг стало плохо. Когда ты не вынулась домой, я встревожилась.

– Мы со Стефаном поехали прокатиться. – Елене очень понравилось, как изменилось лицо тети после упоминания о Стефане. – А что, есть проблемы?

– Нет-нет, просто... – Тетя Джудит явно не знала, как закончить предложение. – Знаешь, Елена, мне кажется, будет лучше... если ты станешь реже видеться Стефаном.

Елена окаменела.

– И ты туда же?

– Нет, не то чтобы я верила в эти сплетни, – стала убеждать ее тетя Джудит. – Но, ради твоего собственного блага, лучше держать его на определенной дистанции, иначе...

– А может, лучше вообще его бросить? Отвергни Стефана потому, что люди распускают о нем разные слухи? Держаться подальше от оклеветанного из опасения, что часть грязи прилипнет ко мне? – Гнев оказался желанным выходом, и слова буквально прыгали в горле у Елены, пытаясь разом оттуда выбраться. – Нет, тетя Джудит, мне не кажется, что это будет лучше. А если бы речь шла о Роберте?

– Елена, я запрещаю тебе разговаривать со мной в таком тоне!..

– Я все равно уже закончила! – выкрикнула Елена и резко развернулась к лестнице.

Ей удалось сдерживать слезы, пока она не оказалась в своей спальне и не закрыла за собой дверь. Затем Елена бросилась на кровать и горько зарыдала.

Вскоре Елена заставила себя встать, чтобы позвонить Бонни. Бонни была сильно возбуждена и чрезмерно говорлива. Почему Елена спрашивает, не случилось ли чего-нибудь необычного после того, как они со Стефаном ушли? Необычным стал сам их уход! Нет, этот новый парень Дамон ничего такого про Стефана не говорил, он просто поболтался там еще немного, а затем исчез. Нет, Бонни не видела, чтобы он с кем-нибудь уходил. А что? Елена что, ревнует? Да-да, конечно, это шутка! Хотя он действительно был великолепен, разве не так? Чуть ли не великолепнее Стефана – если, конечно, тебе нравятся темные волосы и черные глаза. С другой стороны, если тебе нравятся более светлые волосы и карие глаза...

Тут Елена немедленно заключила, что у Алариха Зальцмана глаза карие.

Наконец она повесила трубку и только тогда вспомнила про записку, которую нашла у себя в сумочке. Пожалуй, Елене следовало спросить у Бонни, не подходил ли кто-нибудь к ее сумочке, когда она была в столовой. С другой стороны, Бонни и Мередит тоже отлучались в столовую. Кто-то мог подложить записку именно тогда. От одного вида темно-лилового листка бумаги Елена ощутила во рту медный привкус. Она едва могла на нее смотреть. Но теперь, оставшись в одиночестве, Елена непременно должна была развернуть записку и прочесть ее снова. Все это время она надеялась, что слова каким-нибудь образом станут другими. Возможно, раньше она просто ошиблась.

Но слова не стали другими. Четкие угловатые буквы так резко выделялись на бледном фоне, как будто они были десять футов в высоту.

Я очень хочу до него дотронуться. Больше, чем до любого из моих знакомых мальчиков. И Стефан тоже хочет до меня дотронуться, потому что явно сдерживается.

Ее слова. Записанные ею самой в дневник. В тот, который похитили.

На следующий день Бонни и Мередит постучали в дверь дома Гилбертов.

– Стефан позвонил мне вчера вечером, – сообщила Мередит. – Он сказал, что не хотел бы, чтобы ты сегодня шла в школу одна. Сам Стефан сегодня в школу не собирается, так что он попросил, чтобы мы с Бонни тебя проводили.

– Эскортировали, – уточнила Бонни, которая явно пребывала в хорошем настроении. – Отконвоировали. По-моему, чертовски мило с его стороны, что он так заботлив.

– Надо думать, он тоже Водолей, – предположила Мередит. – Идем, Елена. А то я убью эту дурочку, прежде чем она заикнется насчет Алариха.

Елена шла молча, размышляя о том, что за дела могли найтись у Стефана, чтобы он решил пропустить занятия в школе. Сегодня она чувствовала себя такой уязвимой и незащищенной, как будто с нее содрали кожу. В такие дни Елена готова была расплакаться от любого пустяка.

На доске объявлений у канцелярии был приколот листок темно-лиловой бумаги.

Ей следовало бы заранее догадаться. Глубоко внутри себя Елена уже это знала. Вор не успокоился на том, что сама Елена узнала о его знакомстве с ее, исключительно личными записями. Теперь он демонстрировал ей, что эти записи вполне можно сделать публичными.

Елена оторвала записку от доски и быстро ее скомкала – после того, как прочла. Слова словно горели у нее перед глазами.

Мне кажется, кто-то причинил ему ужасную боль в прошлом, и Стефан так и не смог с

этим примириться. А еще мне кажется, что у него есть какая-то страшная тайна, и он отчаянно боится, что я ее открою.

– Елена, это еще что? В чем дело? Елена, вернись!

Бонни и Мередит последовали за ней до ближайшего дамского туалета, где Елена встала над мусорной корзиной, разрывая записку на микроскопические клочки и дыша так, словно она только что пробежала стометровку. Бонни и Мередит переглянулись, а затем дружно посмотрели на туалетные кабинки.

– Ну ладно, – громко сказала Мередит. – Привилегия старших. Эй, ты! – Она постучала по единственной закрытой двери. – Выходи!

Послышалось какое-то шуршание, а затем из кабинки появилась ошарашенная восьмиклассница.

– Но я даже не...

– Прочь отсюда, – приказала Бонни. – А ты, – велела она девочке, моющей руки над раковиной, – встань за дверью и позаботься о том, чтобы сюда никто не вошел.

– Но почему? Что вы тут...

– В темпе, мочалка. Если кто-нибудь войдет в эту дверь, ты за это ответишь.

Как только дверь закрылась, Бонни и Мередит подступили к Елене.

– Ладно, это вооруженное нападение, – сказала Мередит. – Давай, Елена, выкладывай.

Елена порвала последний крошечный клочок бумаги, не зная – плакать ей или смеяться.

Она хотела все рассказать подругам, но не могла. Тогда она решила рассказать им только про дневник.

Выслушав краткую историю, Бонни и Мередит были столь же разгневаны и возмущены, как и сама Елена.

– Должно быть, дневник украли на вечеринке, – наконец заключила Мередит, как только все трое закончили свои рассуждения касательно характера вора, его морального облика и вероятного места назначения в загробной жизни. – Но это мог сделать любой. Я не помню, чтобы кто-то конкретный подходил к твоей сумочке, но, с другой стороны, гостиная была битком набита народом, и я могла не заметить.

– Но ради чего кому-нибудь захотелось бы это сделать? – вставила Бонни. – Если только... Помнишь, Елена, той ночью, когда мы нашли Стефана, ты на что-то такое намекала. Ты тогда сказала, что, скорее всего, знаешь, кто убийца.

– Не скорее всего знаю, а точно знаю. Но если ты тем самым подразумеваешь, что вор и убийца – это одно лицо, то я в этом далеко не уверена. Хотя и предполагаю, что так могло получиться. Да, пожалуйста могла сделать та же самая персона.

Бонни явно перепугалась.

– Но ведь это значит, что убийца – ученик школы! – Когда Елена отрицательно покачала головой, Бонни продолжила: – А раз так, то на вечеринке были только два человека, которые не являются учениками школы, – тот новый парень и Аларих. – Выражение ее лица резко изменилось. – Но Аларих не убивал мистера Таннера! Его тогда даже в Феллс-Черче не было!

– Я знаю. Аларих этого не делал. – Елена уже зашла слишком далеко, чтобы теперь останавливаться. Бонни и Мередит знали слишком много. – Это сделал Дамон.

– Так тот парень убийца! Тот, который меня поцеловал?

– Бонни, успокойся. – Как всегда, чужая истерика заставила Елену собраться. – Да, он убийца, и мы трое должны держать с ним ухо востро. Вот зачем я вам все это рассказываю. Никогда, ни при каких условиях не приглашайте его к себе домой.

Тут Елена умолкла, разглядывая лица своих подруг. Они внимательно на нее смотрели, и на мгновение у нее возникло тошнотворное чувство, что они ей не поверили. И не только не поверили, но и были теперь готовы поставить под вопрос ее душевное здоровье.

Однако Мередит лишь ровным и спокойным голосом спросила:

– Ты в этом уверена?

– Да. Уверена. Дамон убийца, это он посадил Стефана в колодец, и в следующий раз он может взяться за одну из нас. И я даже не знаю, есть ли хоть какой-то способ его остановить.

– Тогда ладно, – сказала Мередит, вскидывая брови. – Неудивительно, что вы со Стефаном так быстро покинули вечеринку.

Когда Елена вошла в столовую, Кэролайн наградила ее зловредной улыбкой. Но Елена не обратила на это внимания.

Однако она сразу же заметила, что в столовой находится Викки Беннетт.

Викки не бывала в школе с той самой ночи, когда Мэтт, Бонни и Мередит обнаружили ее у дороги. Она тогда несла бред про туман, глаза во тьме и что-то ужасное на кладбище. Доктора, которые осмотрели ее впоследствии, сказали, что никаких физических изменений в ней не наблюдается, однако в среднюю школу имени Роберта Ли Викки так и не вернулась. Народ шепотом поговаривал что-то насчет психиатрии медикаментозного лечения, которое якобы было ей назначено.

Однако Викки вовсе не казалась сумасшедшей, подумала Елена. Хотя она и выглядела бледной, подавленной и какой-то неопрятной. Викки подняла глаза и проводила проходившую мимо Елену взглядом испуганного олененка.

Елене было так странно сидеть за полупустым столом, где компанию ей составляли только Бонни и Мередит. Обычно люди так и роились вокруг них.

– Сегодня утром мы так толком и не поговорили, – заметила Мередит. – Давайте раздобудем чего-нибудь поесть, а потом решим, что нам делать с этими записками.

– Я не голодна, – ровным тоном отозвалась Елена. – Да и что мы можем поделать? Если это Дамон, нам никак его не остановить. Поверьте, это не то, чем занимается полиция. Вот почему я так и не сказала полицейским, что он убийца. Нет никаких улик, а кроме того, они никогда не... Бонни, ты меня не слушаешь.

– Извини, – сказала Бонни, которая глядела мимо Елены. – Но там происходит что-то очень странное.

Елена повернула голову. Викки Беннетт стояла в самом центре столовой, но она уже не казалась расстроенной или подавленной. Улыбаясь, она хитроватым и оценивающим взглядом обводила помещение.

– Вообще-то нормальной она не выглядит, но странной я бы ее тоже не назвала, – заметила Мередит, а затем добавила: – Хотя погодите.

Викки расстегивала пуговицы на своей шерстяной кофте. Но то, как она это проделывала – намеренно играя пальцами, оглядывая всех с таинственной улыбкой на губах, – выглядело очень необычно. Когда последняя пуговица была расстегнута, Вики двумя пальцами изящно стянула кофту с одного плеча затем с другого. Наконец она бросила кофту на пол.

– Пожалуй, «странная» – то самое слово, – заключила Мередит.

Ученики, проходившие мимо Викки с полными подносами, поглядывали на нее с большим любопытством. Минуя ее, они продолжали оглядываться через плечо. Однако они стали останавливаться, как только Викки сняла туфли.

Она сделала это в высшей степени грациозно, зацепив каблук одной туфли-лодочки носком другой и столкнув ее с ноги, а затем повторив ту же самую операцию с другой туфлей.

– Но она не может продолжать в том же духе, – пробормотала Бонни, когда пальцы Викки начали расстегивать перламутровые пуговицы на белой шелковой блузке.

Все головы поворачивались, школьники толкали друг друга локтями и активно жестикулировали. Вокруг Викки собралась небольшая группа зрителей, члены которой расположились чуть поодаль, чтобы не мешать наблюдать остальным.

Белая шелковая блузка вскоре слетела на пол, как раненое привидение. Под ней оказалась крученая комбинация, тоже белая.

Мертвую тишину в столовой нарушали лишь сдавленные шепотки. Никто не ел. Количество зрителей возле Викки увеличилось.

Застенчиво улыбнувшись, Викки начала расстегивать застёжки на поясе. Плиссированная юбка упала на пол. Викки выступила из нее и носком оттолкнула юбку в сторону.

Кто-то в задней части столовой начал нараспев декламировать:

– Сними все! Сними все!

Другие голоса присоединились.

– Неужели никто не собирается ее остановить? – возмутилась Бонни.

Елена встала из-за стола. Когда она в прошлый раз приблизилась к Викки, та завопила и попыталась на нее наброситься. Однако теперь, когда Елена к ней приблизилась, Викки лишь одарила ее заговорщической улыбкой. Губы девочки зашевелились, но из-за общего скандирования Елена не смогла различить, что она говорит.

– Брось, Викки, – сказала Елена. – Идем.

Светло-каштановые волосы Викки взметнулись, когда она резко помотала головой, а затем взялась за ляжку комбинации.

Елена нагнулась, чтобы подобрать кофту и накинуть ее на хрупкие плечи Викки. Как только она это сделала, как только коснулась ее, полузакрытые глаза Викки вдруг широко распахнулись и опять стали как у испуганного олененка. Девочка ошарашенно смотрела на Елену, словно ее только что пробудили от тяжелого сна. Затем она недоверчиво оглядела свое тело. Как можно плотнее закутываясь в кофту и дрожа, Викки попятилась. В столовой вдруг стало тихо.

– Все в порядке, – утешила девочку Елена. – Идем.

При звуке ее голоса Викки так подскочила, как будто ее коснулись обнаженным высоковольтным проводом. Она уставилась на Елену, а затем буквально взорвалась:

– Ты одна из них! Я тебя видела! Ты злая!

Викки резко развернулась и босиком побежала прочь из столовой, оставив Елену в состоянии шока.

Глава 8

– А знаете, что самое странное в том представлении, которое устроила Викки? – спросила Бонни, слизывая шоколад с мороженого. – Я имею в виду, помимо очевидных вещей.

– Что? – тупо спросила Елена.

– Как она выглядела, когда осталась в одной комбинации. Я хочу сказать, Викки выглядела точно так же, как у дороги, когда мы ее обнаружили, только тогда она была ко всему прочему вся исцарапана.

– И мы тогда подумали, что эти царапины вполне могла нанести кошка, – заметила Мередит, доедая последний кусочек своего кекса. Казалось, ее охватила тихая задумчивость, она пристально наблюдала за Еленой. – Но это кажется не очень-то вероятным.

Елена посмотрела на подругу.

– Может, Викки и впрямь упала в какой-нибудь ежевичный куст, – предположила она. – Ну ладно, а теперь, когда вы закончили с едой, не хотите ли видеть первую записку?

Оставив тарелки в раковине, подруги поднялись по лестнице в комнату Елены. Пока Бонни и Мередит читали записку, Елена вдруг почувствовала, что краснеет. Все-таки они были ее лучшими подругами, а сейчас, скорее всего, единственными. Да, она уже читала им выдержки из своего дневника. Но это было совсем другое дело. Такого унижительного чувства Елена еще никогда в жизни не испытывала.

– Ну что? – спросила она у Мередит.

– Человек, который это написал, имеет пять футов одиннадцать дюймов ростом, слегка прихрамывает при ходьбе и носит накладные усы, – нараспев произнесла Мередит. – Извини, – добавила она, видя, как изменилось лицо Елены. – На самом деле совсем не смешно. Но ведь особых выводов тут не сделаешь, разве не так? Писал вроде бы парень, но все выглядит как-то по-женски.

– Да, во всей этой истории есть что-то специфически женское, – добавила Бонни, сидя у Елены на кровати и слегка подпрыгивая. – Да, правда, – словно защищаясь, продолжила она. – Цитировать тебе отрывки из твоего дневника – такое, мне кажется, может прийти в голову только женщине. Мужчины обычно не очень интересуются дневниками.

– Ты просто не хочешь, чтобы вина пала на Дамона, – обвинила ее Мередит. – Я бы подумала, что он тебя больше волнует как психопат-убийца, чем как похититель дневников.

– Не знаю. Убийцы вроде как романтичны. Только вообрази, как ты умираешь, а твое горло сжимают чьи-то руки. Тебя душат, лишая жизни, а последним, что ты видишь, оказывается его лицо. – Хватая себя за горло, Бонни охнула и трагически выдохнула,

откидываясь на кровать. – Он может в любой момент меня придушить, – промолвила она, не открывая глаз.

У Елены уже вертелась на губах фраза: «Неужели ты не понимаешь, что это серьезно?» Однако вместо этого она со свистом втянула в себя воздух.

– О боже! – воскликнула она, подбегая к окну.

В такой влажный и душный день окно, естественно, было раскрыто. Снаружи на сухих ветвях айвы сидела огромная ворона.

Елена так резко опустила раму, что стекло звякнуло. Ворона не спускала с нее черных глаз, подобных обсидиану. Лоснящееся черное оперение радужно мерцало.

– Зачем ты так говоришь? – спросила Елена, поворачиваясь к Бонни.

– Брось, там же никого нет, – утешительно промолвила Мередит. – Если не считать птиц.

Елена молча обернулась. Ворона уже улетела.

– Извини, – вскоре негромко промолвила Бонни. – Просто все это кажется каким-то нереальным. Даже смерть мистера Таннера не казалась реальной. А Дамон действительно выглядит... ну, просто восхитительно. Но опасно. Охотно могу поверить, что он опасен.

– А, кроме того, Дамон бы не стал сжимать тебе горю. Он бы просто его перерезал, – заметила Мередит. – По крайней мере именно так он поступил с мистером Таннером. Хотя у того старика под мостом горло было разорвано – как будто это сделало какое-то животное. – Мередит вопросительно посмотрела на Елену. – Но ведь у Дамона нет никакого животного?

– Нет. Не знаю. – Внезапно Елена ощутила сильную усталость.

Ее по-прежнему тревожила дурацкая тирада Бонни.

«Да я могу сделать с тобой все, что захочу. И со всеми, кого ты любишь», – вдруг вспомнила Елена.

Но что Дамон мог сделать прямо сейчас? Она решительно этого не понимала. Всякий раз, когда они снова встречались, он оказывался другим. В физкультурном зале Дамон только искушал ее, насмехаясь. В следующий раз он был серьезен, она могла бы в этом поклясться. Тогда Дамон читал ей стихи и пытался забрать ее с собой. На прошлой неделе, под хлесткими ударами ледяного кладбищенского ветра, Дамон угрожал, был резок и жесток. И в его вчерашних насмешливых словах Елена ощутила ту же угрозу. Она просто не могла предсказать, что он предпримет дальше.

Но, что бы Дамон ни планировал, Елена должна была защитить от него Бонни и Мередит. Особенно потому, что толком предупредить их она не могла.

И что там готовит Стефан? Больше всего на свете Елена нуждалась в нем. Где же он?

Тем же утром состоялся еще один разговор.

– Дай-ка я, как следует, все это себе уясню, – проговорил Мэтт, опираясь на потрепанный корпус своего старенького «форда-седана», когда Стефан подошел к нему перед школой. – Ты хочешь взять на время мою машину?

– Да – кивнул Стефан.

– А позаимствовать ты ее хочешь из-за каких-то цветов, которые ты хочешь привезти Елене.

– Да.

– И эти особенные цветы, которые ты хочешь привезти Елене, здесь не растут.

– Они вполне могут здесь расти. Но здесь, так далеко на севере, сезон их цветения уже закончился. А мороз точно уничтожил даже самые стойкие из них.

– Итак, ты хочешь отправиться на юг – насколько далеко на юг, я не знаю, – чтобы найти там эти цветы, а потом просто подарить их Елене.

– По крайней мере сами растения, – подтвердил Стефан. – Хотя лучше бы живые цветы.

– Поскольку твоя машина в черном списке, ты хочешь взять мою. Ты хочешь взять ее на то время, которое понадобится тебе для поездки на юг, чтобы найти там эти цветы, которые ты хочешь подарить Елене.

– Я прикидываю, что на твоей машине я смог бы покинуть городок более-менее незаметно, объяснил Стефан. – Я не хочу, чтобы полиция за мной последовала.

– Ну да. И именно поэтому тебе нужна моя машина.

– Да. Так ты собираешься мне ее дать?

– Собираюсь ли я дать мою машину парню, который увел у меня подружку, а теперь хочет предпринять поездку на юг, чтобы достать там какие-то особенные цветы, которые ей просто необходимы? Ты что, спятил? – Тут Мэтт, который все это время глазел поверх крыш каркасных домов на той стороне улицы, повернулся и внимательно посмотрел на Стефана.

Его голубые глаза, обычно такие радостные и честные, теперь были полны недоверия и спрятаны под нахмуренными бровями.

Стефан отвернулся. Ему следовало с самого начала это понять. После всего, что Мэтт для него сделал, ожидать большего было просто нелепо. Особенно теперь, когда остальные школьники вздрагивали от звука его шагов и отводили глаза, стоило ему подойти поближе. Ожидать, что Мэтт, у которого имелись все причины для возмущения, окажет ему подобную услугу без толкового объяснения, на чистом доверии, было чистым безумием.

– Нет, я не спятил, – тихо произнес Стефан и отвернулся, собираясь уйти.

– Я тоже, – сказал Мэтт. – А мне пришлось бы спятить прежде, чем я отдал бы тебе мою машину. Нет, черт побери. Я поеду с тобой.

К тому времени, как Стефан повернулся обратно Мэтт уже смотрел не на него, а на машину, как-то по особенному рассудительно выпятив нижнюю губу.

– В конце концов, – сказал Мэтт, хлопая ладонью по крыше «фордика», – ты можешь мне краску поцарапать. Или еще что-нибудь испортить.

Елена положила телефонную трубку. В пансионате кто-то был, потому что трубку всякий раз брали, но в ответ воцарялась мертвая тишина, а затем следовали щелчок и короткие гудки. Елена подозревала, что это миссис Флауэрс так развлекается, но из этого совершенно невозможно было понять, где теперь Стефан. Инстинктивно она хотела отправиться к пансионату. Однако на улице было темно, а Стефан просил ее никуда не выходить после того, как стемнеет, а уж тем более не приближаться к кладбищу или лесу. А пансионат находился как раз поблизости.

– Что, опять нет ответа? – спросила Мередит, когда Елена вернулась и села на кровать.

– Миссис Флауэрс все время берет трубку, а затем вешает, – пожаловалась Елена и еле слышно выругалась.

– Ты же сама говорила, что она ведьма.

– Может быть, и нет, но очень похоже, – отозвалась Елена.

– Послушай, – обратилась к ней Бонни, садясь рядом. – Если Стефан вообще собирается звонить, он позвонит сюда. У тебя нет никаких причин проводить ночь вместе со мной.

На самом деле причины были, хотя Елена даже себе самой не могла толком этого объяснить.

В конце концов, Дамон поцеловал Бонни на вечеринке у Алариха Зальцмана. В первую очередь сама Елена виновата в том, что Бонни оказалась в опасности. Станным образом Елена чувствовала, что, останься она с Бонни, ей бы удалось ее защитить.

– У меня все дома – и мама, и папа, и Мэри, – настаивала Бонни. – Кроме того, с тех пор как был убит мистер Таннер, мы крепко-накрепко запираем окна и двери. В этот уик-энд папа врезал дополнительные замки. Я просто не понимаю, что ты можешь для меня сделать.

Елена тоже этого не понимала. Однако менять свое решение была не намерена. Она оставила у тети Джудит сообщение для Стефана, чтобы он знал, где она ночует. Между Еленой и тетусшкой по-прежнему существовала некоторая напряженность.

«Все это будет продолжаться до тех пор, – подумала Елена, – пока тетя Джудит не изменит своего мнения о Стефане».

В доме Маккаллогов Елене отвели комнату, прежде принадлежавшую одной из сестер Бонни, которая теперь училась в университете. Первым делом Елена проверила окно. Оно оказалось крепко запертым, а снаружи не было ни деревьев, ни водосточной трубы, по которым можно было бы забраться в комнату. Стараясь не вызывать лишних подозрений, Елена, тем не менее, проверила и комнату Бонни, а также все остальные, в которые смогла попасть. Бонни была права – все комнаты были надежно защищены. Снаружи попасть туда было невозможно.

Той ночью Елена долго лежала в постели, глядя в потолок, совершенно не способная заснуть. Она продолжала вспоминать тот мечтательный стриптиз, который Викки устроила в столовой. Что же это было? Нужно обязательно спросить Стефана при встрече.

Мысли о Стефане доставляли приятное чувство, даже несмотря на все те ужасы, которые приключились за последнее время. Елена улыбнулась во тьме, позволяя своему разуму свободно блуждать. В один прекрасный день вся эта неразбериха закончится, и они со Стефаном смогут вместе мечтать о будущей жизни. Да, конечно, на самом деле Стефан ничего об этом не говорил, но Елена не сомневалась, что он тоже об этом думал. Елена собиралась выйти замуж только за Стефана – или вообще ни за кого. А Стефан должен был жениться только на ней – и больше ни на ком...

Переход ко сну стал таким гладким и постепенным, что Елена не заметила его. Однако странным образом она осознавала, что спит. Казалось, будто, маленькая часть ее сознания оставалась где-то снаружи и наблюдала за сном как за игрой.

Елена сидела на стуле в длинном коридоре, где по одну сторону были размещены зеркала, а по другую – окна. Она чего-то ждала. Затем снаружи мелькнула какая-то тень, и она увидела стоящего за стеклом Стефана. Его лицо было бледным, а изумленные глаза сверкали гневом. Елена подошла к окну, но не смогла через стекло услышать, что говорит Стефан. В одной руке он держал книжку в синей бархатной обложке. Продолжая что-то спрашивать Стефан указывал на книжку. Затем он бросил ее и отвернулся.

– Стефан, не уходи! Не оставляй меня одну! – воскликнула Елена.

Ее плотно прижатые к стеклу пальцы побелели. Затем она заметила шпингалет на раме и распахнула окно, взывая к Стефану. Но он уже исчез, и снаружи была видна только клубящаяся белая мгла.

Елена безутешно отвернулась от окна и пошла по коридору. Ее собственное отражение появлялось в одном зеркале за другим, пока она мимо них проходила. Но вдруг что-то особенное в одном из отражений привлекло ее взгляд. Из зеркала на Елену смотрели ее собственные глаза, но этот хищный и хитрый взгляд никак не мог принадлежать ей. Такой же взгляд был у Викки, когда она раздевалась в столовой. А таинственная улыбка казалась вызывающе-голодной.

Пока Елена спокойно стояла и смотрела, отражение вдруг стало раскачиваться и двигаться, словно танцуя. Елену охватил ужас. Она бросилась бежать по коридору, а все отражения как будто зажили собственной жизнью, маня ее к себе, смеясь и извиваясь в каком-то демоническом танце. В тот самый момент, когда Елене показалось, что ее сердце и легкие сейчас лопнут от ужаса, она достигла конца коридора и распахнула дверь.

Она очутилась в прекрасном просторном зале. Высокий потолок был украшен затейливой резьбой и инкрустирован золотом, дверные проходы облицовывал белый мрамор. В нишах вдоль стен стояли античные статуи. Елена еще никогда не видела столь роскошного зала, но она точно знала, где находилась – в Италии времен Ренессанса, когда Стефан был еще жив.

Затем Елена оглядела себя и поняла, что на ней платье – копия того, которое она сшила себе для Хеллоуина, – льдисто-голубой бальный наряд эпохи Возрождения. Но это платье было рубиновым как кровь, а талию опоясывала тонкая цепь с искристыми блестящими красными камнями. Такие же камни сверкали у нее в волосах. Когда Елена двигалась, шелк мерцал и переливался в огне сотен факелов.

В проеме распахнутой массивной двухстворчатой двери в дальнем конце зала появилась мужская фигура. Навстречу Елене шел молодой человек, облаченный в лосины и отороченный мехом камзол – одежду той же эпохи.

Стефан! Елена страстно ринулась к нему, ощущая всю тяжесть своего роскошного платья. Но, подойдя поближе, она остановилась и резко вдохнула. Это был Дамон. Держась уверенно и непринужденно, он приближался к ней. Дамон вызывающе улыбался. Подойдя вплотную к Елене, он поклонился и приложил одну руку к груди. Другую руку Дамон протянул вперед, словно предлагая ее Елене.

«Не желаешь ли потанцевать?» – спросил он.

Вот только губы Дамона при этом даже не пошевелились. Голос звучал у Елены в голове.

Страх вдруг улетучился, и Елена рассмеялась. Да что с ней такое творилось, почему раньше она так боялась Дамона? Они прекрасно друг друга понимали. Однако вместо того, чтобы взять его за руку, Елена отвернулась, шелестя тяжелым рубиновым платьем, и, не оглядываясь, двинулась к одной из статуй у стены, желая проверить, последует ли за ней Дамон. Сделав вид, что целиком поглощена созерцанием скульптур, Елена двинулась дальше, как только Дамон к ней подошел. При этом она кусала губы, чтобы сдержать улыбку. В эту минуту Елена чувствовала себя прекрасно. Все было так живо, так прекрасно. Опасно? Да, конечно, эта игра была опасной. Но Елена всегда обожала риск.

Когда Дамон в очередной раз к ней приблизился, Елена посмотрела на него кокетливо и снова отвернулась. Он протянул к ней руку, но поймал только украшенную самоцветами цепь у нее на талии.

Дамон быстро отдернул руку, и, оглянувшись, Елена заметила, что заостренная оправа одного из самоцветов порезала ему палец.

Капелька крови на пальце была в точности такого же цвета, что и платье Елены. Дамон искоса глянул на нее, и его губы изогнулись в дерзкой улыбке пока он поднимал порезанный палец.

«Ты не осмелишься», – говорили его глаза.

«Да? Не осмелюсь?» – одними глазами отозвалась Елена.

Она отважно взяла руку Дамона и задержала ее на мгновение, дразня своего поклонника. Затем поднесла порезанный палец к своим губам.

Через несколько мгновений Елена отпустила палец и посмотрела на Дамона.

«Мне действительно хочется танцевать», – сказала она, внезапно обнаруживая, что, подобно Дамону, может передавать свои мысли.

Ощущение казалось просто восхитительным. Она прошла к центру зала и выжидающе замерла.

Дамон последовал за ней, грациозный, как тигр крадущийся к добыче. Его пальцы оказались теплыми и твердыми, когда он взял ее за руку.

Где-то вдалеке заиграла музыка, она то накатывала волнами, то затихала. Дамон положил другую руку Елене на талию. Елена ощущала тепло пальцев и нежное давление. Она подобрала юбки, и они начали танцевать.

Танец вызывал у нее такие восхитительные ощущения, словно это был полет, и тело Елены с потрясающей точностью знало каждое движение. Они с Дамоном все танцевали и танцевали в пустом зале, идеально откликаясь друг на друга.

Однако постепенно танец замедлялся, а улыбка Дамона пропадала. Наконец Елена застыла неподвижно в кольце его рук. Темные глаза Дамона больше не мерцали искрами веселья; они казались яростными и страстными. Елена с трезвой серьезностью на него посмотрела, ничего не боясь. И именно в этот момент ей впервые явственно показалось, что это всего лишь сон. Елена ощутила такую апатию и слабость, что у нее закружилась голова.

Роскошный зал словно помутнел. Елена ясно видела только глаза Дамона, и они нагоняли на нее все большую и большую сонливость. Она позволила своим глазам почти закрыться, и голова ее запрокинулась. Елена тяжело вздохнула.

Теперь она могла ощутить взгляд Дамона на своих губах и на своем горле. Улыбнувшись сама себе, Елена полностью закрыла глаза.

Дамон крепко ее поддерживал, не давая упасть. Елена чувствовала его губы у своей шеи, такие жаркие, будто у него была лихорадка. Затем она ощутила аккуратный укол. Боль, впрочем, быстро прошла, и Елена расслабилась от удовольствия, пока Дамон вытягивал из нее кровь.

Елена припомнила это ощущение – она словно плавала на ложе золотистого света. Восхитительное спокойствие объяло все ее тело. Елена чувствовала сонливость, казалось, что каждое движение дается ценой невыносимых усилий. Но она и не хотела двигаться – ей было слишком хорошо.

Елена нежно гладила голову Дамона, прижимая ее к своей шее, продевая пальцы сквозь мягкие темные пряди. Волосы Дамона были как шелк, они словно жили своей собственной жизнью под ее пальцами. Чуть-чуть приоткрыв глаза, Елена увидела перед собой радугу в

пламени свечи. Красное, голубое и лиловое, совсем как... совсем как оперение...

И тут все разлетелось на куски. Внезапно возникли страшная боль в шее и ощущение, что у Елены вырывают душу. Она отталкивала от себя Дамона, нещадно его царапала, сиюсья отпихнуть. Крики звенели у нее в ушах. Дамон отчаянно с ней сражался, но не в человеческом облике – это была ворона. Громадные крылья с жуткими хлопками били Елену.

Глаза ее были широко распахнуты. Елена поняла, что проснулась, и стала кричать. Роскошный бальный зал исчез, и девочка очнулась в темной спальне. Но жуткий сон преследовал ее и наяву. Когда Елена включила свет, кошмар обрушился на нее с силой. Крылья били ее по голове, а острый клюв тянулся к шее.

Одной рукой Елена отбивалась от наглой птицы, другой прикрывала глаза. Она по-прежнему кричала во весь голос. Но деться Елене было просто некуда. Ужасные крылья продолжали хлопать, и звук такой, будто кто-то перетасовывал тысячу карточных колод разом. Дверь резко распахнулась, послышались другие крики. Теплое, тяжелое тело вороны упало на ее голову, и Елена истошно завопила. Затем кто-то стал стаскивать ее с постели, и секунду спустя Елена оказалась за спиной у отца Бонни, под его защитой, у мистера Маккаллога была швабра, и он отчаянно ею размахивал, стараясь попасть по вороне. Бонни стояла в дверях. Елена бросилась к ней и обняла подругу. Отец Бонни закричал, а затем последовал удар шваброй по оконной раме.

– Она улетела, – вымолвил мистер Маккаллог, тяжело дыша.

Мэри и ее мама, облаченные в домашние халаты, стояли в коридоре.

– У тебя идет кровь, – в тревоге проговорила миссис Маккаллог, обращаясь к Елене. – Проклятая тварь тебя поклевала.

– Ничего-ничего, – отозвалась Елена, вытирая пятнышко крови у себя на щеке.

От сильнейше потрясения колени ее подгибались.

– Но как она сюда попала? – спросила Бонни.

Мистер Маккаллог принялся осматривать окно.

– Тебе не следовало оставлять его открытым, – сказал он Елене. – И зачем тебе понадобилось открывать все запоры?

– Но я их вовсе не открывала! – возмущенно воскликнула Елена.

– Когда я услышал, как ты кричишь, и вошел, окно было открыто, – недовольно промолвил отец Бонни. – Просто не знаю, кто еще мог это сделать кроме тебя.

Елена осмотрительно подавила свои протесты! С опасливой нерешительностью она подошла к окну. Мистер Маккаллог не лгал – запоры были открыты. И это можно было проделать только изнутри.

– Наверное, ты страдаешь лунатизмом, – вмешалась Бонни, отводя Елену в сторону, пока ее отец запирает окно. – Нам нужно привести тебя в порядок.

Лунатизм. Сомнамбулизм. Внезапно Елена вспомнила весь тот кошмарный сон. И коридор с зеркалами, и бальный зал, и Дамона. Она отстранилась от Бонни.

– Я сама приведу себя в порядок, – сказала Елена, явственно слыша, как ее голос дрожит на грани истерики. – Нет... правда... я сама. – Она убежала в ванную, захлопнула за собой дверь и встала лицом к зеркалу, пытаясь успокоить дыхание.

Елена меньше всего желала разглядывать себя в зеркале. И все-таки она, дрожа всем телом, заставила себя в него заглянуть. Дюйм за дюймом Елена медленно сдвигалась в сторону, пока ее отражение не появилось целиком на серебристой поверхности.

Мертвенно-бледное лицо предстало ее взору. Под испуганными глазами виднелись синие тени. Пятнышки крови размазаны по всему лицу.

Елена медленно-медленно повернула голову и подняла волосы. Увидев свою шею, она невольно вскрикнула.

На идеально гладкой коже виднелись две свежие ранки.

Глава 9

– Я скорее всего, пожалею потом, но все таки задам тебе вопрос, – произнес Мэтт,

переводя покрасневшие глаза с автострады на сидящего рядом Стефана. – Не можешь ли ты мне сказать ради чего нам понадобилось доставить эти супер особенные, совершенно недоступные и исключительно-полутропические сорняки Елене?

Стефан посмотрел на заднее сиденье, где лежали плоды их невероятно мучительного поиска, растения, с разветвленными зелеными стеблями мелкозубчатыми листьями, действительно а напоминали сорняки. Высохшие останки цветов на концах побегов выглядели на редкость жалко. Так что сложно было сделать вид, будто эти растения представляли собой какую-то эстетическую ценность.

– Ничего, если я скажу, что их можно использовать для изготовления исключительной натуральной примочки для глаз? – после недолгого раздумья предложил Стефан. – Или, допустим, ценнейшего травяного чая?

– Да? Ты правда хотел что-то такое сказать?

– Да нет, не особенно.

– Очень хорошо. Потому что, если б ты это сделал, я мог бы как следует тебя разукрасить.

Искоса глядя на Мэтта, Стефан радостно улыбнулся.

Его охватило странное чувство. Ничего подобного он не испытывал вот уже пять столетий, если не считать встречи с Еленой. Его признавали, его принимали.

Стефан делил тепло с настоящим другом, который не знал всей правды о нем, но все равно ему доверял. Который отчаянно хотел ему верить. Стефан сильно сомневался, что он заслужил такое отношение, но не мог отрицать того, что это отношение для него означало. Теперь он почти чувствовал себя... человеком.

Елена не сводила глаз со своего отражения в зеркале. Нет, это не сон. Не только сон. Ранки на шее безоговорочно это доказывали. И теперь, когда Елена их увидела, она ощутила странную легкость в голове, почти головокружение.

И в этом была ее собственная вина. Елена с такой убежденностью предупреждала Бонни и Мередит о том, чтобы они не приглашали никаких незнакомцев к себе домой. И все это время она забывала что сама пригласила Дамона в дом к Бонни ночью, когда они устроили «немой ужин» в столовой у Бонни, и Елена выкрикнула во тьму одно единственное слово: «Входи!»

И это приглашение распространялось на целую вечность. Дамон мог вернуться в любой момент, даже сейчас. Особенно сейчас, когда Елена была очень слаба, когда ее можно было так загипнотизировать, чтобы она своими руками открыла ему окно.

Выбравшись из ванной, Елена, минуя Бонни, заковыляла в гостевую спальню. Схватив свою сумку, она принялась запихивать туда вещи.

– Нет, Елена, ты не можешь сейчас отправиться домой!

– Как раз наоборот – я не могу остаться здесь, – откликнулась Елена.

Оглядевшись в поисках тувель, она обнаружила их у кровати и шагнула к ней. А затем, издав какой-то сдавленный звук, резко остановилась. На скомканной постели лежало одно-единственное черное перо – огромное, до уродливости огромное, с толстым, восковым на вид стержнем. Покоясь на белой перкалевой простыне, воронье перо выглядело отвратительно.

К горлу подступила тошнота, и Елена отвернулась. Она едва могла дышать.

– Ладно-ладно, – смилостивилась над ней Бонни. – Если ты так скверно себя чувствуешь, я попрошу папу отвезти тебя домой.

– Ты тоже должна поехать. – Елене только сейчас пришло в голову, что для Бонни пребывание в этом доме так же опасно, как для нее.

«Да я могу сделать с тобой все, что захочу. И со всеми, кого ты любишь», – снова вспомнила она и повернулась, чтобы схватить Бонни за руку.

– Обязательно, Бонни. Тебе совершенно необходимо поехать со мной.

Наконец они отправились в дорогу. Маккаллоги решили, что у Елены случилась истерика, что она слишком остро на все реагирует или даже переживет нервный срыв. Но, в конце концов, они сдались. Мистер Маккаллог привез их с Бонни к дому Гилбертов, где они, чувствуя себя взломщиками, отперли дверь и прокрались внутрь, чтобы никого не будить.

Но даже здесь Елена никак не могла заснуть, лежала рядом с негромко сопящей Бонни, пристально глядя на окно спальни. Снаружи ветви айвы, покачиваясь, задевали по стеклу, но

больше никаких движений до рассвета не наблюдалось.

Вдруг Елена услышала звук подъезжающего автомобиля. Она с легкостью различила хрипящее тарыхтение машины Мэтта. Встревоженная, Елена на цыпочках прокралась к окну и выглянула в раннее марево еще одного серого дня. Затем она быстро спустилась вниз по лестнице и открыла входную дверь.

– Стефан! – Елена еще ни разу в жизни никому так не радовалась.

Она налетела на Стефана, не успев толком захлопнуть дверцу. Юноша отшатнулся от такого приветствия, и Елена почувствовала его удивление. Обычно она не вела себя так демонстративно.

– Я тоже тебе очень рад, – сказал Стефан, нежно отвечая на ее объятие. – Только цветы не помни.

– Цветы? – Елена отстранилась, взглянула на растения в руках Стефана, затем подняла глаза на его лицо.

Наконец она посмотрела на Мэтта, который как раз выходил из машины с другой стороны. Бледное лицо Стефана совсем вытянулось, Мэтт казался опухшим от усталости, а глаза были красными после бессонной ночи.

– Вам лучше войти в дом, – с легкой тревогой предложила Елена. – Вы оба ужасно выглядите.

– Это вербена, – чуть позже пояснил Стефан.

Они с Еленой сидели за кухонным столом. Через дверной проем было видно, как Мэтт растянулся на диване в гостиной, негромко похрапывая. Он прилег поспать, одолев три глубокие тарелки кукурузных хлопьев с молоком. Тетя Джудит, Бонни и Маргарет все еще спали наверху, и Стефан старался говорить потише.

– Ты помнишь, что я тебе про нее говорил? – спросил он у Елены.

– Ты сказал, что вербена помогает сохранять ясный разум, даже когда кто-то намеренно использует Силу. – Голос Елены был на удивление ровным.

– Верно. А это один из тех приемов, которые может применить Дамон. Он способен использовать силу разума даже на расстоянии и может сделать это независимо от того, спишь ты или бодрствуешь.

Слезы подступили к глазам Елены, и она опустила голову, внимательно разглядывая длинные стройные стебли с сухими остатками крошечных сиреневых цветков на самых кончиках.

– Даже во сне? – переспросила она, боясь, что на сей раз голос выдаст ее волнение.

– Да. Он способен заставить тебя выйти из дома или впустить его внутрь. Но вербена должна это предотвратить. – Стефан явно был очень доволен собой.

«Ах, Стефан, если б ты только знал!» – подумала Елена.

Дар опоздал всего лишь на одну ночь. И тут, несмотря на все ее усилия, на длинный зеленый листок упала слезинка.

– Елена! – Стефан был потрясен. – В чем дело? Скажи мне!

Стефан попытался заглянуть ей в лицо, но Елена крепко прижала голову к его плечу. Он обнял ее.

– Скажи мне! – негромко повторил Стефан.

Настал тот самый момент. Если Елена вообще собиралась ему обо всем рассказывать, это следовало сделать прямо сейчас. В горле стоял ком, нужные слова не шли на ум.

«Как бы то ни было, я не позволю Дамону меня одолеть», – подумала Елена.

– Просто... просто я очень о тебе беспокоилась, – только и сумела выдавить из себя Елена. – Я не знала, куда ты пропал. И когда вернешься.

– Да, лучше бы я тебя предупредил. Но это все? Тебя больше ничего не расстраивает?

– Это все. – Теперь нужно заставить Бонни молчать насчет вороны. Ну почему одна ложь непременно тянула за собой другую? – А что нам следует делать с вербеной? – спросила Елена, откидываясь на спинку стула.

– Сегодня вечером я тебе покажу. Как только я извлеку масло из семян, ты сможешь втереть его в кожу или добавить в ванну при купании. А еще ты сможешь зашить сушеные листья в мешочек и носить его с собой или класть по ночам под подушку.

– Пожалуй, я дам немного вербены Бонни и Мередит. Им тоже нужна защита.

Стефан кивнул.

– А пока что... – он оторвал веточку и положил ее Елене на ладонь, – просто возьми это с собой в школу. А я вернусь в пансионат, чтобы добыть масло. – Мгновение Стефан помедлил, а затем снова заговорил: – Послушай, Елена...

– Что?

– Если б я думал, что так тебе станет лучше, я бы отсюда убрался. Я не стал бы открывать твое существование Дамону. Но я уже не уверен в том, что он уедет следом за мной. Я думаю, он даже может остаться... из-за тебя.

– И не думай об отъезде, – яростно проговорила Елена, глядя на Стефана. – Пойми, Стефан, отъезд – это единственное, чего я совершенно точно не смогу выдержать. Обещай мне, что ты не уедешь. Обещай.

– Я не оставлю тебя один на один с Дамоном, – пообещал Стефан, что было далеко не то же самое. Но подталкивать его дальше не имело смысла.

Вместо этого Елена помогла Стефану разбудить Мэтта и посмотрела, как они уезжают. Затем, со стеблем сушеной вербены в руке, она поднялась наверх, чтобы подготовиться к занятиям в школе.

На протяжении всего завтрака Бонни отчаянно зевала, а по-настоящему она проснулась только благодаря прохладному ветерку, обдувавшему лица, когда они вышли на улицу и направились школе.

День обещал стать холодным.

– Сегодня ночью мне приснился очень странный сон, – призналась Бонни.

Сердце Елены резко подпрыгнуло у нее в груди. Она уже успела засунуть побег вербены в рюкзачок Бонни, на самое дно, где Бонни не заметила бы его. Но если прошлой ночью Дамон добрался и до Бонни...

– О чем? – спросила Елена, собираясь с духом.

– О тебе. Ты стояла под деревом. Дул сильный ветер. Почему-то я страшно тебя боялась и не хотела подходить ближе. Ты казалась... какой-то другой. Очень бледной, но почти сияющей. Затем с дерева вдруг слетела ворона, а ты протянула руку и поймала ее в полете. Твое движение было таким быстрым, что это казалось просто невероятно. А затем ты посмотрела на меня, и у тебя на лице застыло какое-то странное выражение. Ты улыбнулась, но от этой улыбки мне почему-то за хотелось бежать куда глаза глядят. А затем ты свернула вороне голову, совершенно спокойно ее убила.

Елена с нарастающим ужасом прислушивалась к рассказу.

– Отвратительный сон, – сказала она, наконец.

– Да уж! – сдержанно отозвалась Бонни. – Интересно, что бы это могло значить. Вороны обычно несут с собой дурное знамение. Они могут предвещать смерть.

– Скорее всего, этот сон говорит о том, что ты чувствовала, как я расстроилась, обнаружив ту ворону в спальне.

– Это было бы так, если не считать одной мелкой детали. Я видела этот сон еще до того, как ты стала кричать.

В тот день, во время перерыва на ланч, на доске объявлений появился еще один листок темно-лиловой бумаги. На этот раз, впрочем, на нем была написана всего одна, на первый взгляд безобидная фраза: *«Смотри раздел рекламных объявлений»*.

– Каких рекламных объявлений? – не поняла Бонни.

Ответ поступил от Мередит, которая как раз в этот момент подошла к ним со школьной газетой под названием «Уайлдкет Уикли» в руках.

– Вы уже это видели? – спросила она.

Анонимная записка была размещена в разделе рекламных объявлений без заголовка и подписи.

Я не способна вынести даже мысли о том, что могу его потерять. Но Стефан из-за чего-то так несчастен. Если он не скажет мне, что это, если он полностью мне не доверится,

я не вижу для нас никакой надежды.

Прочитав объявление, Елена, несмотря на усталость, ощутила новый прилив энергии. Как же ненавидела того, кто это проделывал! Она воображала, как стреляет в этого человека, колет его кинжалом, наблюдает за тем, как он падает на землю. А потом, на удивление живо, Елена представила кое-что еще. Дернуть вора за волосы и погрузить зубы в его незащитное горло. Это странное, тревожащее видение на мгновение показалось Елене почти реальным. Тут она поняла, что Мередит и Бонни пристально и с недоумением смотрят на нее.

– В чем дело? – удивилась Елена.

– Я поняла, что ты меня не слушаешь, – вздохнула Бонни. – Я просто сказала, что это не похоже на работу... Да... на работу убийцы. Мне кажется, что настоящий убийца не может быть так... так мелочен.

– Как это ни печально, но Бонни права, – поддержала подругу Мередит. – Это пахнет чем-то предельно подлым и коварным. Это мог проделать кто-то, кто затаил на тебя мелочную обиду, кто-то, кто просто хочет заставить тебя страдать.

Елена с трудом сглотнула слюну.

– И этот кто-то должен быть прекрасно знаком со школьным распорядком, – заметила она. – Ведь заполнять формуляр для сообщений в раздел рекламных объявлений требуется в одном из классов по журналистике.

– И еще этот кто-то должен был знать, что ты ведешь дневник, и целенаправленно спланировать похищение. Возможно, этот кто-то сидел с тобой на одном уроке в тот день, когда ты взяла дневник в школу. Помнишь? Когда мистер Таннер чуть было тебя не поймал? – добавила Бонни.

– А мисс Гальперн действительно меня поймала. Мне даже показалось, что она собирается прочесть вслух запись, которую я сделала сразу же после того, как мы со Стефаном сблизились. Нет, Бонни, погоди минутку. Скажи мне, той ночью в твоём доме, когда дневник был похищен, как долго вы обе присутствовали в гостиной?

– Всего лишь несколько минут. Янцзы перестал лаять, а я подошла к двери, чтобы его впустить и... – Тут Бонни сжала губы и пожала плечами.

– Значит, вор должен хорошо ориентироваться в твоём доме, – быстро заметила Мередит. – он смог войти, взять дневник и выбраться оттуда прежде чем мы его заметили. Ну ладно, короче говоря, мы ищем кого-то пронырливого, жестокого кого-то из твоих одноклассников, Елена, и при этом прекрасно знакомого с домом Бонни. Кого-то, затаил на тебя личную обиду, кого-то, кто переступил бы через все, лишь бы до тебя добраться. Ох ты, боже мой!

Девочки переглянулись.

– Точно, – прошептала Бонни. – Это она.

– Какие же мы были дуручки! – подхватила Мередит. – Нам следовало сразу это понять.

Елену внезапно озарило понимание, что весь гнев, испытываемый ею до сих пор, не имел ничего общего с яростью, на которую она действительно была способна. Просто пламя свечи в сравнении с солнцем.

– Кэрлайн, – процедила она и так крепко сжала зубы, что даже челюсти свело.

Кэрлайн. Теперь Елена действительно чувствовала, что готова убить бывшую подругу на месте. Она немедленно бросилась бы на поиски Кэрлайн, если бы Бонни и Мередит ее не остановили.

– После школы, Елена, – твердо сказала Мередит. – Только тогда мы сможем поймать ее в каком-то уединенном месте. Не сейчас.

Однако по дороге в столовую Елена вдруг заметила, как знакомые рыжевато-каштановые волосы исчезают в отдельном коридоре, где располагались кабинеты искусства и музыки. И тут она вспомнила недавние слова Стефана о том, что Кэрлайн уводила его во время ланча в кабинет фотодела. Чтобы уединиться, объясняла Стефану Кэрлайн.

– Вы оставайтесь в столовой, а я тут кое-что вспомнила, – сказала она подругам, когда и Бонни, и Мередит уже набрали себе еды на подносы.

Сделав вид, что не слышит удивленных возгласов подруг, Елена стремительно направилась к класс художественных дисциплин.

Во всех кабинетах было темно, однако дверь кабинета фотодела оказалась не заперта. Что-то заставило Елену изменить свой план вломиться туда бесцеремонно и устроить скандал. Вместо этого затаила дыхание и осторожно повернула ручку, интересно, Кэролайн там? А если да, то что она делает одна в темноте?

Поначалу комната показалась совершенно безлюдной. Но затем Елена услышала шепот, доносившийся из небольшого алькова в задней части помещения, и заметила, что дверь в темную комнатку приоткрыта.

Сдерживая дыхание, Елена бесшумно добралась до самого дверного проема и встала там, чтобы разобрать слова.

– Но как мы можем быть уверены, что выберут именно ее? – Вопрос задала Кэролайн.

– Мой отец не зря входит в школьный совет. Они выберут ее, точно. – Это был голос Тайлера Смоллвуда. Его отец, адвокат, числился во всех возможных советах. – А, кроме того, кто это еще может быть? – продолжил он. – «Духу Феллс-Черча» полагается быть как хорошо сложенным, так и смышленным.

– А у меня, по-твоему, мозгов совсем нет?

– Разве я это сказал? Послушай, если ты хочешь носить белое платье на параде в честь Дня основателей, это одно. Но если ты хочешь увидеть, как Стефан Сальваторе сбежит из городка после предъявления улик, взятых из дневника его подружки...

– Но зачем так долго ждать?

В голосе Тайлера прозвучало нетерпение.

– Потому что в таком случае праздник также будет непоправимо испорчен. Праздник в честь Феллов. Почему заслуга основания нашего городка должна достаться им? Смоллвуды были здесь первыми.

– Черт возьми, да кому вообще интересно, кто основал этот городок? Все, чего я хочу, это увидеть Елену униженной перед лицом всей школы.

– И Сальваторе. – От зловредности, прозвучавшей в голосе Тайлера, по спине у Елены побежали мурашки. – Ему очень повезет, если он не закончит свою жизнь, свисая с самого высокого дерева во всей округе. Ты уверена, что там есть нужные улики?

– Сколько раз тебе повторять? Во-первых, там сказано, что второго сентября, на кладбище, Елена потеряла ленту. Затем там говорится, что Стефан в тот же день ее подобрал и сохранил. Плетеный мост со всем рядом с кладбищем. Это значит, что второго сентября Стефан оказался рядом с мостом, в тот самый вечер, когда было совершено нападение на того старика. А о том, что Стефан был поблизости во время нападения на Викки и Таннера, все и так знают. Чего тебе еще нужно?

– В суде все это не потянет. Может, мне стоит найти какое-нибудь дополнительное доказательство? Скажем, спросить у старой миссис Флауэрс, когда Стефан той ночью вернулся домой.

– Ох, да кому какое дело? Большинство и так уже думает, что Стефан виновен. В дневнике говорится о каком-то большом секрете, который он от всех прячет. Народ мигом сообразит, что это за секрет.

– Ты хранишь дневник в надежном месте?

– Нет, Тайлер, я держу его на кофейном столике. Ты что думаешь, я совсем дура?

– По крайней мере одну дурость ты уже сделала. – Последовал хруст, как будто мяли газету. – Зачем было посылать Елене записки с намеками. Это просто идиотизм. Ты должна немедленно прекратить это делать. Что, если она поймет, кто этим занимается?

– И что она тогда сделает?

– Обратится в полицию.

– Я все равно хочу, чтобы ты это прекратила. Просто подожди до Дня основателей, а затем ты увидишь, как Снежная Королева растает у всех на глазах.

– И скажет чао Стефану Сальваторе. Послушай, Тайлер... но ведь Стефану никто серьезного вреда не причинит, правда?

– Кому какое дело? – Тайлер передразнил ее более ранний тон. – Это ты оставишь мне и моим друзьям. Послушай, Кэролайн, ты просто сыграешь свою роль, ага?

Голос Кэролайн понизился до гортанного шепота.

– А ты попробуй меня убедить. – После не большой паузы Тайлер хихикнул.

Послышались какое-то движение, шелест, вздох. Елена повернулась и выскользнула из кабинета так же тихо, как вошла.

Выйдя в следующий коридор и прислонившись там к шкафчикам, она попыталась собраться с мыслями.

Информации оказалось столько, что сразу ее как-то было и не переварить.

Итак, Кэролайн, которая раньше была для Елены лучшей подругой, теперь предала ее и поставила себе цель унижить ее перед лицом всей школы. А Тайлер, который всегда казался просто досадным придурком, но никак не реальной угрозой, планировал изгнать Стефана из школы – или вообще убить. И самым худшим было то, что для претворения в жизнь своих замыслов они использовали дневник Елены.

Теперь Елена поняла начало того сна, что приснился ей накануне. Она и раньше видела похожий – в ночь перед тем, как обнаружилось, что Стефан пропал. В обоих снах Стефан смотрел на нее разгневанными и обвиняющими глазами, а затем бросал какую-то книжку ей под ноги и уходил.

Нет, не просто какую-то книжку. Ее дневник. И дневник этот содержал в себе улику, которая могла стать для Стефана смертоносной. Трижды совершались нападения на людей в Феллс-Черче, и все три раза Стефан оказывался на месте событий. Как все это могли расценивать жители городка? Или полиция?

И у Елены не было никакой возможности рассказать правду. Предположим, она бы сказала: «Стефан не виноват. Настоящий преступник – его брат Дамон, который знает, как Стефан ненавидит мысль о причинении боли и об убийстве. Дамон следовал за Стефаном повсюду и нападал на людей чтобы заставить Стефана заподозрить в этих злодеяниях самого себя. Чтобы свести его с ума. И этот самый Дамон сейчас где-то здесь, в городке, поищите его на кладбище или в лесу. Но только не ищите добропорядочного парня, потому что любой момент он может обернуться вороной. Да между прочим, Дамон – вампир».

У самой Елены все это с трудом укладывалось в голове. Представить такое объяснение людям означало вызвать лишь недоверие и насмешки.

Колющая боль в шее тут же напомнила ей о том, насколько серьезной была в действительности эта смехотворная история. Елена так странно чувствовала себя сегодня, как будто заболела. И ее болезнь была чем-то большим, чем перенапряжение и недосыпание.

Елена ощущала легкое головокружение, а иногда земля начинала уходить у нее из-под ног. Очевидные симптомы гриппа, если не считать твердой уверенности Елены в том, что эти признаки вовсе не объяснялись присутствием какого-то вируса в ее организме.

И в этом опять-таки была вина Дамона. Дамон вообще был виноват во всем, если не считать истории с дневником. За это Елена никого не могла винить, кроме самой себя. Если бы она не писала про Стефана, если бы она не притащила дневник в школу. Если бы она не оставила его в гостиной у Бонни. Если бы... если бы...

Стало быть, важнее всего сейчас вернуть дневник.

Глава 10

Прозвенел звонок. У Елены не осталось времени возвращаться в столовую и рассказывать обо всем Бонни и Мередит, поэтому она направилась на следующий урок минуя отвернутые в сторону лица и враждебные глаза, которые за последние несколько дней стали ее постоянными спутниками.

На уроке истории Елене оказалось не так просто удерживаться от взглядов в сторону Кэролайн. Никким образом нельзя дать Кэролайн понять, что она обо всем знает. Аларих спросил что-то насчет Мэтта и Стефана, которые отсутствовали второй день подряд, и Елена, понимая, что все за ней наблюдают, лишь пожала плечами. Она не доверяла этому мужчине с мальчишеской улыбкой, колючими карими глазами и подозрительной тягой к информации о смерти мистера Таннера. А Бонни, которая замороженно взирала на Алариха, никакой помощи ей оказать не могла.

После урока Елена уловила обрывок разговора с участием Сью Карсон.

– ...у него сейчас каникулы в университете – правда, я забыла, в каком...

Осторожное молчание показалось Елене уже недопустимым. Она резко развернулась, обращаясь напрямую к Сью и ее собеседнице, врываясь непрошеной в их разговор.

– На твоём месте, – порекомендовала она Сью, – я бы держалась подальше от Дамона. Я серьезно.

Ответом стал удивленный, смущенный смех. Сью оставалась одной из немногих девочек в школе, которые пока еще не остерегались общения с Еленой. Но теперь по ее виду можно было заключить, что она резко изменила свое отношение.

– Ты хочешь сказать, – нерешительно промолвила Сью, – что он тоже под твоей опекой? Или...

Смех Елены прозвучал очень резко.

– Я имею в виду, что он опасен, – рявкнула она. – И я не шучу.

Девочки молча на нее посмотрели. Резко развернувшись на каблуках, Елена спасла их от неловкой ситуации, которую мог спровоцировать вероятный ответ. Забрав Бонни из кружка поклонниц Алариха, она направилась вместе с ней к шкафчику Мередит.

– Куда мы идем? А я думала, мы собираемся поговорить с Кэролайн.

– Уже не собираемся, – отозвалась Елена. – Подожди, пока мы доберемся домой. Тогда я скажу тебе, почему.

– Просто не могу в это поверить, – сказала Бонни часом позже. – Я имею в виду, я тебе верю, но не до конца. Не могу поверить в то, что касается Кэролайн.

– Это все Тайлер, – уточнила Елена. – Далеко идущие планы составил именно он. Это к нашему разговору о том, что мужчины не очень-то интересуются дневниками.

– На самом деле мы должны быть ему признательны, – вмешалась Мередит. – Потому что благодаря ему, у нас есть время до Дня основателей, чтобы хоть что-то предпринять. Так почему ты, Елена, говоришь, все это должно случиться в День основателей?

– У Тайлера есть зуб на Феллов.

– Но ведь они все уже умерли, – заметила Бонни.

– Для Тайлера это, похоже, особого значения не имеет. Я вспоминаю, как он говорил что-то такое на кладбище, когда мы осматривали гробницу его предков. Тайлер считает, что Феллы украли у его предков право быть основателями городка – что-то в таком духе.

– Послушай, Елена, – серьезно обратилась к ней Мередит, – а есть в дневнике что-то еще, что может повредить Стефану? Помимо той истории со стариком, я имею в виду.

– Разве этого недостаточно? – Елена с неудовольствием чувствовала на себе неподвижный взгляд темных глаз подруги. Ей было не совсем ясно, о чем спрашивает Мередит.

– Вполне достаточно, чтобы заставить Стефана сбежать из городка, как они и говорили, – согласилась Бонни.

– Достаточно, чтобы перед нами встала необходимость отобрать у Кэролайн дневник, – сказала Елена. – Единственный вопрос – как это сделать?

– Кэролайн сказала, что она спрятала дневник в каком-то надежном месте. Вероятно, имеется в виду, у себя дома. – Мередит задумчиво покусывала нижнюю губу. – Послушайте, ее единственный брат учится в восьмом классе, верно? А ее матушка не работает, зато часто ездит за покупками в Роаноук. Вы не знаете, у них по-прежнему есть служанка?

– А что? – осведомилась Бонни. – Какая разница?

– Ну, мы же не хотим, чтобы кто-нибудь вошел, пока мы будем обшаривать дом.

– Пока мы что будем делать? – возмущенно пропищала Бонни. – Брось, ведь ты это не всерьез!

– А что мы должны делать? Просто сидеть и ждать Дня основателей? Позволить Кэролайн прочитать дневник Елены перед всем городом? Ведь она бесцеремонно его похитила, выкрала из твоего дома. Мы просто должны вернуть его себе, – хладнокровно изрекла Мередит.

– Нас поймают и выгонят из школы. Если вообще не посадят в тюрьму. – Бонни умоляюще повернулась к Елене. – Скажи ей, Елена.

– Ну-у... – На самом деле подобная перспектива даже у Елены вызывала определенную неловкость.

И больше всего ее угнетала мысль вовсе не об исключении или тюрьме, а о том, что их просто поймают на месте преступления. Высокомерное лицо миссис Форбс, полное праведного гнева, всплыло у нее перед глазами. Затем его сменило презрительно смеющееся лицо Кэролайн, пока ее матушка нацеливала на Елену обвиняющий перст.

Кроме того, войти в чужой дом с целью обыскать его, пока там никого нет, казалось таким... таким неправильным. Это было вопиющее нарушение закона. Елена страшно возмутилась бы, если бы кто-то проделал такое с ней.

Хотя, с другой стороны, с ней такое уже проделали. Кэролайн вторглась в дом Бонни, и сейчас в руках у нее находилась самая что ни на есть личная собственность Елены.

– Давайте мы все-таки это сделаем, – тихо предложила Елена. – Но очень осторожно.

– Можем мы хотя бы как следует обсудить это? – нерешительно спросила Бонни, переводя взгляд с сосредоточенного лица Мередит на Елену.

– Не о чем тут говорить. Ты пойдешь с нами, – твердо сказала ей Мередит, – Ты же обещала, – добавила она, видя, что Бонни собралась опять ей возразить.

– Но та клятва на крови состояла только в том, чтобы помочь Елене заполучить Стефана! – воскликнула Бонни.

– Вспомни, – возразила Мередит. – Ты поклялась сделать все, что Елена попросит в отношении Стефана. Там ничего не говорилось о том, что клятва действует только до того момента, когда Елена его заполучит.

Рот Бонни беспомощно раскрылся. Она посмотрела на Елену, которая с трудом сдерживала смех.

– Чистая правда, – торжественно подтвердила Елена. – И ты сама сказала: «Клятва на крови означает, что тебе придется держаться ее в любых обстоятельствах».

Бонни закрыла рот и выдвинула вперед подбородок.

– Да, действительно, – угрюмо согласилась она. – Теперь я всю жизнь обязана делать все, что Елене понадобится в отношении Стефана. Что ж, чудесно.

– Я не стану злоупотреблять вашей помощью, – сказала Елена. – И я вам это обещаю. Клянусь...

– Не надо! – воскликнула Мередит, внезапно посерьезнев. – Не надо, Елена. Ты можешь потом пожалеть.

– Ты что, тоже пророчествами занялась? – осведомилась Елена, а затем спросила: – Так собираемся ли мы на час-другой заполучить ключ от дома Кэролайн?

9 ноября, суббота

Мой милый Дневник!

Извини, что так долго не писала. Просто в последнее время я была либо слишком занята, либо слишком угнетена, чтобы тебе писать.

А иногда и то, и другое.

Кроме того, после всего случившегося я просто боюсь вести дневник. Но мне обязательно нужно к кому-нибудь обратиться, потому что сейчас на всей Земле нет ни одного живого существа, с которым я была бы абсолютно откровенна.

Бонни и Мередит не могут узнать всей правды о Стефане. Стефан не может узнать правду о Дамоне. Тетя Джудит вообще ни о чем не должна узнать. Бонни и Мередит известно про Кэролайн и про дневник. Стефану нет. Стефан знает о вербене, которую я, кстати сказать, теперь каждый день использую: Бонни и Мередит не знают – хотя я дала каждой по мешочку с сухими веточками. Одно хорошо – вербена, похоже, действует. По крайней мере случаев лунатизма со мной после той ночи больше не происходило. Но было бы ложью сказать, что я с тех пор не видела снов про Дамона. Он непременно присутствует во всех моих ночных кошмарах.

Сейчас моя жизнь полна лжи, и мне обязательно нужен кто-то, с кем я могла бы поделиться. Я намерена прятать дневник под половицей в чулане, так что никто не найдет его, даже если я неожиданно умру, и мою комнату освободят от всех моих вещей. Возможно, один из внуков Маргарет станет в один прекрасный день там играть, потянет за половицу и выудит дневник наружу, но до тех пор его не найдет никто. Дневник – мой самый главный

секрет.

Не знаю, почему я так много думаю о смерти. На самом деле этот пунктик скорее характерен для Бонни – это как раз она думает, что смерть может быть удивительно романтической. А я точно знаю, на что она на самом деле похожа, – не было ровным счетом ничего романтического в том, как умерли мои мама и папа. Более скверного чувства я никогда в жизни не испытывала. Я хочу прожить долгую жизнь, выйти замуж за Стефана и быть счастливой. Нет причин, способных помешать мне быть счастливой. Все наши проблемы коренятся исключительно в нас самих.

Правда, бывают такие минуты, когда я пугаюсь и перестаю верить в себя. И еще есть разные мелочи, которые очень меня раздражают. Например, почему Стефан все еще носит у себя на шее кольцо Катрины, хотя я точно знаю, что он меня любит. И еще – почему он ни разу не сказал, что он меня любит, хотя я точно знаю, что это так.

Впрочем, это не имеет большого значения. Все со временем выправится. Все просто должно встать на свои места. А потом мы со Стефаном будем вместе и будем счастливы. Нет ничего, что помешало бы нам стать счастливыми. Нет ничего, что помешало бы нам стать счастливыми. Нет ничего...

Елена отложила ручку, стараясь сосредоточиться на своих записях. Но они расплывались перед ее глазами, и она захлопнула тетрадку, прежде чем предательская слезинка упала на чернильные строчки. Затем она подошла к чулану, пилкой для ногтей поддела половицу и положила под нее дневник.

Пилка для ногтей лежала у нее в кармане и неделей позже, когда они с Бонни и Мередит стояли у задней двери дома Кэролайн.

– Скорее, – страдальчески прошипела Бонни, с таким видом оглядывая дворик, как будто она ожидала, что на них вот-вот что-нибудь набросится. – Давай, Мередит!

– Ну вот, – выдохнула Мередит, когда ключ наконец-то повернулся в английском замке, и дверная ручка поддалась. – Считайте, мы уже на месте.

– А ты уверена, что там никого нет? Послушай, Елена, а что, если они вернуться раньше, чем мы ожидаем? Почему мы не могли проделать это в дневное время?

– Брось, Бонни. Может, ты все-таки войдешь? Мы уже и так пустились во все тяжкие. В дневное время в доме всегда есть служанка. А сегодня вечером Форбсы рано не вернуться, если только кому-то в Шез-Луисе не станет плохо. Давай, входи! – подтолкнула ее Елена.

– Никто не отважится признаться, что ему стало плохо на обеде в честь дня рождения мистера Форбса, – сказала Мередит, пытаясь утешить Бонни, когда та все-таки вошла в дом. – Мы в полной безопасности.

– Если у Форбсов достаточно денег, чтобы отправляться в дорогие рестораны, они могли бы позволить себе оставить в пустом доме несколько включенных ламп, – заметила Бонни, не в силах успокоиться.

В глубине души Елена соглашалась с подругой. Странно и тревожно было бродить по чужому дому в потемках, и ее сердце отчаянно колотилось, пока они поднимались по лестнице. Ладонь Елены, сжимающая электрический фонарик, стала влажной и скользкой. Однако, несмотря на все физические симптомы паники, разум Елены по-прежнему работал холодно и спокойно, почти отстраненно.

– Тайник должен быть у нее в спальне, – решила она.

Окно в комнате Кэролайн выходило на улицу, и это означало, что троим подругам следовало соблюдать особую осторожность со светом. Ощущая немалое смятение, Елена обвела помещение крошечным лучиком фонарика. Одно дело – запланировать обыск чьей-то комнаты, нарисовать себе, как ты эффективно и методично осматриваешь шкафчики. Совсем иначе действительно оказаться там и даже не знать, с чего начать. Кроме того, Елена мучительно боялась что-либо трогать из страха, что Кэролайн потом это обнаружит.

Две ее подруги тоже стояли в полной неподвижности.

– Может, нам просто следует вернуться домой? – тихо промолвила Бонни.

И на сей раз Мередит не стала ей противоречить.

– Мы должны попытаться. По крайней мере попытаться, – выдохнула Елена, поражаясь оловянной гулкости своего голоса.

Выдернув на себя полку высокого комода, она осветила фонариком изящные стопки кружевного нижнего белья. Аккуратно прощупав белье, Елена убедилась, что ничего похожего на книжку там содержаться не может. Тогда она поправила стопки и закрыла шкафчик. А затем перевела дух.

– Все не так уж и сложно, – бодро начала Елена. – На самом деле нам всего-навсего требуется разделить комнату на секции, а затем начать их обыскивать, проверяя каждый шкафчик, каждый ящичек. В общем, осматривая все достаточно большие предметы, где можно спрятать дневник.

Себе она выбрала гардеробную – и первым делом потыкала там половицы своей пилочкой для ногтей. Однако все половицы были надежно закреплены. Простукивание стенок тоже ничего не дало. Роясь в одежде, Елена обнаружила там несколько вещей, которые Кэролайн одолжила у нее в прошлом году. Ее подмывало забрать свою одежду назад, но этого она, естественно, сделать не могла. Осмотр туфель и сумочек тоже ничего не дал. Даже когда Елена встала на стул, чтобы как следует проверить верхнюю полку платяного шкафа, результат оказался тем же.

Мерedit сидела на полу, изучая грудку плюшевых животных, которые были уложены в сундук вместе с другими детскими вещами Кэролайн. Пробегая изящными длинными пальцами по каждой игрушке, она выискивала уплотнения в материале. Добравшись до плюшевого пуделя, Мерedit вдруг помедлила.

– Ведь это я ей его подарила, – прошептала она. – На десятилетие. Я думала, она его давно выкинула.

Елена не могла видеть ее глаз – фонарик Мерedit был направлен на пуделя. Но она прекрасно себе представляла, что теперь должна испытывать подруга.

– Я попыталась с ней помириться, – негромко произнесла Елена. – Правда, Мерedit, еще тогда, в Доме с привидениями. Но Кэролайн просто сказала, что она никогда не простит мне одного позорного поступка. Того, что я отняла у нее Стефана. Я думала, все еще может быть по-другому, но она даже такой возможности не допустила.

– Значит, теперь война.

– Да, теперь война, – со спокойной обреченностью подтвердила Елена.

Она бесстрастно понаблюдала за тем, как Мерedit откладывает пуделя в сторону и берет следующую плюшевую игрушку. А потом вернулась к собственным поискам.

Однако с комодом у нее получилось не лучше, чем с гардеробной. С каждым мгновением Елена чувствовала себя все более неловко. Ей навязчиво казалось, что на подъездную дорожку у дома Форбсов подкатывает машина.

– Никакого толку, – выдохнула, наконец, Мерedit, шаря у Кэролайн под матрасом. – Должно быть, она спрятала его в... так-так, секунду. Там что-то такое есть. Я нащупала уголок.

На мгновение замерев, Елена и Бонни с разных концов комнаты неотрывно смотрели на нее.

– Ура, я его нашла! Елена, это дневник!

Тут Елену наполнило невероятное облегчение, и она вдруг почувствовала себя смятой бумажкой, которую чья-то добрая рука расправила и разгладила. Она знала, она все время знала, что ничто по-настоящему ужасное со Стефаном приключиться просто не может. Жизнь не могла быть такой жестокой – нет, только не по отношению к Елене Гилберт. Теперь все у них будет хорошо.

Но голос Мерedit звучал озадаченно.

– Это правда дневник. Но он зеленый, а не синий. Это не тот!

– Что?

Елена схватила тетрадку, светя на нее фонариком и словно стараясь заставить изумрудно-зеленый смениться на сапфирово-синий. Этот дневник был совсем как у нее, но только другого цвета.

– Это дневник Кэролайн, – тупо произнесла Елена, по-прежнему не желая в это поверить.

Бонни и Мерedit стояли рядом. Они посмотрели на закрытую тетрадку, а затем друг на

друга.

– Там могут быть какие-то подсказки, – медленно сказала Елена.

– Вполне справедливо, – согласилась Мередит.

Но только Бонни отважилась раскрыть зеленую книжку.

Поверх плеча Бонни Елена взгляделась в остроконечный, с обратным наклоном почерк Кэролайн, столь отличный от квадратных букв на темно-лиловой бумаге. Поначалу ее глаза не могли сфокусироваться, но затем она различила одно имя. Елена.

– Погодите, а это что такое?

Бонни, которая единственная могла как следует разбирать текст, какое-то время молча шевелила губами. Затем она фыркнула.

– Вы только послушайте, – сказала, наконец, Бонни и прочла фрагмент текста: – *«Елена – самая эгоистичная персона, какую я когда-либо знала. Все думают, что она просто сверх меры спокойна и самоуверенна, но на самом деле это просто холодность. Отвратительно видеть, как люди к ней клеятся, даже не понимая, что Елене совершенно наплевать на все и на всех, кроме себя самой».*

– И это говорит Кэролайн? Она смеет такое говорить? – И все же Елена не смогла скрыть своего румянца.

Почти то же самое сказал ей Мэтт, когда она бросила его и устремилась за Стефаном.

– Продолжай, здесь есть еще, – предложила Мередит и ткнула кулачком Бонни, которая оскорбленным голосом продолжила:

– *«Бонни в последнее время почти так же несносна. Всегда старается показаться важной особой. В этом учебном году она решила представляться медиумом, чтобы другие обратили на нее внимание. Будь Бонни и правда медиумом, она бы быстро прикинула, что Елена просто ее использует».*

Последовала неловкая пауза, а затем Елена спросила:

– Это все?

– Нет, тут еще есть немного по поводу Мередит. *«Мередит не делает ничего, чтобы все это безобразия остановить. На самом деле она вообще ничего не делает; она только наблюдает. Кажется, она просто не способна действовать, только может про всякую всячину разговаривать. А, кроме того, я слышала, как мои родители обмениваются мнениями про ее семью – неудивительно, что Мередит никогда о ней не упоминает».* А это, интересно, о чем?

Мередит даже не шевельнулась, и в мутном свете Елена смогла различить лишь ее шею и подбородок. Наконец Мередит тихо вымолвила:

– Это не имеет значения. Давай дальше, Бонни, ищи что-нибудь про дневник Елены.

– Попробуй где-нибудь около восемнадцатого октября. Именно тогда он был похищен, – предложила Елена, откладывая в сторону все остальные вопросы. Она задаст их Мередит чуть позже.

Никаких записей от восемнадцатого октября или за последующий уик-энд в дневнике не оказалось. В последние недели Кэролайн вообще очень мало записывала. И никто из них троих в дневнике больше не упоминался.

– Ну, все, – подытожила Мередит, садясь на кровать. – Этот дневник бесполезен. Если только мы не хотим ее шантажировать. В смысле – мы никому не станем показывать дневник Кэролайн, если она не покажет твой.

Поначалу идея показалась заманчивой, однако Бонни быстро обнаружила изъян.

– Но здесь нет ничего плохого про Кэролайн; здесь только жалобы на всех остальных. В основном на нас. Ручаюсь, Кэролайн очень бы понравилось, если бы ее дневник прочли вслух перед всей школой. Это был бы день ее торжества.

– Так что же нам с ним делать?

– Положить на место, – устало промолвила Елена, обводя фонариком темную комнату. Ей показалось, что сейчас, после обыска, все в комнате выглядело как-то по-другому. – Нам просто придется и дальше притворяться: мол, мы не знаем, что дневник у нее. И надеяться на какой-то другой шанс.

– Хорошо, – согласилась Бонни. Тем не менее она продолжила листать тетрадку,

временами возмущенно фыркая или шипя. – Нет, вы только послушайте! – наконец воскликнула она.

– Нет времени, – бросила Елена.

Она собиралась продолжить, но тут в разговор вмешалась Мередит, и ее тон был настолько непререкаемым, что он мигом привлек к себе внимание подруг.

– Машина!

Девочкам потребовалась всего одна секунда на то, чтобы убедиться: на подъездную дорожку у дома Форбсов действительно подкатывает автомобиль. Глаза и рот Бонни мгновенно округлились. Сидя на кровати с дневником в руках, она казалась парализованной.

– Вперед! – скомандовала Елена, выхватывая у нее дневник. – Ну, давайте же! Выключайте фонарики. Пробираемся к задней двери.

Но они уже и сами двигались. Мередит подталкивала Бонни вперед. Елена быстро опустилась на колени и подняла матрас. Другой рукой она сунула дневник на место. Пружины кольнули ладонь, когда тяжелый двуспальный матрас придавил ее руку. Еще несколько раз подтолкнув дневник подальше, Елена встала и поправила покрывало.

Уходя, Елена еще раз лихорадочно оглядела комнату. Времени поправлять что-то еще уже не оставалось. Пока она с молчаливой поспешностью двигалась к лестнице, до нее донесся звук поворачивающегося во входной двери ключа.

Дальше последовало что-то похожее на кошмарную игру в пятнашки. Елена прекрасно понимала, что специально никто ее не преследует, но, тем не менее, ей казалось, будто семья Форбсов решительно настроена обнаружить ее в своем доме. Когда она повернула к лестнице, голоса и огни заполнили коридор. Елена убежала от хозяев дома в последний дверной проход по коридору, и они, как будто зная туда за ней последовали. Форбсы пересекли лестничную площадку и оказались как раз за дверью главной спальни. Тогда Елена повернула к соседней ванной комнате, но затем увидела, как под закрытой дверью оживает полоска света, отрезая ей путь к спасению.

Елена оказалась в ловушке. Родители Кэролайн могли войти в любой момент. Увидев двухстворчатую дверь, ведущую на балкон, Елена в тот же миг приняла решение.

Снаружи воздух был прохладен. Отчаянно задыхаясь, она заметила, что изо рта у нее идет пар. В комнате, оставшейся позади, вдруг вспыхнул желтый свет, и Елена отступила еще дальше влево по балкону, стараясь остаться незамеченной. Затем последовал звук, которого она больше всего боялась: ручка балконной двери щелкнула, и портьеры тут же раздулись внутрь.

Елена лихорадочно огляделась. Спрыгивать на землю было слишком высоко, а для альпинистского спуска никаких уступов было не видно. Оставалась только крыша, но туда тоже никак не вскарабкаться. Тем не менее какой-то инстинкт заставил Елену попытаться, и она была на перилах балкона, нашаривая какую-нибудь зацепку над головой, когда на фоне тонких портьер появилась тень. Чья-то фигура почти уже показалась на балконе, когда Елена вдруг почувствовала, как кто-то хватает ее за поднятые руки и вытягивает наверх. Она машинально толкнулась ногами и в следующий миг оказалась на покрытой дранкой крыше. Пытаясь успокоить неровное дыхание, Елена повернула голову, чтобы взглянуть на своего спасителя, – и обмерла.

Глава 11

– Не зря моя фамилия Сальваторе, – сказал Дамон. – В переводе – спаситель. – Его белоснежные зубы сверкнули в темноте.

Елена опустила взгляд. Козырек крыши не давал толком взглянуть на балкон, но она явственно слышала, как там кто-то шаркает. Однако на погоню это совершенно не походило, и ничто не указывало на то, что слова Дамона были услышаны. Вскоре до Елены донесся звук закрывающейся балконной двери.

– А я думала, твоя фамилия Смит, – откликнулась она на слова Дамона, все еще глядя вниз, во тьму.

Дамон рассмеялся. Лишенный нервозности, свойственной Стефану, его смех был невероятно привлекателен. И Елена вдруг почему-то подумала о радужных отблесках на

вороньих крыльях.

Тем не менее этот смех не одурачил ее. Каким бы очаровательным Дамон ни казался, он был так опасен, что это почти превосходило пределы человеческого воображения. Это лениво-грациозное тело было в десять раз сильнее тела обычного человека. Эти томные темные глаза могли идеально видеть в ночи. Эта длиннопалая рука, которая вытянула Елену на крышу, могла действовать с невероятной стремительностью. И, самое страшное, острый разум Дамона был разумом убийцы. Хищника.

Елена ясно ощущала все это за его непринужденно-расслабленной внешностью. Дамон резко отличался от обычного человека. Он так долго жил охотой и убийством, что позабыл все остальные способы добычи себе пропитание. И Дамон откровенно наслаждался этим, не борясь с природой, как это делал Стефан, а просто купаясь в удовольствии. У него не осталось никакой морали и никакой совести. И вот с таким существом Елена оказалась наедине поздним вечером.

Она отшатнулась от него, готовая в любую секунду начать отчаянно отбиваться. Елене следовало моментально собрать всю свою злость, помня о том, что Дамон проделал с ней во сне. С другой стороны лишний раз показывать свое раздражение никак не следовало. Дамон прекрасно знал, в какую ярость она должна была прийти, но он лишь рассмеялся бы, если бы Елена ему об этом рассказала.

Елена наблюдала за ним тихо, пристально, ожидая следующего его хода.

Однако Дамон не двинулся. Эти ладони, способные действовать со скоростью рассерженной кобры, неподвижно покоились на коленях. А вот такое выражение лица Елена уже однажды у него видела. В тот первый раз, когда они встретились, в глазах Дамона читалось то же настроенное, невольное уважение. Однако тогда в них проглядывало также и удивление. Теперь никакого удивления там и в помине не наблюдалось.

– Ты что же, не собираешься на меня орать? Или падать в обморок? – спросил Дамон, словно предлагая ей стандартные варианты.

Елена все так же молча за ним наблюдала.

«Да, Дамон гораздо сильнее меня и быстрее, – думала она, – но я вполне смогу оказаться у края крыши раньше, чем он до меня доберется».

В худшем случае могло последовать падение с высоты в тридцать футов, но Елена была вполне способна пойти на риск. Все зависело от Дамона.

– Я не упаду в обморок, – кратко отозвалась Елена. – И чего ради мне терять сознание? Мы сыграли в игру. Я повела себя глупо и в результате проиграла. Тогда, на кладбище, ты предупреждал меня о последствиях.

Быстро улыбнувшись одними губами, Дамон отвернулся.

– Я мог бы сделать тебя моей Королевой Теней, – начал он, а затем, словно обращаясь к самому себе, продолжил: – У меня было много спутниц, девушек столь же молодых, что и ты, и женщин, первых красавиц Европы. Но ты единственная, кого мне хотелось бы всегда иметь рядом. Чтобы мы с тобой безраздельно правили, забирая себе все, чего хотим и когда хотим. Чтобы более слабые души боялись нас и нам поклонялись. Разве это было бы так уж плохо?

– Я как раз и есть одна из таких более слабых душ, – заметила Елена. – И мы с тобой враги, Дамон. Мы никогда не сможем стать друг для друга кем-то кроме врагов.

– Ты уверена? – Дамон внимательно на нее посмотрел, и Елена смогла почувствовать силу его сознания, когда он аккуратно коснулся ее разума.

Это было похоже на прикосновение длинных пальцев. Однако никакого головокружения, никакой слабости Елена не ощутила. Недаром она днем, как и не редко в последнее время, долго лежала в горячей ванне, куда была подсыпана сухая вербена.

Глаза Дамона понимающе вспыхнули, однако возникшее препятствие он воспринял с уважением.

– Что ты здесь делаешь? – небрежно спросил юноша.

Странно, но Елена почему-то не ощущала никакой нужды ему лгать.

– Кэролайн взяла у меня кое-что без моего ведома. Дневник. Я пришла забрать его назад.

Темные глаза Дамона вспыхнули.

– Наверняка, чтобы как-нибудь защитить моего никчемного братца, – с досадой заметил он.

– Стефан тут ни при чем!

– В самом деле? – Елена боялась, что Дамон понимает сложившуюся ситуацию куда лучше, чем ему следовало. – Удивительно, но он всегда остается в стороне, когда случается беда. Он неизменно создает проблемы. А потом предоставляет другим их решать...

– Вот что, Дамон, – ровным голосом заговорила Елена. – Если ты еще хоть раз причинишь вред Стефану, я обязательно найду способ заставить тебя об этом пожалеть. Я серьезно.

– Очень хорошо. Что ж, тогда мне просто придется как следует тобой заняться.

На это Елена ничего ему не сказала. Она понимала, что этими разговорами только загоняет себя в угол, опять соглашаясь играть в смертельную игру. Она лишь отвернулась в сторону и тяжело вздохнула.

– Ты ведь знаешь, что, в конечном счете, я хочу прибрать тебя к рукам, – негромко произнес Дамон.

Похожий голос он использовал на вечеринке у Алариха Зальцмана, когда сказал: «Полегче, полегче!» Но теперь там не было ни насмешки, ни раздражения; Дамон просто констатировал факт.

– Так или иначе, как вы, люди, выражаетесь, но ты станешь моей. Еще раньше, чем снова пойдет снег.

Елене пришлось скрыть страх, который она при этом испытала. Впрочем, Дамон все равно его заметил.

– Хорошо, – сказал он. – Капелька разума у тебя все-таки имеется. Ты права, что меня боишься. Я самое опасное существо, какое ты встречала за всю свою жизнь. Но сейчас у меня есть к тебе деловое предложение.

– Деловое предложение?

– Вот именно. Ты пришла сюда, чтобы забрать Дневник. Но ты его не нашла. – Дамон указал на ее пустые руки. – Твоя затея провалилась, разве не так? – Елена снова промолчала в ответ, а он продолжил: – А поскольку ты не хочешь вовлекать в это дельце моего брата, он ничем не сможет тебе помочь. Зато я смогу. И я это сделаю.

– Правда?

– Конечно. За определенную цену.

Елена молча на него уставилась. Кровь прилила к ее лицу. Когда она сумела найти слова, они прозвучали всего лишь как шепот:

– За какую... цену!

Во тьме засветилась улыбка.

– За несколько минут твоего времени, Елена. За несколько капель твоей крови. Всего лишь за какой-то час, проведенный наедине со мной.

– Ты... – Елена не смогла подобрать подходящее слово.

Все эпитеты, которые она знала, казались слишком мягкими.

– В конце концов, я все равно этого добьюсь, – спокойным тоном проговорил Дамон. – Если ты будешь честна сама с собой, ты охотно это признаешь. Последний раз вовсе не был последним. Почему бы тебе просто с этим не смириться? – Его голос приобрел более теплый, интимный тембр. – Помни...

– Да я лучше горло себе перережу, – прорычала Елена.

– Заманчивая мысль. Но если это сделаю я, ты, по крайней мере, получишь удовольствие.

Дамон откровенно над ней потешался. И Елена вдруг поняла, что больше не может этого терпеть.

– Ты просто отвратителен и сам это знаешь, – резко проговорила она. – Меня от тебя тошнит. – Елена теперь тряслась и не могла толком вздохнуть. – Я скорее умру, чем поддамся тебе. Я скорее...

Елена не очень хорошо понимала, что заставило ее так поступить. Словно какой-то инстинкт ее пересилил, пока она общалась с Дамоном. И в тот момент она действительно чувствовала, что скорее рискнет чем угодно, нежели позволит ему и на сей раз победить. Елена вдруг заметила, что Дамон расслабленно отклоняется назад, наслаждаясь поворотом, который приняла их игра. Девушка тем временем лихорадочно прикидывала, как далеко крыша выдается над балконом.

– Я скорее сделаю вот так, – выдохнула она и резко метнулась вбок.

Елена оказалась права – в это мгновение Дамон не держался настороже и не мог двинуться достаточно быстро, чтобы ее остановить. Но, с ужасом почувствовав под ногами свободное пространство, Елена поняла, что балкон располагается дальше, чем ей казалось. Она никак на него не попадала.

Кроме того, она все-таки не рассчитала той стремительности, с какой мог действовать Дамон. Его рука буквально выстрелила и вцепилась в Елену, удерживая ее в воздухе, словно ее вес ничего для него не значил. Елена машинально ухватилась за покрытый дранкой край крыши и попыталась поставить туда колено. В голосе Дамона прозвучал гнев.

– Ты, дурочка! Если ты так жаждешь познакомиться со смертью, я сам могу тебя ей представить.

– Отпусти меня, – сквозь зубы прошипела Елена. Она почему-то не сомневалась в том, что кто-нибудь сейчас выйдет на балкон. – Отпусти.

– Здесь и сейчас?

Заглядывая в эти бездонные черные глаза, Елена вдруг поняла, что Дамон говорит совершенно серьезно. Если она подтвердит свою просьбу, он ее отпустит.

– Так можно было бы быстро со всем покончить, разве нет? – холодно осведомилась Елена.

Ее сердце отчаянно колотилось от страха, но она не собиралась допускать, чтобы Дамон это почувствовал.

– Да, но это была бы такая жалость. – Одним резким движением Дамон подтянул ее к себе.

Сильные руки сжимали Елену в крепких объятиях, и она вдруг поняла, что ничего вокруг себя не видит. Она словно оказалась чем-то окутана, а затем гладкие мышцы Дамона напряглись, как у огромного кота, и он, по-прежнему держа Елену в своих объятиях, прыгнул с крыши.

Они стали падать. Елене не оставалось ничего другого, кроме как изо всех сил прижиматься к Дамону, пока весь мир словно крутился вокруг нее. Затем Дамон по-кошачьи мягко приземлился на газон.

Стефан однажды что-то подобное делал. Но он не прижимал к себе Елену после приземления. А губы Дамона теперь почти касались ее губ.

– Подумай над моим предложением, – прошептал вампир.

Елена даже не могла отвернуться. И на сей раз она точно знала, что никакой Силы Дамон не использует. Все дело было в гремучей смеси взаимного притяжения. Было бесполезно это отрицать – тело Елены откликалось на тело Дамона. Она могла почувствовать его дыхание на своих губах.

– Я совершенно в тебе не нуждаюсь, – сумела выдать из себя Елена.

Тут ей показалось, что Дамон собирается ее поцеловать, однако он этого не сделал. Сверху донесся скрип раскрывающейся двери, а потом на балконе раздался раздраженный голос:

– Эй! Что происходит? Там кто-то есть?

– На сей раз я оказал тебе услугу, – негромко проговорил Дамон, все еще сжимая Елену в своих объятиях. – В следующий раз я намерен получить за нее плату.

Елена не могла отвернуться от него. Если бы Дамон в тот момент ее поцеловал, она бы ему это позволила. Но внезапно руки вампира еще крепче ее сжали, а лицо его словно помутнело. Все выглядело так, словно Тьма вбирала его в себя. Наконец черные крылья забились в воздухе, и огромная ворона отлетела прочь.

Какой-то предмет, то ли книжка, то ли ботинок, полетел следом за ней с балкона. Однако промах составил не меньше ярда.

– Чертовы птицы! – донесся сверху голос мистера Форбса. – Должно быть, они гнездятся на крыше.

Дрожа и обнимая себя руками, Елена таилась во тьме, пока мистер Форбс снова не вернулся в дом.

Бонни и Мередит она обнаружила у ворот.

– Что ты так долго? – прошептала Бонни. – Мы уже подумали, что Форбсы тебя поймали!

– Они чуть было меня не поймали. Пришлось затаиться, пока я не смогла оттуда выбраться. – Елена так привыкла лгать насчет Дамона, что теперь сделала это без всякого сознательного усилия. – Пойдем домой, – прошептала она. – Больше мы ничего здесь сделать не можем.

Расставаясь с Еленой у двери ее дома, Мередит заметила:

– До Дня основателей осталось всего две недели.

– Я знаю. – На мгновение Елена вспомнила о предложении, сделанном Дамоном, а затем помотала головой, чтобы хоть как-то ее прояснить. – Ничего, я что-нибудь придумаю, – сказала она.

До следующего дня в школе Елена почти ни о чем не думала. По счастью, Кэролайн, похоже, не заметила, что кто-то рылся у нее в комнате. Но это было единственным, что Елена смогла счесть ободряющим. Тем утром состоялось собрание, на котором было объявлено, что школьный совет избрал Елену ученицей, обязанной представлять «Дух Феллс-Черча» на празднике в честь Дня основателей. В течение всей речи директора на лице у Кэролайн сияла триумфально-зловещая улыбка.

Елена пыталась не обращать внимания на бывшую подругу. Она также приложила все усилия, чтобы проигнорировать все те обиды, что выпали на ее долю после собрания, хотя это и было нелегко. Это было очень нелегко, и бывали минуты, когда Елене казалось, что она вот-вот кого-нибудь ударит или просто начнет кричать, но пока она сдерживалась.

В тот день, дожидаясь начала урока истории, шестого и последнего, Елена внимательно изучала Тайлера Смоллвуда. С тех пор как Тайлер вернулся в школу после временного исключения, напрямую к Елене он не обращался. Зато улыбался так же мерзко, как Кэролайн во время речи директора. И тут, заметив, что Елена стоит в одиночестве, он толкнул локтем Дика Картера, своего закадычного приятеля.

– А это еще что? – спросил Тайлер. – Дама без кавалера?

«Ах, Стефан, где же ты?» – невольно подумала Елена.

Однако она знала на это ответ. В другом конце школы, на уроке анатомии.

Дик открыл было рот, собираясь что-то сказать, но затем выражение его лица изменилось. Он смотрел мимо Елены, в дальний конец коридора. Елена повернула голову и увидела Викки.

До той памятной вечеринки в честь встречи выпускников Викки и Дик были вместе. Елена подозревала, что они по-прежнему дружат. Но теперь на лице у Дика ясно читалась неуверенность, словно он просто не знал, чего ему ожидать от своей подружки.

Было что-то странное в лице Викки, в ее походке. Девочка двигалась так, как будто ее ноги не касались пола. Расширенные глаза Викки казались сонными.

– Привет, – смущенно произнес Дик и выступил вперед.

Не бросив на приятеля ни единого взгляда, Викки миновала его, направляясь к Тайлеру. Елена с растущей неловкостью наблюдала, прикидывая, что произойдет дальше. Ничего забавного совершенно точно не ожидалось.

Станным образом Тайлер оказался захвачен врасплох. Внезапно Викки положила руку ему на грудь. Тайлер улыбнулся, но его улыбка выглядела натянутой. Тогда Викки засунула руку ему под куртку. Улыбка Тайлера испарилась. Викки положила и другую руку ему на грудь. Тайлер растерянно посмотрел на Дика.

– Брось, Викки, не выступай, – торопливо промолвил Дик, но не сделал ни шага вперед.

Викки начала поднимать руки, стаскивая куртку с плеч Тайлера. С озабоченным видом, не выпуская из рук тетрадей и учебников, Тайлер пытался ей противодействовать. Однако вскоре пальцы Викки уже проникли ему под рубашку.

– Прекрати. Дик, пусть она прекратит, – **обратился** Тайлер к приятелю, вжимаясь в стену.

– Эй, Викки, брось. Не надо. – Но Дик предпочитал держаться на безопасном расстоянии.

Стрельнув в него разгневанным взором, Тайлер попытался оттолкнуть от себя Викки.

Раздался какой-то звук. Поначалу он напоминал глухой гул, слишком низкий для человеческого слуха, но затем стал быстро нарастать. Вскоре звук уже напоминал угрожающее рычание, от которого ледяные мурашки побежали у Елены по спине. Глаза Тайлера широко

распахнулись от непонимания, и Елена сразу же догадалась, почему. Рычание исходило от Викки.

Тут-то все и произошло. Тайлер вдруг оказался на полу, а Викки сидела на нем, пытаясь зубами вцепиться ему в глотку. Позабыв про все ссоры, Елена пыталась помочь Дику ее оттащить. Тайлер надсадно выл. Дверь в кабинет истории внезапно распахнулась, и оттуда донесся крик Алариха:

– Не ушибите ее! Будьте осторожны! Это эпилептический припадок! Нам просто требуется ее уложить!

Зубы Викки громко щелкнули, когда Аларих взялся помогать Дику и Елене. Хрупкая девочка оказалась сильнее их всех, вместе взятых, и ее никак не удавалось уговорить. И тут Елена с облегчением услышала, как знакомый голос у нее за спиной говорит:

– Викки, успокойся. Все в порядке. Просто расслабься.

Когда Стефан взял Викки за руку, стараясь ее успокоить, Елена рискнула ослабить хватку. Сначала показалось, что стратегия Стефана сработала. Скрюченные пальцы Викки разогнулись, и ее удалось оторвать от Тайлера. Пока Стефан продолжал ее успокаивать, девочка вдруг обмякла, и ее глаза закрылись.

– Вот и хорошо. Ты чувствуешь себя очень усталой. Пора отправляться ко сну.

Но затем все опять рухнуло, и та Сила, которую применял к Викки Стефан, словно перестала действовать.

Глаза девочки широко распахнулись, но в них и в помине не наблюдалось никакого сходства с глазами испуганного олененка, которые Елена видела в столовой. Красные и безумные, они буквально пылали. Прорывав Стефану что-то невнятное, Викки со свежими силами стала отбиваться.

Потребовались пятеро или шестеро человек, чтобы удерживать Викки, пока кто-то не вызвал полицию. Елена оставалась рядом с ней, разговаривая с Викки, порой на нее крича, пока полиция, наконец, не прибыла. Никакие усилия Елены на Викки не подействовали.

Затем Елена отступила назад и в первый раз оглядела толпу зевак. Бонни с открытым ртом стояла в первом ряду. Как и Кэролайн.

– Что случилось? – воскликнула Бонни, когда полицейские поволокли Викки прочь.

Елена, слегка задыхаясь, смахнула в сторону непокорную прядь волос.

– Она просто обезумела. Попыталась раздеть Тайлера.

Бонни поджала губы.

– Да, надо действительно обезуметь, чтобы на такое сподобиться. – Тут она повернула голову и одарила Кэролайн презрительно-самодовольной улыбкой.

Ноги Елены вдруг стали ватными, а руки затряслись. Почувствовав, как чья-то рука ее обнимает, она с благодарностью оперлась о Стефана. А затем тревожно на него посмотрела.

– Эпилептический припадок? – недоверчиво спросила Елена.

Стефан смотрел, как полиция уводит Викки по коридору. Аларих Зальцман, по-прежнему выкрикивая инструкции, судя по всему, собрался отправиться вместе с ней. Вся группа завернула за угол.

– Думаю, урока не будет, – подытожил Стефан. – Идем.

Они молча шли к пансионату, и каждый был погружен в собственные мысли. Хмурясь, Елена несколько раз взглянула на Стефана, но заговорить она решилась, только когда они оказались наедине в его комнате.

– Стефан, что все это значит? Что случилось с Викки?

– Как раз об этом я и размышлял. Мне приходит в голову единственное объяснение, и оно заключается в том, что Викки по-прежнему подвергается нападениям.

– Ты хочешь сказать, что Дамон все еще... о, боже мой! Ах, Стефан, мне нужно было дать ей немного вербены. Мне следовало понять...

– Это не изменило бы ситуацию. Поверь мне. – Елена повернулась к двери, словно собираясь в ту же минуту последовать за Викки, но Стефан нежно потянул ее назад. – Пойми, Елена, на некоторых людей можно влиять с большей легкостью. Воля Викки никогда не была сильна. Теперь она всецело принадлежит Дамону.

Елена медленно опустилась на кровать.

– Но тогда... тогда никто не может ничего с этим поделать? Скажи мне, Стефан, кем она теперь стала... она вроде тебя с Дамоном?

– Зависит от обстоятельств. – Стефан говорил негромко, ровным голосом. – Это не просто вопрос того, сколько крови она теряет. Для завершения перемены Викки нужна кровь Дамона в ее венах. В ином случае она просто закончит, как мистер Таннер. Станет опустошенной, использованной. Мертвой.

Елена перевела дух. Вообще-то она намеревалась задать еще один вопрос. Она уже давно собиралась спросить об этом Стефана.

– Послушай, Стефан, когда ты заговорил с Викки, мне поначалу показалось, что все сработало. Ты ведь использовал с ней Силу, разве не так?

– Да.

– Но потом она опять просто взбесилась. Я хочу сказать... Стефан, ведь с тобой все в порядке, правда? Твои Силы к тебе вернулись?

Стефан не ответил. Но его молчания было Елене вполне достаточно.

– Стефан, почему ты мне не расскажешь? Что случилось? – Она встала с кровати и опустилась перед ним на колени, так что Стефан был вынужден на нее смотреть.

– Мне потребуется определенное время, чтобы восстановиться, только и всего. Пусть тебя это не волнует.

– Но я действительно беспокоюсь. Мы ничего не можем поделать?

– Нет, – помотал головой Стефан.

Но глаз он по-прежнему не поднимал.

Волна страха буквально окатила Елену.

– Господи, – прошептала она, выпрямляясь. Затем Елена опять потянулась к Стефану, пытаясь взять его за руки. – Стефан, послушай меня.

– Нет, Елена. Нет. Разве ты не понимаешь? Это опасно. Опасно для нас обоих, но особенно для тебя. Это может тебя убить... или еще того хуже.

– Только если ты потеряешь контроль, – напомнила Елена. – А ты его не потеряешь. Поцелуй меня.

– Нет, – снова повторил Стефан. А затем, уже не так резко, добавил: – Сегодня, как только стемнеет, я отправлюсь на охоту.

– Разве это одно и то же? – спросила Елена, заранее зная ответ. Силу давала именно человеческая кровь. – Ах, Стефан, пожалуйста. Разве ты не видишь, что я этого хочу? Разве ты сам этого не хочешь?

– Так нечестно, – вымолвил Стефан, отводя в сторону измученные глаза. – Ты сама знаешь, что это не одно и то же. Ты знаешь, сколько... – и он снова от нее отвернулся, сжимая кулаки.

– Тогда почему бы и нет? Пойми, Стефан, мне нужно... – Елена не смогла закончить.

Она не могла объяснить Стефану, в чем она нуждалась, какую потребность в близости с ним она испытывала. Елене требовалось снова вспомнить, как это было у нее со Стефаном, стереть воспоминание о том танце во сне, когда Дамон крепко ее обнимал.

– Мне нужно, чтобы мы снова были вместе, – прошептала она.

Стефан отворачивался и качал головой.

– Хорошо, – прошептала Елена, ощущая, как ее омывает волна горестного страха, пока ей приходилось признавать свое поражение.

Больше всего она боялась за Стефана. Как же уязвим он был без Силы! Уязвим настолько, что даже обычные граждане Феллс-Черча могли причинить ему вред, не говоря уж о Дамоне. Однако отчасти Елена боялась и за себя.

Глава 12

Стоило только Елене потянуться за банкой на полке магазина, как сзади раздался знакомый голос:

– Что, уже клюквенный сок?

Елена повернула голову.

– Привет, Мэтт. Разве ты не помнишь? Тете Джудит нравится устраивать генеральную репетицию в воскресенье перед Днем благодарения. Если она попрактикуется, у нее будет меньше шансов что-нибудь испортить.

– И только за пятнадцать минут до обеда вспомнить, что она забыла купить клюквенный сок?

– За пять минут до обеда, – поправила Елена, сверяясь с часами, и Мэтт рассмеялся.

Давненько Елена уже не слышала этого смеха. Она двинулась дальше к кассе, но, уже расплатившись за покупку, вдруг заколебалась и оглянулась. Мэтт стоял у журнальной стойки, явно чем-то увлеченный, но какая-то неловкая скованность его плеч заставила Елену к нему подойти.

Она положила руку на журнал, который держал Мэтт.

– А ты как готовишься к обеду? – спросила Елена. Когда Мэтт неуверенно обвел глазами магазин, она добавила: – Бонни ждет у машины, она тоже будет у нас. Помимо членов семьи. И Роберт, понятное дело, – он уже должен там быть.

Елена имела в виду, что Стефана на обеде не будет. Она по-прежнему не очень хорошо знала, как в последнее время складываются отношения между Мэттом и Стефаном. Знала только, что они иногда общаются.

– Я сегодня вечером сам о себе забочусь – мама не очень хорошо себя чувствует, – сказал Мэтт. А затем, словно желая сменить тему, продолжил: – А где Мередит?

– Она проводит время с семьей. Навещает каких-то родственников, кажется. – Елена не знала подробностей, потому что сама Мередит вечно темнила; она редко говорила про свою семью. – Ну, как думаешь? Хочешь воспользоваться шансом попробовать кухню тети Джудит?

– Ради старых времен?

– Ради старой дружбы, – после секундного колебания уточнила Елена и улыбнулась.

Мэтт вздрогнул и отвернулся.

– Как я могу отказаться от подобного предложения? – странно приглушенным голосом проговорил он.

Однако, положив журнал на место и последовав за Еленой, Мэтт снова улыбался.

Бонни встретила его с энтузиазмом. Тетя Джудит тоже обрадовалась, увидев, как Мэтт входит в кухню.

– Обед почти готов, – сообщила она, забирая у Елены пакет с продуктами. – Роберт прибыл буквально несколько минут тому назад. Почему бы вам не отправиться напрямик в столовую? Да, Елена, возьми еще стул. С Мэттом нас будет семеро.

– Шестеро, тетя Джудит, – поправила ее Елена, тоже очень довольная. – Вы, Роберт, я, Маргарет, Мэтт и Бонни.

– Да, моя милая, но Роберт сегодня тоже привел гостя. Они уже садятся за стол.

Елена услышала эти слова, но не сразу придала им значение. И все-таки, входя в дверь, Елена уже странным образом точно знала, кто там ее поджидает.

Стоя у стола, Роберт возился с бутылкой белого вина. Вид у него был весьма жизнерадостный. А за столом, по ту сторону от центральной вазы с осенними цветами и горящих свечей, сидел Дамон.

Сама того не желая, Елена остановилась, и Бонни налетела на нее сзади. Затем она волевым усилием снова привела свои ноги в движение. Разум Елены так и оставался несколько заторможенным.

– Привет, – поздоровался Роберт, протягивая руку. – Это Елена, девушка, про которую я вам рассказывал, – сообщил он Дамону. – Елена, это Дамон... гм...

– Смит, – подсказал ему Дамон.

– Да-да. Он из моей альма-матер, колледжа Вильгельма и Марии, и мы с ним случайно познакомились у аптеки. Поскольку Дамон как раз высматривал, где бы ему поесть, я решил пригласить его на домашнюю трапезу. Ну вот, Дамон, а это друзья Елены, Мэтт и Бонни.

– Привет, – поздоровался Мэтт.

Бонни молча смотрела, затем перевела круглые глаза на Елену.

Елена отчаянно пыталась взять себя в руки. Она просто не знала, что ей делать: то ли завопить, то ли немедленно уйти из столовой, то ли выплеснуть в лицо Дамону стакан вина, который наливал Роберт. На данный момент она оказалась слишком разгневана, чтобы чего-то бояться.

Мэтт пошел за седьмым стулом в гостиную. Сначала Елена удивилась его вполне обыденной реакции на Дамона, а затем вспомнила, что на той вечеринке у Алариха Зальцмана Мэтта не было. Он не знал, что произошло между Стефаном и «гостем из колледжа».

Бонни, с другой стороны, явно готова была запаниковать. Она умоляюще смотрела на Елену. Дамон галантно встал и предложил ей стул.

Прежде чем Елена смогла как-то отреагировать, от двери послышался писклявый голосок Маргарет:

– Мэтт, хочешь посмотреть на моего котенка? Тетя Джудит говорит, что я смогу оставить его себе. Я хочу назвать его Снежком.

Озаренная внезапной идеей, Елена резко к ней повернулась.

– Он очень милый, – послушно говорил Мэтт, склоняясь над белым комочком на руках у Маргарет. И не было предела его удивлению, когда Елена внезапно выхватила котенка прямо у него из-под носа.

– Ну ладно, Маргарет, давай-ка лучше покажем твоего котенка другу Роберта! – воскликнула она и бросила пушистый комочек прямо в лицо Дамону.

Последовала суцая чертовщина. Снежок вдруг разбух вдвое против своего первоначального размера, когда его шерсть встала дыбом. Из него вылетел звук, который обычно производит вода, капающая на раскаленную сковородку. Отскочив от Дамона, котенок слегка задел когтями Елену, а затем стремительно вылетел прочь из столовой.

На мгновение Елена ощутила удовлетворение при виде того, как черные глаза Дамона становятся немного шире обычного. Затем веки вампира опять чуть опустились, и Елена повернулась, желая понаблюдать за реакцией остальных.

Маргарет уже открывала рот, собираясь издать вой в стиле паровой машины. Роберт пытался это предотвратить, выставляя ее из комнаты на поиски котенка. Бонни, с видом совершенно отчаянным, прижалась спиной к стене. Мэтт и тетя Джудит, которая выглядывала с кухни, казались просто потрясенными.

– Догадываюсь, вы не умеете обращаться с животными, – бросила Елена Дамону и заняла свое место за столом.

Затем она кивнула Бонни, которая неохотно отлепилась от стены и торопливо опустилась на стул, прежде чем Дамон успел его коснуться. Карие глаза Бонни пристально следили за гостем, пока он тоже садился.

Несколько мгновений спустя Роберт опять появился с залитой слезами Маргарет и, сурово нахмурившись, взглянул на Елену. Мэтт молча устроился за столом, хотя его брови были где-то на затылке от удивления.

Наконец с кухни прибыла тетя Джудит, и трапеза началась. Елена внимательно оглядывала стол. Казалось, на всем лежал какой-то яркий туман, и у нее возникло ощущение нереальности, хотя вся сцена в то же самое время представлялась невероятно обыденной.

«Самая обычная семья сидит, собираясь отведать индейки, – подумала Елена. – Вот незамужняя тетушка слегка зарделась, озабоченная тем, что горох оказался разварен, а рулеты подгорели. Вот будущий дядя, спокойный и расслабленный. Вот златокудрая девочка-подросток и ее взъерошенная младшая сестренка. Вот голубоглазый парень, что живет по соседству, вот закадычная подружка, а вот роскошный вампир, передающий своей соседке засахаренные бататы. Типичное американское застолье».

Первую половину трапезы Бонни провела, глазами вопрошая: «Что же мне делать?» Но, уловив, что Елена также взглядом ей отвечает «Ничего», она, похоже, решила смириться со своей судьбой и принялась за еду.

А вот Елена понятия не имела, что ей делать. То, что ее вот так поймали в ловушку, было оскорбительно, унижительно, и Дамон это знал. Однако он искусно заморочил головы тете Джудит и Роберту разными комплиментами по поводу еды и непринужденной болтовней про колледж Вильгельма и Марии. Даже Маргарет теперь ему улыбалась, и вскоре Бонни

последовала ее примеру.

– На следующей неделе в Феллс-Черче состоится празднование Дня основателей, – проинформировала тетя Джудит Дамона, и ее щеки слегка порозовели. – Было бы замечательно, если бы вы смогли по этому поводу снова заглянуть к нам.

– Мне бы очень хотелось, – любезно отозвался Дамон.

Тетя Джудит явно обрадовалась.

– В этом году Елена будет играть в праздновании важную роль. Ее выбрали представлять Дух Феллс-Черча.

– Вы должны быть очень за нее горды, – вставил Дамон.

– Да, мы гордимся, – кивнула тетя Джудит. – Так вы попытаетесь снова к нам зайти?

Яростно намазывая маслом рулет, Елена решила вмешаться в разговор.

– Я тут слышала кое-какие новости про Викки, – сказала она. – Помните ту девушку, на которую было совершено нападение. – Она многозначительно посмотрела на Дамона.

Последовало краткое молчание.

– Боюсь, я ее не знаю, – наконец отозвался Дамон.

– Нет-нет, уверена, вы ее знаете. Примерно моего роста, карие глаза, светло-каштановые волосы... в общем, ей все хуже.

– Ах, боже мой, – сочувственно выдохнула тетя Джудит.

– Да, доктора просто не могут ничего понять. Викки все время становится хуже, как будто кто-то продолжает на нее нападать – или как-то влиять. – Говоря, Елена не сводила глаз с лица Дамона, но он демонстрировал лишь вежливый интерес. – Возьмите еще начинки, – закончила она, подталкивая к нему блюдо.

– Нет, спасибо. Я лучше возьму еще немного вот этой прелести. – Он поднял ложку клюквенного желе и поднес ее к одной из свечей. – Какой заманчивый цвет!

Как и все сидящие за столом, Бонни подняла взгляд на свечу, когда Дамон это сделал. Но Елена заметила, что затем Бонни не отвернулась. Она продолжала глазеть на пляшущее пламя, и ее лицо постепенно лишилось всякого выражения.

«Ох, нет, только не это», – подумала Елена, пока все ее тело покалывали иголки дурного предчувствия.

Она уже такое видела. Елена попыталась привлечь внимание Бонни, но ее подруга, казалось, не видела ничего, кроме свечи.

– ...а затем ученики начальной школы представят инсценировку городской истории, – говорила тем временем тетя Джудит Дамону. – Однако в финальной церемонии будут принимать участие только ученики старших классов. Елена, сколько старшеклассников участвуют в этом году?

– Только мы трое. – Елене пришлось повернуть голову, чтобы ответить своей тетушке.

Пока она смотрела на улыбающееся лицо тети Джудит, сзади раздался голос.

– Смерть.

Тетя Джудит охнула. Вилка Роберта замерла на полпути до его рта. Елена вдруг с отчаянной безнадежностью пожелала, чтобы здесь оказалась Мередит.

– Смерть, – снова произнес голос. – Смерть в этом доме.

Оглядев стол, Елена поняла, что помочь ей тут некому. Все смотрели на, Бонни, неподвижные, как статисты на фотографии.

А сама Бонни смотрела на пламя свечи. Лицо девочки ничего не выражало, глаза ее были широко распахнуты, как уже бывало раньше, когда этот голос говорил через нее. Затем эти невидящие глаза обратились на Елену.

– Твоя смерть, – произнес голос. – Твоя смерть ждет тебя, Елена. Это...

Тут Бонни словно задохнулась. Затем она подалась вперед и почти уткнулась лицом в свою обеденную тарелку.

Сначала последовала немая сцена, а потом все засуетились.

Роберт подскочил к Бонни и стал поднимать ее за плечи. Кожа Бонни приобрела бледно-голубой оттенок, глаза были закрыты. Тетя Джудит порхала вокруг нее, промокая лицо девочки влажной салфеткой. Дамон, сузив глаза, задумчиво за всем этим наблюдал.

– С ней все хорошо, – заключил Роберт, с очевидным облегчением поднимая взгляд. –

Думаю, она просто упала в обморок. Должно быть, с ней произошел какой-то истерический припадок. – Однако Елена так и не смогла толком вздохнуть, пока Бонни не открыла ошалевшие глаза и не спросила, чем это таким они все занимаются.

Таким образом, обеду фактически был положен конец. Роберт настоял на том, чтобы Бонни немедленно отвезли домой. В последовавшей суматохе Елена нашла время обменяться парой тихих слов с Дамоном.

– Убирайся!

Дамон наигранно поднял брови.

– Что?

– Я говорю: убирайся! – прошипела Елена. – Немедленно! Уходи! Иначе я скажу всем, что ты убийца!

– Тебе не кажется, что гость заслуживает чуть большего уважения? – осведомился Дамон, но, увидев выражение ее лица, лишь пожал плечами и улыбнулся. – Спасибо за то, что пригласили меня пообедать, – громко поблагодарил он тетю Джудит, которая прошла мимо, неся одеяло к машине. – Надеюсь, когда-нибудь я смогу ответить вам любезностью на любезность. – Обращаясь к Елене, он добавил: – Увидимся.

«Что ж, достаточно ясный намек», – подумала Елена, наблюдая за тем, как Роберт увозит на своей машине мрачного Мэтта и сонную Бонни.

Тетя Джудит сидела у телефона, разговаривая с миссис Маккаллог.

– Не понимаю, что творится с этими девочками, – говорила она. – Сначала Викки, теперь Бонни... да и Елена в последнее время была как-то не в себе...

Пока тетя Джудит разговаривала, а Маргарет искала пропавшего Снежка, Елена нервно расхаживала взад-вперед.

Ей следовало позвонить Стефану. Только это ей по-настоящему и требовалось. Елена не беспокоилась насчет Бонни – такое уже случалось, и серьезные последствия, похоже, ей не грозили. А у Дамона сейчас наверняка имелись занятия поважнее, чем преследование подружек Елены.

Он приходил сюда, чтобы получить возмещение за услугу, которую ей оказал. Елена совершенно точно знала, что именно таков был смысл его последней фразы. И это означало, что Елене придется обо всем рассказать Стефану, потому что сегодня вечером она в нем нуждалась. Ей требовалась его защита.

Вот только что Стефан действительно мог поделаться? На прошлой неделе, несмотря на все споры и уговоры, он отказался взять ее кровь. Стефан настаивал на том, что Силы вернутся к нему и без помощи Елены, но она точно знала, что сейчас он по-прежнему уязвим. Даже если бы Стефан оказался здесь, смог бы он остановить Дамона? Смог бы он это сделать и остаться в живых?

Дом Бонни надежного укрытия собой не представлял. А Мередит куда-то пропала. Елене никто не мог помочь, она никому не могла доверять, но мысль о том, что она сегодня ночью останется здесь в одиночестве, в то время как Дамон может на нее напасть, была просто невыносима.

Тут Елена услышала, как тетя Джудит вешает трубку. Машинально она двинулась к кухне, пока номер телефона Стефана проигрывался у нее в голове. Затем Елена остановилась и посмотрела на гостиную, из которой она только что вышла.

Окно от пола до потолка, изящный камин с прекрасной лепниной... Эта комната была частью первоначального дома, того, что почти полностью выгорел в Гражданскую войну. А спальня Елены располагалась как раз над гостиной.

Появилась смутная надежда. Елена посмотрела на лепнину на потолке, в том месте, где гостиная соединялась с более современной столовой. Затем она почти подбежала к лестнице, ее сердце стремительно заколотилось.

– Тетя Джудит? – Тетушка помедлила у подножия лестницы. – Тетя Джудит, вы не можете кое-что мне сказать? Входил ли Дамон в гостиную?

– Что? – Тетя Джудит рассеянно заморгала.

– Роберт приводил Дамона в гостиную? Пожалуйста, тетя Джудит, вспомните! Мне

необходимо это знать!

– Гм. По-моему, нет. Нет, точно не приводил. Они вошли в дом и сразу направились в столовую. Елена, да что с тобой такое?.. – воскликнула удивленная тетушка, когда Елена импульсивно обняла ее.

– Извините, тетя Джудит. Очень хорошее известие, – отозвалась Елена.

Улыбаясь, она отвернулась от лестницы.

– Что ж, я рада, что хоть кто-то доволен после того, во что превратился обед. Хотя этому милому мальчику, Дамону, обед как будто очень понравился. Знаешь, Елена, по-моему, он очень тобой заинтересовался, несмотря на твое в высшей степени нелюбезное поведение.

Елена повернулась к ней.

– И что?

– Ну, я просто подумала, что ты можешь дать ему шанс. Я подумала, что он был очень мил. Такого учтвого молодого человека я всегда была бы рада здесь видеть.

Елена некоторое время внимательно на нее смотрела, а затем нервно сглотнула, сдерживая истерический вскрик. И так, тетушка предлагала заменить Стефана Дамоном... потому что Дамон казался надежнее. Он являл собой тот тип молодого человека, который понравился бы любой тетушке.

– Тетя Джудит... – с трудом выдохнула Елена, а затем поняла, что все это безнадежно, и просто покачала головой.

Подняв руки и тем самым словно признавая свое поражение.

Обычно Елена спала с закрытой дверью. Однако сегодня ночью она оставила ее открытой и легла на кровать, вглядываясь в полутьму коридора. То и дело Елена поглядывала на светящийся циферблат часов, стоявших рядом на ночном столике.

Она совершенно не собиралась спать. Однако пока минуты ползли мимо, сон начал одолевать ее. Время двигалось мучительно медленно. Одиннадцать... одиннадцать тридцать... полночь. Час ночи. Час тридцать. Два.

В 2:10 Елена услышала какой-то звук.

По-прежнему лежа на кровати, она прислушалась к тихим шорохам внизу. Елена совершенно точно знала, что Дамон найдет к ней дорогу, если захочет. Когда он так стремился к своей цели, никакой замок не мог его сдержать.

Музыка из того сна, который приснился Елене ночью в доме у Бонни, теперь звучала у нее в голове, разбрасывая пригоршни нот. Эти звуки пробудили в ней странные чувства. Как сомнамбула, Елена встала и подошла к порогу.

В коридоре было темно, однако глаза Елены вскоре привыкли к этой темноте. Она прекрасно видела темный силуэт, который поднимался по лестнице. Когда Дамон добрался до площадки, Елена разглядела смертоносное мерцание его улыбки.

Сама она безо всякой улыбки ждала, пока он подошел и встал лицом к лицу с ней. Их разделял какой-то ярд пола из твердой древесины. Дом окутала глухая тишина. Напротив по коридору спала Маргарет; в конце прохода видела свои сны тетя Джудит, совершенно не ведая, что происходит за дверью.

Дамон ничего не сказал, лишь посмотрел на Елену. Его взгляд скользил вдоль силуэта длинной ночной сорочки с высоким кружевным воротником. Она намеренно выбрала эту предельно скромную сорочку, но Дамон, очевидно, счел ее весьма привлекательной. Елена заставляла себя стоять смирно, хотя во рту у нее совсем пересохло, а сердце глухо колотилось. Время настало. Сейчас все выяснится.

Ни слова, ни жеста. Елена попятилась, отдаляясь от дверного прохода. Заметив короткую вспышку в бездонных глазах Дамона, она увидела, как он попытается к ней подойти. И останавливается. Обескураженный, Дамон стоял у порога ее комнаты. Вот он снова попытался шагнуть вперед, но не смог. Что-то словно не давало ему двигаться дальше. Легкое удивление у него на лице уступило место серьезной озадаченности, а затем резкому гневу.

Дамон поднял голову, вглядываясь в дверной проем, осматривая потолок по обе стороны от порога. И осознав, наконец, в чем дело, он обнажил зубы в зверином оскале.

Находясь в полной безопасности по другую сторону дверного прохода, Елена негромко

рассмеялась. Сработало!

– Моя комната и гостиная под ней – это все, что осталось от старого дома, – пояснила она Дамону. – И, конечно, это совсем другое здание. Куда тебя не приглашали. Куда ты никогда не будешь приглашен.

Грудь Дамона вздымалась от гнева, ноздри его раздувались, глаза стали дикими. От него так и исходили волны черной ярости. Дамон так сжимал кулаки, что казалось, он готов собственными руками снести все эти стены.

Облегчение стало таким триумфальным, что у Елены даже закружилась голова.

– Теперь тебе лучше уйти, – проговорила она. – Тебе здесь ничего не перепадет.

Несколько секунд глаза Дамона угрожающе сверлили ее, а затем он повернулся. Но не направился к лестнице. Вместо этого Дамон сделал один шаг дальше по коридору и взялся за ручку двери в комнату Маргарет.

Прежде чем она поняла, что делает, Елена уже устремилась вперед. Еле дыша, она остановилась в дверном проходе, хватаясь за косяк.

Голова Дамона резко развернулась, и он буквально просиял довольной и предельно жестокой улыбкой. Затем слегка повернул дверную ручку, даже не глядя на нее. Его глаза, подобные лужицам жидкого эбонита, оставались прикованными к Елене.

– Выбор за тобой, – просто сказал Дамон.

Елена стояла совершенно неподвижно. Ей казалось, будто внутри у нее вдруг наступила зима. Маргарет была всего лишь ребенком. Дамон никак не мог всерьез этим угрожать. На свете просто не существует таких монстров, которые стали бы пить кровь у четырехлетней девочки.

Однако Дамон не оставлял ни малейшей надежды на жалость или сочувствие. Он был охотником, убийцей, и более слабые неизменно оказывались его добычей. Елена припомнила звериный оскал, что перекошил его привлекательное лицо, и поняла, что никогда не позволит ему добраться до Маргарет.

Все происходило словно в замедленной киносъемке. Елена видела, как рука Дамона сжимает дверную ручку, видела его безжалостные глаза. Затем она перешагнула через порог, оставляя позади единственное безопасное место, какое она знала.

«Смерть в этом доме», – сказала тогда Бонни.

А теперь Елена должна была по своей собственной воле встретить эту смерть лицом к лицу. Она наклонила голову, пытаясь скрыть беспомощные слезы, что навернулись ей на глаза. Все было кончено. Дамон победил.

Елена так и не подняла глаз, чтобы увидеть, как Дамон на нее надвигается. Но она почувствовала, как воздух вокруг шевелится, заставляя ее дрожать. А затем мягкая, бесконечная чернота окутала ее подобно крыльям огромной птицы.

Глава 13

Елена пошевелилась, затем открыла тяжелые веки. Полоски света виднелись по краям портьер. Двигаться было нелегко, и Елена так и осталась лежать на кровати, пытаясь слепить воедино обрывочные события прошлой ночи.

Дамон. Дамон пришел сюда и стал угрожать Маргарет. Елене пришлось к нему выйти. Он победил.

Но почему же он с ней не покончил? Елена подняла вялую руку, чтобы коснуться своей шеи, заранее зная, что она там обнаружит. Да, все верно: две крошечные ранки были весьма болезненны.

И все-таки она жива. Дамон остановился в шаге от выполнения своего обещания. Почему?

Воспоминания о последних часах были спутанными и туманными. Только отдельные фрагменты казались ясны. Глаза Дамона смотрели на Елену сверху вниз, заполняя собой весь мир. Острый укол в горло. Еще позднее – Дамон оттягивает воротник своей рубашки, кровь сочится из небольшого пореза у него на шее.

Затем он заставил Елену пить его кровь. Если, конечно, «заставил» – подходящее слово. Елена не помнила, чтобы она оказывала какое-то сопротивление или испытывала хоть

малейшее отвращение. К тому времени она уже сама этого хотела.

Но теперь Елена вовсе не была мертва или даже серьезно ослаблена. Дамон не превратил ее в вампира. И этого она решительно не понимала.

«У Дамона нет совсем никакой морали и никакой совести, – напомнила себе Елена. – Так что остановило его вовсе не милосердие. Скорее всего, прежде чем убить, он просто хочет затянуть игру и заставить меня страдать. Или, может быть, он хочет, чтобы я стала как Викки. Чтобы я одной ногой стояла в мире Теней, а другой на свету, медленно сходя с ума».

Одно было несомненно – Елену нельзя было обманом заставить поверить в то, что случившееся стало проявлением доброты со стороны Дамона. Он был просто не способен на доброту. Не мог заботиться о ком-то, кроме себя.

С трудом отодвинув одеяло, Елена встала с постели. Она слышала, как тетя Джудит ходит по коридору. Наступило утро понедельника, и нужно собираться в школу.

27 ноября, среда

Мой милый Дневник!

Не буду притворяться, будто я спокойна. Я отчаянно боюсь того, что будет дальше. Ничего хорошего это притворство не принесет. Завтра День благодарения: через два дня после него – День основателей. А я так и не придумала, как мне остановить Кэролайн и Тайлера.

Я просто не знаю, что делать. Если мне не удастся изъять мой дневник у Кэролайн, она наверняка прочтет его перед лицом всего города. У нее будет для этого идеальная возможность. Ведь Кэролайн избрали одной из тех старшеклассниц, что будут читать стихи на церемонии закрытия. Здесь можно добавить, что избрал ее школьный совет, куда входит отец Тайлера Смоллвуда. Интересно. Что подумает мистер Смоллвуд, когда все закончится?

Хотя какая разница? Если только я не смогу придумать какой-нибудь план, к тому моменту, как правда всплывет наружу, мне уже будет все равно. И Стефан пропадет, изгнанный из городка добрыми гражданами Феллс-Черча. Или, если он не вернет себе хоть часть своих Сил, вполне вероятно, они просто его убьют. А если Стефан умрет, я тоже умру. Вот так все просто.

А это значит, что я должна найти хоть какой-то способ вернуть себе дневник. Просто должна.

Но не могу.

Я знаю, ты уже ждешь, что я об этом скажу. Да, есть верный способ вернуть дневник – попросить об этом Дамона. Все, что мне требуется, это согласиться на назначенную им цену.

Но ты не можешь понять, как сильно это меня пугает. Причем меня не просто пугает Дамон. Нет, я боюсь того, что случится, если мы с ним опять окажемся вместе. Я боюсь того, что случится со мной... со мной и со Стефаном.

Я больше не могу об этом говорить. Сущее несчастье. Я чувствую такую потерянность, такое одиночество. Нет никого, с кем я могла бы поговорить по душам, к кому я могла бы обратиться за помощью. Нет никого, кто смог бы меня понять.

Так что же мне теперь делать?

28 ноября, четверг, 11:30 вечера

Мой милый Дневник!

Сегодня все кажется мне ясней. Может быть, это потому, что я приняла решение. Это решение меня страшит, но оно лучше любого другого, пришедшего мне в голову.

Я намерена рассказать Стефану обо всем.

Это единственное, что я могу теперь сделать. День основателей отмечается в субботу, а никакого собственного плана я так и не придумала. Но, может статься, Стефан его придумает, когда поймет, какая отчаянная сложилась ситуация. Я намерена провести завтрашний день в пансионате. Как только я туда доберусь, я должна буду рассказать Стефану все то, что мне следовало с самого начала ему рассказать.

Все. И про Дамона тоже.

Просто не знаю, что он на это скажет. Я прекрасно помню, какое лицо было у него в тех

моих снах. Я помню, как он тогда на меня смотрел – с таким гневом и с такой горечью. Так, будто он ни капельки меня не любил. Если он завтра так на меня посмотрит...

Ах, я так боюсь. В животе все переворачивается. Я едва прикоснулась к обеду в День благодарения – и до сих пор не могу толком поесть. Я чувствую себя так, будто готова разлететься на миллион осколков. Даже не надеюсь, что мне удастся сегодня выспаться.

Пожалуйста, пусть Стефан меня поймет. Пожалуйста, пусть он меня простит.

Я хочу, чтобы он видел меня только с лучшей стороны. Я хочу быть достойной его любви. У Стефана есть незыблемые понятия о чести, о том, что такое хорошо и что такое плохо. И вот теперь, когда он выяснит, что я ему лгала, что он тогда обо мне подумает? Поверит ли он, что я просто пыталась его защитить? Будет ли доверять мне в дальнейшем, еще когда-нибудь?

Завтра я это узнаю. Господи, как бы я хотела, чтобы все уже закончилось! Просто не знаю, как я это переживу!

Елена выскользнула из дома, даже не сказав тете Джудит, куда направляется. Она устала от лжи, и ей не хотелось ввязываться в скандал, который непременно бы случился, скажи она, что отправляется к Стефану. С тех самых пор, как Дамон обедал у них, тетя Джудит все время о нем говорила, вставляя в каждый разговор смутные и не очень смутные намеки. Роберт вел себя не лучше. Порой Елене казалось, что именно он подстрекает тетю Джудит говорить о Дамоне.

Она устало ткнула кнопку звонка рядом с дверью пансионата. Интересно, где все последнее время была миссис Флауэрс? Когда дверь, наконец, отворилась, за ней стоял Стефан.

Одетый как на парад, он поднял воротник своей куртки.

– Я подумал, что мы можем пойти прогуляться, – предложил Стефан.

– Нет, Стефан, – твердо ответила Елена. Ни на какую искреннюю улыбку она была не способна, так что даже не стала пытаться. – Давай пойдем наверх, – продолжила она. – Нам нужно поговорить.

Какую-то секунду Стефан с удивлением на нее смотрел. Что-то такое, должно быть, отразилось в глазах Елены, ибо его лицо вскоре помрачнело и застыло. Затем он глубоко вздохнул и кивнул. Не говоря ни слова, он повернулся и повел ее к себе в комнату.

Конечно, чемоданы, комоды и книжные полки давным-давно были приведены в порядок. Но Елена вдруг поняла, что она словно впервые это для себя отмечает. И тут, по какой-то странной причине, она подумала о той первой ночи, когда она здесь была, когда Стефан спас ее от гнусных объятий Тайлера. Ее глаза невольно пробежали по вещам, лежавшим на комодe с зеркалом. Вот золотые флорины пятнадцатого столетия, вот кинжал с рукояткой из слоновой кости, вот маленький железный ларец с крышечкой на петлях. Елена попыталась его в ту первую ночь открыть, но Стефан вовремя захлопнул крышку.

Она повернулась. Стефан стоял у окна, очеркнутый прямоугольником серого и мрачного неба.

Последняя неделя была холодной и пасмурной, и этот день не стал исключением. Выражение лица Стефана словно отражало погоду на улице.

– Ну хорошо, – тихо произнес он, – так о чем нам нужно поговорить?

Наступил последний момент выбора, и Елена вынесла себе окончательный приговор. Она протянула руку к маленькому железному ларцу и открыла его.

Внутри приглушенным блеском сиял отрез абрикосового шелка. Ее лента для волос. Она напомнила Елене о летних деньках, которые сейчас казались безнадежно далекими. Елена собралась с духом и протянула ленту Стефану.

– Вот об этом, – сказала она.

Стефан сделал шаг вперед, когда Елена коснулась ларца, но теперь вид у него был удивленный и озадаченный.

– Об этом?

– Да, Стефан. Потому что я знала, что эта лента лежит в ларце. Я давным-давно там ее обнаружила, еще в тот день, когда ты на несколько минут вышел из комнаты, а я здесь осталась. Не знаю, почему мне так отчаянно потребовалось узнать, что лежит в ларце, но я просто не смогла с собой совладать. Так нашла здесь ленту. – Тут Елена сделала паузу и

собралась с духом. – А потом я написала об этом в своем дневнике.

Стефан выглядел все более и более озадаченно как будто он ожидал чего-то совершенно другого Елена с трудом подыскивала подходящие слова.

– Я написала об этой ленте, потому что сочла ее доказательством того, что ты действительно ко мне равнодушен. Не зря же ты подобрал ее и сохранил. Я никогда бы не подумала, что лента может стать доказательством чего-то другого.

И тут Елена наконец-то почувствовала, что может говорить свободно. Она быстро рассказала Стефану о том, как взяла свой дневник в дом к Бонни, том, как он был там похищен. Елена рассказала о темно-лиловых записках, о том, как выяснилось, что их посылает именно Кэролайн. А затем, отворачиваясь, снова и снова теребя нервными пальцами кусочек абрикосового шелка, она рассказала ему план Кэролайн и Тайлера Смоллвуда.

Голос чуть было не подвел Елену в самом конце.

– С тех пор я так боялась, – прошептала она по-прежнему не сводя глаз с ленты, – Боялась, что ты можешь на меня разозлиться. Боялась, что могут предпринять Кэролайн и Тайлер. Ужасно боялась. Я пыталась вернуть себе дневник, залезла в дом к Кэролайн. Но она слишком хорошо его спрятала. И я все думала и думала, но так и не смогла придумать никакого способа помешать ей публично его прочитать. – Наконец Елена посмотрела на Стефана. – Прости меня.

– Да, тебе действительно следует просить прощения! – отозвался Стефан, поражая ее своей страстностью. Елена почувствовала, как кровь отлила от ее лица. Но Стефан продолжал: – Тебе следует просить прощения за то, что ты держала что-то подобное в тайне от меня, когда я мог бы тебе помочь. Ах, Елена, ну почему ты просто все мне не рассказала?

– Потому что я была перед тобой виновата. И еще мне снились сны. – Елена попыталась описать, как Стефан смотрел на нее в этих снах, как глаза его источали горечь и немой укор.

– Я подумала, что умру, если ты действительно так на меня помотришь, – с жалким видом закончила она.

Однако в выражении лица Стефана, пока он на нее смотрел, смешивались удивление и облегчение.

– Вот, значит, в чем дело, – тихо произнес он, почти прошептал. – Вот что тебя так тревожило.

Елена открыла было рот, но Стефан еще не закончил.

– Я знал, что-то идет не так, знал, ты что-то от меня скрываешь. Но я думал... – Он покачал головой, и еле заметная улыбка словно застыла на его лице. – Теперь это уже неважно. Я не хотел вторгаться в твою личную жизнь. Я даже не хотел спрашивать. А ты все это время заботилась обо мне, желала меня защитить.

Язык Елены буквально прилип к нёбу. Слова, казалось, тоже где-то там застряли.

«Есть кое-что еще», – подумала она, но не могла решиться.

Нет, только не теперь, когда у Стефана были такие глаза, когда все его лицо словно бы озарилось внутренним светом.

– Когда ты сегодня сказала, что нам нужно поговорить, я решил, что ты все-таки решила со мной расстаться, – просто, без следа жалости к себе, признался Стефан. – И я бы ни в чем тебя не обвинил. Но вместо этого... – Он снова покачал головой. – Ах, Елена, – выдохнул юноша, а затем она оказалась в его объятиях.

Елене стало так славно, так спокойно, когда Стефан ее обнял. Так правильно. Теперь, когда все барьеры как по волшебству испарились, она просто не понимала, как эти неправильные вещи могли между ними стоять.

Точно то же самое Елена испытывала в ту ночь, когда Стефан впервые ее обнял. Вся сладость и нежность мира словно втекала в них. Елена оказалась дома, здесь было ее место. Именно здесь всегда было ее место.

Все остальное мгновенно позабылось. Елена вдруг опять почувствовала, как будто она могла читать мысли Стефана. Они были вместе, дополняя друг друга. Их сердца бились в унисон.

Для полного счастья Елене теперь требовалось только одно. Она тряхнула головой, отбрасывая волосы назад, и протянула руку, чтобы убрать их с шеи. На сей раз Стефан не

возразил и не стал ей препятствовать. Вместо отказа он излучал полное согласие – и глубокую потребность.

Любовь, восторг, признательность переполнили Елену, и она с невероятной радостью поняла, что Стефан испытывает те же чувства. На мгновение она словно увидела себя его глазами. И ощутила, как он к ней равнодушен. Это могло испугать, если бы в Елене не нашлась та же невысказанная глубина чувств.

Она не ощутила никакой боли, когда зубы Стефана коснулись ее шеи. И она даже не обратила внимания, что предложила ему нетронутую сторону – хотя ранки, оставленные на другой стороне Дамоном, уже исцелились.

Елена стала удерживать Стефана, когда он попытался поднять голову. Однако юноша был непреклонен, и ей пришлось его отпустить. Все еще сжимая Елену в объятиях, Стефан нашарил на комод злобный кинжал с рукояткой из слоновой кости и одним быстрым движением выпустил на волю собственную кровь.

Когда колени Елены ослабли, вампир усадил ее на кровать. А затем они просто стали сжимать друг друга в объятиях, не думая ни о проходящем времени, ни о чем-либо еще. Елене казалось, что во всем мире теперь существуют только они со Стефаном.

– Я люблю тебя, – негромко промолвил он.

Поначалу Елена, окруженная приятным дурманом, просто приняла эти слова. А затем, со сладким холодком в груди, вдруг осознала, что Стефан только что ей сказал.

Он ее любит. Елена все время это знала, но раньше Стефан никогда ей об этом не говорил.

– Я тоже люблю тебя, Стефан, – прошептала она в ответ.

Когда он отклонился назад, Елена удивилась, но затем поняла, что он делает. Сунув руку под свитер, Стефан вытащил оттуда цепочку, которую он все это время носил на шее. На цепочке висело изящное золотое колечко с лазуритом.

Кольцо Катрины. Прямо на глазах у Елены Стефан расстегнул цепочку и снял с нее изящный золотой кружок.

– Когда Катрина умерла, – сказал он, – я подумал, что никогда не смогу полюбить кого-то еще. Даже несмотря на то, что Катрине наверняка бы хотелось, чтобы я однажды снова испытал это чувство. Я был уверен, что такого никогда не произойдет. Но я ошибался. – Секунду Стефан поколебался, а затем продолжил: – Я хранил это кольцо, потому что оно стало символом Катрины. Так я мог хранить ее в своем сердце. Но теперь я хочу, чтобы оно стало символом кое-чего другого. – Тут он опять заколебался, словно не желая встречаться глазами с Еленой. – Если подумать о том, как все складывается, у меня на самом деле нет никакого права об этом просить. Но, Елена... – Еще несколько секунд Стефан безуспешно пытался продолжить, а затем умолк и лишь беспомощно посмотрел на Елену.

Елена тоже не могла говорить. Она даже не могла дышать. Однако Стефан неверно истолковал ее молчание. Надежда в его глазах умерла, и он отвернулся.

– Ты права, – вздохнул он. – Это решительно невозможно. Существует слишком много сложностей – из-за меня. Потому что я тот, кем являюсь. Такое небесное создание, как ты, не может быть привязано к существу вроде меня. Мне даже не следовало предлагать...

– Стефан! – воскликнула Елена. – Стефан, если ты хоть немного помолчишь...

– ...в общем, забудь, что я вообще что-то тебе говорил...

– Стефан! – опять воскликнула Елена. – Стефан, да посмотри же на меня!

Стефан повинился, медленно поворачиваясь. Стоило ему только заглянуть Елене в глаза, как маска горя и разочарования пропала с его лица, сменяясь выражением, от которого Елена почти лишилась дыхания. Затем, так же медленно, Стефан взял руку, которую она ему протягивала.

С намеренной неспешностью он надел ей на палец кольцо Катрины.

Оно так прекрасно подошло, как будто было изготовлено специально для Елены. Золото роскошно поблескивало на свету, а лазурит сиял глубокой трепещущей синевой подобно чистому озерцу, окруженному нетронутым снегом.

– Какое-то время нам придется держать это в секрете, – сказала Елена, слыша дрожь в своем голосе. – У тети Джудит случится сердечный приступ, если она узнает, что я успела обручиться еще до окончания школы. Но следующим летом мне исполнится восемнадцать, и

тогда она уже не сможет нам помешать.

– Скажи, Елена, а ты уверена, что это именно то, чего ты хочешь? Жить со мной будет не так легко. Я всегда буду отличаться от тебя, сколько бы я ни пытался с этим бороться. И если ты когда-нибудь решишь передумать...

– Пока ты меня любишь, я никогда не передумаю.

Стефан снова сжал ее в своих объятиях. Удовлетворенный покоем переполнил Елену. Однако в каком-то уголке ее сознания по-прежнему оставался один конкретный страх.

– Послушай, Стефан, насчет завтрашнего дня... если Кэрролайн и Тайлер приведут свой план в действие, будет уже не важно, передумаю я или нет.

– Значит, нам просто придется позаботиться о том, чтобы они не привели его в действие. Если Бонни и Мередит мне помогут, думаю, я смогу найти способ изъять дневник у Кэрролайн. Но даже если я не смогу этого сделать, бежать я не намерен. Нет, Елена, я тебя не брошу, я намерен остаться здесь и дать бой.

– Но они наверняка накинутся на тебя, Стефан. Я не смогу этого выдержать.

– А я не смогу тебя бросить. Этот вопрос улажен. Позволь мне позаботиться об остальном. Я обязательно найду какой-нибудь способ. А если не найду... что ж, как бы то ни было, я все равно останусь с тобой. Мы будем вместе.

– Мы будем вместе, – повторила Елена, кладя голову ему на плечо.

Ее переполняло счастье от того простого факта, что хоть на какое-то время ей можно перестать думать и просто отдаться чувствам.

29 ноября, пятница

Мой милый Дневник!

Уже поздно, но я не могу уснуть. Кажется, мне уже не требуется столько сна, сколько раньше.

Что ж, завтра все решится.

А сегодня вечером мы поговорим с Бонни и Мередит. План Стефана – сама простота. Суть в том, что независимо от того, где Кэрролайн прячет дневник, завтра она должна будет его оттуда достать, чтобы забрать с собой в школу. Но наше выступление будет последним пунктом праздничной программы, а сначала ей придется присутствовать на параде и прочих церемониях. До поры до времени Кэрролайн придется где-то прятать дневник. Таким образом, если мы пронаблюдаем за ней с того самого момента, когда она выйдет из дома, до того момента, когда она поднимется на сцену, мы должны будем увидеть, где она его положила. А поскольку Кэрролайн даже не знает, что мы ее подозреваем, она не будет держаться настороже.

А еще этот план сработает потому, что все, участвующие в празднике, будут носить соответствующую одежду периода основания городка. Миссис Гримсби, библиотечарша, поможет нам надеть платья девятнадцатого века, и тогда мы уже не сможем носить с собой ничего, что не является частью костюма. У нас не будет никаких сумочек, никаких рюкзаков. Никаких дневников! Кэрролайн придется на какое-то время где-то его оставить.

Мы станем по очереди за ней наблюдать. Бонни будет прятаться у ее дома, и она непременно увидит, что Кэрролайн захватит с собой, когда выйдет на улицу. Я буду наблюдать за ней, пока она одевается в доме у миссис Гримсби. Затем, пока парад будет продолжаться, Стефан с Мередит как-нибудь попадут туда, где Кэрролайн спрячет дневник, и заберут его. Я предполагаю, что она оставит его в машине.

Я просто не вижу, как этот план может провалиться. И даже сказать не могу, насколько я сейчас лучше себя чувствую. Как было славно поделиться своей проблемой со Стефаном. Я выучила свой урок: в дальнейшем ничего не буду от него скрывать.

Завтра я надену на палец свое кольцо. Если миссис Гримсби про него спросит, я скажу ей, что оно гораздо старше девятнадцатого века, что оно из Италии времен Ренессанса. Мне очень хочется увидеть ее лицо, когда я об этом скажу.

А теперь мне лучше попытаться еще немного поспать. Надеюсь, никаких снов я не увижу.

Глава 14

Прячась у высокого викторианского дома, Бонни отчаянно дрожала. Этим утром воздух был морозным, и, хотя было уже почти восемь часов, солнце так толком и не встало над горизонтом. Небо представляло собой одну сплошную массивную грядку серо-белых облаков, создавая внизу зловещие сумерки.

Бонни уже начала притопывать ногами и тереть ладони друг о друга, когда входная дверь дома Форбсов внезапно открылась. Девочка отодвинулась чуть назад, за кусты, которые обеспечивали ей укрытие, и стала наблюдать за тем, как семья идет к машине. У мистера Форбса не было при себе ничего кроме фотоаппарата. Миссис Форбс несла сумочку и складной стульчик. Дэниел, младший брат Кэролайн держал еще один складной стульчик. А Кэролайн...

Бонни подалась вперед и удовлетворенно выдохнула. Одета в джинсы и плотный свитер, Кэролайн перекинула через локоть что-то похожее на белую сумочку с завязкой в виде шнура. Сумочка была не слишком объемной, но все же вполне способной вместить в себя небольшой дневник.

Разогретая предвкушением триумфа, Бонни ждала за кустами, пока машина не отъехала. Затем она уверенно зашагала к углу Дроздовой улицы и Боярышникового проезда.

– Вот она, тетя Джудит. На углу.

Машина притормозила, и вскоре Бонни уже скользнула на заднее сиденье под бок к Елене.

– У нее белая сумочка со шнурком, – прошептала она в самое ухо Елене, когда тетя Джудит поехала дальше.

– Оч-чень хорошо, – выдохнула Елена. – теперь посмотрим, захватит ли она эту сумочку в дом к миссис Гримсби. Если нет, скажи Мередит, что дневник в машине.

Бонни согласно кивнула и сжала в ответ руку Елены.

Они прибыли к дому миссис Гримсби в тот самый момент, когда Кэролайн заходила внутрь; белая сумочка висела у нее на плече. Бонни и Елена обменялись понимающими взглядами. Теперь Елена должна была посмотреть, где Кэролайн оставит сумочку.

– Я тоже здесь вылезу, мисс Гилберт, – сказала Бонни, когда Елена выпрыгнула из машины.

Бонни должна была объединиться с Мередит и подождать у дома, пока Елена не скажет им, где искать. Важно было при этом не позволить Кэролайн заподозрить что-то неладное.

На стук Елены в дверь открыла сама миссис Гримсби, библиотекаряша Феллс-Черча. Ее дом, собственно говоря, тоже выглядел почти как библиотека. В нем повсюду висели книжные полки, а стопки книг были расставлены даже на полу. Кроме того, миссис Гримсби являлась хранительницей исторических артефактов Феллс-Черча, включая старинную одежду времен основания городка.

Сегодня в доме звенело множество юных голосков, и спальни были заполнены полуодетыми школьниками. На миссис Гримсби всегда лежала ответственность. Муслиновое платье было поистине прекрасным, хотя и совершенно непритязательным. Его текучая материя крепилась высоко под грудью бледно-розовой лентой. Пышные рукава по локоть длиной были перевязаны лентами того же цвета. В начале девятнадцатого столетия фасоны были достаточно свободными, чтобы подойти девочке в конце века двадцатого, – понятное дело, если она была достаточно стройной. Когда миссис Гримсби подвела ее к зеркалу, Елена невольно улыбнулась.

– А оно действительно принадлежало Онории Фелл? – спросила она, думая о мраморном изваянии, что лежало на крышке гробницы в разрушенной церкви.

– По крайней мере так гласит история, – ответила миссис Гримсби. – Она упоминает о подобном платье в своем дневнике, так что у нас есть все основания для уверенности.

– Она вела дневник? – Елена была поражена.

– О да. Он хранится в специальном ларце у меня в гостиной. Когда пойдем обратно, я тебе его покажу. Так-так, теперь куртка... а это еще что такое?

– Что-то темно-лиловое выпорхнуло на пол, когда Елена взяла куртку со спинки стула.

Елена мигом почувствовала, как лицо ее каменеет. Прежде чем миссис Гримсби успела

нагнуться, она подобрала записку и взглянула на нее.

Одна строчка. Елена помнила запись в своем дневнике от четвертого сентября, первый день школьных занятий. Правда, написав тогда эту строчку, она затем ее вычеркнула. Но эти слова явные и отчетливые, не были вычеркнуты.

«Сегодня непременно случится что-то ужасное»

Елена едва смогла удержаться от того, чтобы схватить Кэролайн за плечо и потрясти запиской у нее перед носом. Но так она бы все испортила. Комкая клочок бумаги и бросая его в мусорную корзину, Елена заставляла себя сохранять спокойствие.

– Просто мусор, – пояснила она и, чувствуя напряжение во всем теле, снова повернулась к миссис Гримсби.

Кэролайн ничего не сказала, но Елена почувствовала на себе триумфальный огонь ее зеленых глаз.

«Ничего-ничего, погоди! – подумала она. – Погоди, пока я не верну себе дневник. Я намерена его сжечь, а потом нам с тобой придется кое о чем поговорить».

– Я готова, – сказала Елена, обращаясь к миссис Гримсби.

– Я тоже, – притворно-застенчивым голосом промолвила Кэролайн.

Елена взирала на бывшую подругу взглядом, полным холодного безразличия. Бледно-зеленый наряд Кэролайн, препоясанный опять-таки бледно-зеленым кушаком, был далеко не так прекрасен, как у Елены.

– Вот и чудесно. Вы, девочки, идите вперед и подождите ваши экипажи. Ах, да, Кэролайн, не забудь про свой ридикюль.

– Не забуду, – улыбаясь, отозвалась Кэролайн и потянулась к сумочке со шнурком.

Елене очень повезло, что Кэролайн не могла видеть ее лица, ибо в тот момент все холодное безразличие разлетелось вдребезги. Лишившись дара речи и оцепенев, Елена наблюдала за тем, как Кэролайн привязывает сумочку к поясу.

Однако от миссис Гримсби ее изумление не ускользнуло.

– Это ридикюль, предшественник современных сумочек, – охотно объяснила пожилая женщина. – Дамы обычно хранили в ридикюлях свои перчатки и веера. Кэролайн забрала его в начале этой недели, чтобы пришить выпавшие бусины... очень мило с ее стороны.

– Не сомневаюсь, – сдавленным голосом сумела выговорить Елена. Ей требовалось как можно скорее отсюда убраться, иначе что-нибудь страшное могло случиться прямо сейчас. Она вполне могла бы испустить крик, сбить Кэролайн с ног или лопнуть от ярости. – Мне нужно подышать свежим воздухом, – с трудом произнесла Елена, вырываясь из душной комнаты.

Бонни и Мередит ждали ее у машины. Сердце Елены билось медленно и глухо, пока она к ним подходила.

– Она нас перехитрила, – тихо сказала Елена подругам. – Эта сумочка – часть ее костюма. Кэролайн собирает весь день ее носить.

Бонни и Мередит изумленно воззрились на нее, а затем переглянулись.

– Но... что же мы тогда будем делать? – спросила Бонни.

– Не знаю. – Охваченная болезненным смутением, Елена наконец осознала подлинные масштабы катастрофы. – Не знаю!

– Мы по-прежнему можем за ней наблюдать. Может, она снимет сумочку за ланчем или... – Но уверенности в голосе Мередит не звучало.

«Они уже знают правду, – подумала Елена. – И правда заключается в том, что все уже безнадежно. Мы проиграли».

Бонни взглянула в зеркало заднего вида, затем выгнулась на сиденье, оборачиваясь.

– Вон твоя повозка.

Елена посмотрела и увидела двух белых лошадей, запряженных в умело отреставрированный легкий экипаж. Колеса экипажа были украшены крепированной бумагой, а большой транспарант на боку гласил: «Дух Феллс-Черча».

У Елены нашлось время только на одно отчаянное пожелание.

– Следите за ней, – выдохнула она. – И если Кэролайн хоть на минуту останется одна... – Затем ей пришлось уйти.

Но на всем протяжении этого длинного, ужасного утра не было ни одного мгновения,

когда Кэролайн осталась бы одна. Ее все время окружала толпа зевак. Для Елены парад стал сущим наказанием. Она сидела в легком экипаже рядом с мэром и его женой, мучительно пытаясь улыбаться, пытаясь выглядеть как ни в чем не бывало. Однако болезненный страх непосильной ношей ложился ей на грудь.

Где-то там, среди походных оркестров, марширующих бригад и открытых автомобилей, находилась Кэролайн. Елена забыла выяснить, на какой именно праздничной платформе она стоит. Скорее всего, на первой – большинство старшеклассников располагались именно там.

Впрочем, это не имело значения. Где бы Кэролайн ни оказалась, она была на виду у доброй половины городка.

Обед, который последовал за парадом, проводился в школьной столовой. Елена оказалась поймана в ловушку за центральным столом, где также сидели мэр Доули и его жена. Кэролайн находилась за соседним столом, и Елена прекрасно видела ее золотисто-каштановый затылок. Рядом с Кэролайн, то и дело любезно к ней наклоняясь, расположился Тайлер Смоллвуд.

У Елены была идеальная позиция, чтобы понаблюдать за маленькой драмой, которая случилась в самый разгар обеда. Сердце забило где-то у нее в горле, когда Елена увидела Стефана, с непринужденным видом шагающего к столу, где сидели Тайлер и Кэролайн.

Затем он заговорил с Кэролайн. Совершенно позабыв об угощении у себя на тарелке, Елена пристально наблюдала за разговором. От того, что она увидела дальше, у нее перехватило дыхание. Кэролайн запрокинула голову и что-то кратко ответила Стефану, а затем снова вернулась к еде. А Тайлер поднялся на ноги и с покрасневшим лицом произнес в адрес Стефана что-то в высшей степени грубое. И он не сел на место до тех пор, пока Стефан не отвернулся.

Уходя, Стефан посмотрел на Елену, и на мгновение их глаза встретились в безмолвном союзе.

Итак, больше никакой надежды не оставалось. Даже если Силы вернуться к Стефану, Тайлер намеревался держать его как можно дальше от Кэролайн. Страшная тяжесть легла Елене на сердце, и она едва смогла вздохнуть.

После этого она просто сидела, окутанная ощущением страшного несчастья и тупым отчаянием, пока кто-то не толкнул ее локтем и не сказал, что пора отправляться за кулисы.

Елена безразлично прислушивалась к праздничной речи мистера Доули. Мэр заговорил о «поре испытаний», недавно наступившей в Феллс-Черче, и о духе товарищества, который поддерживал их на протяжении всех последних месяцев. Затем были розданы награды за учебу, а также за спортивные и общественные достижения. Мэтт подошел, чтобы получить приз «Лучшему атлету года», и Елена заметила, с каким любопытством он на нее поглядывает.

Затем настало время праздничного выступления школьников. Ученики начальной школы представляли сцены времен основания городка и Гражданской войны, хихикая и забывая свои строчки. Елена тупо смотрела на сцену, решительно ничего не видя и не слыша. С прошлого вечера она испытывала легкое головокружение и неуверенность, а теперь к этому добавилось что-то похожее на симптомы гриппа. Ее разум, обычно переполненный различными схемами и планами, был совершенно пуст.

Елена не могла сосредоточиться. Ее уже ничего не волновало.

Под активные щелчки фотовспышек и лихорадочные аплодисменты инсценировка закончилась. Когда последний маленький солдат армии Конфедератов сошел со сцены, мэр Доули призвал всех к молчанию.

– А теперь, – сказал он, – настала пора тех учеников, которые участвуют в церемонии закрытия. Пожалуйста, проявите вашу признательность к Духу Независимости, к Духу Верности, а также к Духу Феллс-Черча!

Аплодисменты стали громopodobными. Елена стояла рядом с Джоном Клиффордом, башковитым старшеклассником, которого избрали представлять Дух Независимости. По другую сторону от Джона стояла Кэролайн. Отстраненно и почти безразлично Елена заметила, что Кэролайн выглядит просто великолепно: голова ее была слегка запрокинута, глаза пылали, щеки покраснелись.

Сначала была очередь Джона. Поправив свои очки и микрофон, он начал читать отрывки из тяжелого коричневого тома, что лежал на трибуне. Официально старшеклассники могли

сами составлять свою подборку, на деле же они почти всегда читали какие-либо стихи М. С. Марша – единственного поэта, когда-либо произведенного на свет Феллс-Черчем.

Пока Джон читал, Кэролайн всячески привлекала внимание публики к своей персоне. Она улыбалась аудитории, встряхивала волосами, взвешивала висящий у нее на поясе ридикюль. Пальцы ее любовно гладили небольшую сумочку со шнурком, и Елена вдруг поняла, что не сводит глаз с ридикюля, разглядывая каждую бусину на нем.

Наконец Джон поклонился и снова встал на свое место рядом с Еленой. Кэролайн расправила плечи и походкой супермодели прошла к трибуне.

На сей раз аплодисменты оказались перемешаны с одобрительным свистом. Но Кэролайн даже не улыбнулась – она всеми силами создавала вид трагической ответственности. С исключительно точным расчетом она подождала, пока вся столовая полностью затихнет.

– Сегодня я планировала прочесть одно из стихотворений М. С. Марша, – начала она, приковывая к себе всеобщее внимание, – но теперь я этого делать не собираюсь. Зачем читать отсюда, – тут Кэролайн подняла томик поэзии девятнадцатого века, лежащий на трибуне, – когда в одной книге, которую мне случилось найти, есть нечто куда более актуальное?

«Скорее, случилось украсть», – подумала Елена.

Среди множества разных лиц в толпе она разглядела лицо Стефана. Он стоял в задних рядах, а по бокам, словно защищая его, располагались Бонни и Мередит. Затем Елена подметила кое-что еще. В считанных шагах позади Стефана стоял Тайлер в сопровождении Дика и еще нескольких парней. Парни явно уже вышли из школьного возраста, они выглядели очень крутыми, и их было пятеро.

«Уходи, – мысленно выдохнула Елена, снова отыскивая глаза Стефана. Она отчаянно желала, чтобы он понял ее. – Уходи, Стефан, покинь это место, прежде чем случится страшное несчастье. Уходи прямо сейчас».

Стефан почти неразличимо покачал головой. Кэролайн с каким-то хищным нетерпением запустила пальцы к себе в сумочку.

– Я собираюсь прочесть кое-что, касающееся сегодняшнего Феллс-Черча, а не событий столетней давности, – заговорила она, впадая в какое-то лихорадочное торжество. – Это важно сейчас, потому что речь здесь идет о том, кто вместе с нами живет в Феллс-Черче. По сути, сам герой сейчас находится в этой аудитории.

«Слова этой речи, должно быть, написал для нее Тайлер, – решила Елена. – Месяц назад, выступая в физкультурном зале, он проявил необычный талант к подобного рода вещам. Ах, Стефан, ах, Стефан, я так напугана...»

Мысли ее совсем спутались, а Кэролайн тем временем по-прежнему держала руку в ридикюле.

– Стоит вам только это услышать, и вы поймете, что я имею в виду, – сказала Кэролайн, после чего быстрым движением вытащила из ридикюля книжку в бархатной обложке и подняла ее театральным жестом. – Думаю, это объяснит многое из того, что в последнее время происходило в Феллс-Черче. – Дыша быстро и легко, девочка оторвала взгляд от замороженной аудитории и обратила его на книжку у себя в руках.

Елена чуть было не лишилась сознания, когда Кэролайн выдернула дневник из сумочки. Яркие искры начали плясать у нее перед глазами. Головокружение резко нарастало, грозя перерасти в обморок, но затем она кое-что заметила.

Должно быть, зрение ее подводило. Сценическое освещение и вспышки фотоаппаратов, должно быть, ее ослепляли. В конце концов, Елена уже готова была в любую секунду лишиться сознания – едва ли следовало удивляться тому, что она не могла отчетливо видеть окружающие предметы.

Дневник в руках Кэролайн казался ей зеленым, а не синим.

«Должно быть, я схожу с ума, – подумала Елена. – Или это сон. Или какие-то фокусы с освещением».

Но нет. Все действительно шло как-то не так. Достаточно было посмотреть на лицо Кэролайн.

Беззвучно шевеля губами, высокая девочка в бледно-зеленом платье смотрела на книжку в бархатной обложке. Казалось, Кэролайн совершенно забыла про аудиторию. Она снова и снова

крутила дневник у себя в руках, оглядывая его со всех сторон. Постепенно ее движения сделались лихорадочными. Кэролайн сунула руку в ридикюль, явно надеясь найти там что-то еще. Затем она диким взором окинула сцену, словно прикидывая, не мог ли желанный синий дневник выпасть на пол.

Публика бормотала, начиная проявлять нетерпение. Мэр Доули и директор средней школы обменивались хмурыми взглядами.

Ничего не найдя на полу, Кэролайн снова устремила взор на небольшую зеленую книжку. Однако теперь она так на нее таращилась, как будто внутри нее сидел скорпион. Затем она резко раскрыла дневник, словно в последний момент ее озарила надежда на то, что лишь обложка странным образом изменила цвет, а внутри по-прежнему были слова, принадлежащие Елене.

Наконец Кэролайн медленно подняла глаза и оглядела переполненную столовую.

Тишина снова сгустилась, и пауза все тянулась, пока все взгляды оставались сосредоточены на девочке в бледно-зеленом наряде. Затем, издав какой-то нечленораздельный звук, Кэролайн резко развернулась и с громким топотом побежала прочь со сцены. По пути она швырнула в Елену зеленую книжку. На лице у девочки застыла маска отчаянной ненависти.

Елена ловко пригнулась, а затем спокойно подобрала то, чем в нее швырнули.

Действительно – дневник Кэролайн.

Народ вокруг Елены вдруг лихорадочно задвигался. Кто-то побежал вслед за Кэролайн, а остальные буквально взорвались комментариями, спорами, обсуждением. Елена нашла глазами Стефана. Судя по всему, ликование уже просачивалось в его сознание. Но Стефан явно испытывал то же самое недоумение, что и Елена. Как и Мередит с Бонни. Встретившись глазами со Стефаном, Елена ощутила прилив радостной благодарности, однако сильнее всего она ощущала благоговейный страх.

Случилось чудо! Вопреки всему они спаслись! Они были спасены!

А затем глаза Елены выхватили из толпы еще одну темную голову.

Дамон стоял, небрежно прислоняясь к северной стене. Губы юноши были изогнуты в полуулыбке его глаза отважно встретили взгляд Елены.

Мэр Доули топтался рядом с Еленой, подталкивая ее вперед, утихомиривая толпу и стараясь хоть как-то восстановить порядок. Все было тщетно. Елена сонным голосом зачитала свою речь беспрерывно бормочущей группе людей, которые не уделяли ей ни малейшего внимания. Но девочку это совершенно не волновало – она едва сознавала, какую именно строчку произносит. Слишком уж часто Елена останавливала взгляд на лице Дамона.

Когда она, наконец, проговорила все требуемые цитаты, народ рассеянно захлопал, а мэр объявил об остальных событиях, которые были запланированы на этот день. Затем все закончилось, и Елена оказалась свободна.

Она сошла со сцены без всякой сознательной мысли о том, куда направляется, однако ноги машинально понесли ее к северной стене. Темная голова Дамона двинулась к выходу в боковую дверь, и Елена последовала за ней.

Воздух во дворике казался восхитительно прохладным после душного помещения, а в дневном небе клубились серебристые облака. Дамон уже поджидал ее.

Елена сбавила ход, но окончательно остановилась, лишь оказавшись в каком-то футе от Дамона и внимательно глядя ему в лицо.

Последовал долгий момент молчания, а затем Елена выдавила из себя единственное слово:

– Почему?

– А я подумал, тебя больше заинтересует, как. – Дамон со значением похлопал себя по куртке. – На прошлой неделе я с ней познакомился, а сегодня утром получил приглашение на кофе.

– Но почему?

Дамон пожал плечами, и на мгновение тонкие черты его лица словно вытянулись. Елене показалось, что он и сам не знал, почему. Или не хотел этого признавать.

– Я преследовал исключительно собственные цели, – наконец ответил Дамон.

– Я так не думаю. – Какое-то напряжение создалось между ними, и оно напугало Елену

своей мощью. – Я не думаю, что причина именно такова.

Темные глаза опасно мерцали.

– Не дави на меня, Елена.

Она пододвинулась еще ближе, так что теперь они почти соприкасались, и снова внимательно посмотрела ему в лицо.

– Я думаю, – тихо проговорила Елена, – на тебя как раз надо порой давить.

Их лица разделяла какая-то пара дюймов, и Елена понятия не имела, что могло случиться дальше если бы в следующий момент рядом не прозвучал знакомый голос:

– Так вам все же удалось сюда заглянуть! Ах я так рада!

Это была тетя Джудит, и обращалась она к Дамону. Елена вдруг почувствовала себя так, будто ее резко перебросило из одного мира в другой. Ошарашенно моргая, она отступила от Дамона и резко выдохнула.

– Значит, вам все-таки удалось послушать, как Елена читает, – радостно продолжила тетя Джудит. – Ты прекрасно справилась, моя милая, но я просто ума не приложу, что же такое случилось с Кэролайн. В последнее время девочки в этом городке словно сошли с ума.

– Нервы, – предположил Дамон, изображая на лице спокойную торжественность.

Елену душил приступ смеха, вскоре сменившийся волной раздражения. Да, конечно, было очень славно, что Дамон их спас. Но, с другой стороны, без Дамона не было бы и проблем. Именно Дамон совершил те преступления, которые Кэролайн хотела приписать Стефану.

– А где же Стефан? – спросила Елена, невольно озвучивая свою очередную мысль.

Ей было видно, что Бонни и Мередит стоят во дворике одни.

На лице тети Джудит ясно выразилось неодобрение.

– Я его не видела, – кратко отозвалась она. А затем тетушка вдруг ласково улыбнулась Дамону, – Но у меня есть прекрасная идея. Послушайте, Дамон, почему бы вам не пойти к нам пообедать? А затем мы с Еленой смогли бы...

– Прекрати! – резко потребовала Елена, обращаясь к Дамону.

На лице у юноши выразилось деланное недоумение. Он словно бы спрашивал, что Елена имеет в виду.

– Что? – переспросила тетя Джудит.

– Прекрати! – снова потребовала Елена. – Сам знаешь, что! Прекрати немедленно!

Глава 15

– Елена, перестань грубить! – Тетя Джудит редко злилась, но теперь она действительно вышла из себя. – Ты уже слишком взрослая для подобного поведения!

– Это не грубость. Ты просто не понимаешь...

– Я прекрасно все понимаю. Ты ведешь себя в точности как в тот раз, когда Дамон пришел к нам на обед. Тебе не кажется, что гость заслуживает большего уважения?

Разочарование переполнило Елену.

– Ты даже не знаешь, о чем говоришь, – выдохнула она.

Это было уже чересчур. Слышать, как слова Дамона слетают с губ тети Джудит... нет, просто невыносимо!

– Елена! – Щеки тети Джудит пошли пятнами от гнева. – Ты меня поражаешь. И я должна тебе сказать, что подобное ребячливое поведение стало тебе свойственно с тех пор, как ты стала гулять с тем мальчиком.

– Ах, «с тем мальчиком»! – Елена гневно взглянула на Дамона.

– Да, с тем мальчиком! – ответила тетя Джудит. – С тех самых пор, как он вскружил тебе голову, ты стала совсем другой. Ты стала безответственной, скрытной – и просто вызывающей! Он с самого начала оказывал на тебя дурное влияние, но больше я не намерена это терпеть.

– Ах, в самом деле? – Елене казалось, что она разговаривает с ними обоими одновременно, и она переводила глаза с Дамона на тетю Джудит.

Все эмоции, которые она последнее время в себе подавляла – все эти недели и месяцы с тех пор, как Стефан вошел в ее жизнь, – теперь заструились бурным потоком, ища себе выхода наружу. Внутри Елены словно зародилась огромная приливная волна, над которой она была не

властна.

Елена вдруг поняла, что дрожит.

– Что ж, очень жаль, потому что тебе придется это терпеть. Я никогда не откажусь от Стефана. Особенно ради тебя! – Последнее предназначалось Дамону, однако тетя Джудит этого не поняла и возмущенно ахнула.

– Все, достаточно! – рявкнул Роберт. Он вдруг возник рядом вместе с Маргарет, и его лицо уже успело потемнеть от гнева. – Вот что, юная леди. Если тот мальчик побуждает тебя вот так разговаривать с родной тетей, то...

– Никакой он не «тот мальчик»!

Елена сделала еще один шаг назад, обращаясь сразу ко всей компании. Должно быть, у них получался красочный спектакль, потому что все остальные во дворике теперь тоже на нее смотрели. Но Елене было уже наплевать. Она слишком долго придерживала крышку на котле своих эмоций, заталкивая туда страх, тревогу и гнев, изо всех сил скрывая все беспокойство за Стефана, весь ужас перед Дамоном, стыд и унижение, от которых она страдала в школе. Но теперь все это было готово выплеснуться наружу, бурля неистовым варевом. Сердце Елены безумно колотилось, в ушах у нее звенело. Она чувствовала, что больше ничто не имеет значения, ей лишь хотелось рассказать этим людям всю правду.

– Он не «тот мальчик», – смертельно холодным голосом повторила Елена. – Он Стефан. И он очень много для меня значит. И я с ним обручена.

– Брось, не говори ерунды! – прогремел Роберт.

Это была последняя капля.

– Ерунды? – Елена подняла руку с кольцом Катрины на пальце. – Так знайте же! Я собираюсь выйти за него замуж!

– Ты не собираешься выйти за него замуж! – снова начал Роберт.

Все были в гневе. Дамон внезапно схватил Елену за руку и уставился на кольцо. Затем он резко развернулся и зашагал прочь. В каждом его шаге проглядывала плохо скрываемая ярость. Роберт раздраженно пыхтел. От тети Джудит, казалось, поднимался пар.

– Елена, я категорически запрещаю тебе...

– Ты мне не мать! – воскликнула Елена. Слезы неотвратимо наворачивались ей на глаза. Ей требовалось немедленно отсюда убраться, остаться наедине с кем-то, кто ее любил. – Если Стефан спросит, скажите ему, что я в пансионате! – добавила она и пошла прочь сквозь толпу.

Елена ожидала, что Мередит и Бонни за ней последуют, и почти обрадовалась, когда они не стали этого делать. Автостоянка оказалась полна машин, но людей там почти не было. Большинство семей осталось участвовать в празднике. Однако потрепанный «форд-седан» был припаркован неподалеку, и знакомая фигура как раз отпирала дверцу.

– Мэтт! Ты уезжаешь? – Елена мгновенно приняла решение.

Было слишком холодно, чтобы идти пешком до самого пансионата.

– Что? Нет. Я должен помочь тренеру Лайману снова расставить столы. Я просто хотел вот это сюда убрать. – Он швырнул на переднее сиденье грамоту за выдающиеся атлетические достижения. – Эй, с тобой все в порядке? – При виде ее лица глаза Мэтта удивленно расширились.

– Да... то есть нет. Но все со мной будет в порядке, если мне удастся отсюда вырваться. Послушай, можно мне взять твою машину? Совсем ненадолго.

– Ну... конечно, но... но, может быть, ты позволишь мне тебя подвезти? Я только скажу тренеру Лайману, что...

– Нет! Я просто хочу остаться в одиночестве... Пожалуйста, не задавай никаких вопросов. – Елена почти выхватила у Мэтта ключи. – Я скоро ее верну, обещаю. Или Стефан ее вернет. Если увидишь Стефана, скажи ему, что я в пансионате. И спасибо.

Невзирая на все его протесты, Елена захлопнула дверцу и завела мотор, приспособившись к непривычному рычагу переключения скоростей. Мэтт так и остался смотреть ей вслед.

Ничего не видя и не слыша, она повела машину. Слезы слепили Елену, а внутри у нее безостановочно крутился целый вихрь эмоций. Они со Стефаном отсюда уберутся... Они сбегут... Они всем покажут... Ноги ее больше не будет в Феллс-Черче...

А тогда тете Джудит придется горько пожалеть. Тогда Роберт увидит, как он ошибался.

Но Елена никогда их не простит. Никогда.

Что же касалось самой Елены, то она решительно ни в ком не нуждалась. Она прекрасно обойдется без этой дурацкой средней школы имени Роберта Ли, где из супермегапопулярной личности в одну секунду можно было превратиться в изгоя только за то, что любишь не того человека. Елена также не нуждалась ни в семье, ни в друзьях...

Притормаживая, чтобы проехать по извилистой подъездной дорожке к пансионату, Елена почувствовала, как буря бушующих в ней эмоций тоже сбавляет ход.

Вообще-то она вовсе не была зла на своих друзей. Бонни и Мередит ничего плохого ей не сделали. И Мэтт тоже. С Мэттом все было в полном порядке. Конечно, сам он мог Елене и не понадобиться, но его машина оказалась очень кстати.

Елена почувствовала, как ее начинает душить неожиданный приступ сдавленного смеха. Бедняга Мэтт. Все вечно одалживали этого измочаленного динозавра – его старенький автомобиль. Должно быть, Мэтт подумал, что они со Стефаном совсем спятили.

От смеха на ее глазах выступило еще несколько слезинок, и Елена вытерла их, качая головой. О боже, ну как же все могло так повернуться? Что за денек! Ей следовало бы испытывать победное торжество, потому что они одолели Кэролайн, но вместо этого Елена плакала наедине с собой в машине Мэтта.

Воспоминания о том, насколько смехотворно Кэролайн выглядела на сцене, вызвали еще один приступ истерического хихиканья.

«Нужно было заснять ее растерянную физиономию на видео!» – вдруг подумала Елена.

Наконец все всхлипы и всплески дурацкого смеха прошли, и Елена ощутила страшную усталость. Она оперлась о руль и помотала головой, стараясь ни о чем не думать, а затем выбралась из машины.

Сейчас она пойдет в пансионат и подождет Стефана, а затем они оба вернутся и попробуют как-то разобраться с тем беспорядком, который она устроила.

«Потребуется масса усилий», – устало подумала Елена.

Бедная тетя Джудит. Ведь Елена орала на нее на глазах у половины города. Почему она позволила себе так распуститься?

Однако после того, как выяснилось, что пансионат закрыт, и никто не отвечает на звонок, эмоции нахлынули с новой силой.

«Вот тебе и раз, – подумала Елена, и слезы снова навернулись ей на глаза. – Наверняка миссис Флауэрс тоже отправилась на празднование Дня основателей. Теперь надо либо сидеть в машине, либо стоять здесь под порывами штормового ветра...»

И тут Елена впервые обратила внимание на погоду и встревоженно огляделась. День становился очень пасмурным и холодным, но над землей плыл туман, как будто окружающие поля выдыхали его. Облака не просто клубились, они буквально бурлили. И ветер нарастал с каждой минутой.

Он стонал в ветвях дубов, рвал в клочья оставшуюся листву и обрушивал ее на землю. Ветер теперь не просто стонал, он дико завывал.

И было что-то еще. Это что-то исходило даже не от ветра, а от самого воздуха. Ощущение давления, угрозы, какой-то невообразимой силы. Эта сила все нарастала, концентрируясь вокруг Елены, смыкаясь вокруг нее.

Елена резко развернулась лицом к дубам.

За домом их была целая рощица. Еще больше дубов росло дальше, смыкаясь с лесом. А за ними лежали речка и кладбище.

Что-то... там что-то такое было. Что-то... очень скверное...

– Нет... – невольно прошептала Елена.

Она не могла этого видеть, но явственно чувствовала. Словно какая-то гигантская фигура вздымалась над ней, заслоняя небо. Елена ощущала злобу, ненависть, животную ярость приближающейся сущности.

«Кровожадность». Стефан использовал как-то это слово, но тогда Елена его не поняла. Теперь же она чувствовала, как эта кровожадность... фокусируется на ней.

– Нет!

Становясь все выше и выше, фигура возвышалась уже прямо над ней. Елена по-прежнему

не могла ничего видеть, но словно громадные крылья вдруг раскрылись, чтобы коснуться горизонта с обеих сторон. Эта сущность имела невероятную Силу... и она хотела убивать...

– Нет! – Елена бросилась бежать к машине в тот самый миг, когда к ней будто потянулось что-то непонятное.

Судорожно ухватившись за ручку дверцы, Елена возилась с ключами. Ветер, дико завывая, трепал ей волосы, мелкие льдинки летели в глаза, ослепляя ее. Но затем ключ все-таки повернулся, и Елена открыла дверцу.

Ура! Безопасность! Елена наглухо захлопнула дверцу и резко потянулась через сиденье, чтобы проверить запоры на другой стороне.

Ветер ревел снаружи, тысячами голосов. Машина уже начинала раскачиваться.

– Прекрати! Дамон, прекрати! – Тонкий крик Елены потерялся в общей какофонии.

Она положила ладони на приборную панель, словно пытаясь уравновесить автомобиль, но он качался все сильнее, пока льдистый ветер неистово хлестал по нему.

Затем Елена кое-что заметила. Заднее окно уже запотело, но все-таки ей удалось разглядеть, что за ним стоит. Там высилась какая-то гигантская птица, слепленная из тумана или снега, но ее очертания были крайне размытыми. Елена была уверена только в том, что эта птица машет колоссальными крылами и неотвратимо приближается к ней.

«Вставь ключ в зажигание! Вставь скорее! А теперь вперед!»

Мозг Елены, словно сам собой, выдавал ей эти приказания. Старинный «фордик» запыхтел, и шины взвыли громче ветра, пока Елена трогалась с места. А фигура, нараставшая сзади, стала увеличиваться в зеркале заднего вида еще быстрее.

«Доберись до города! Доберись до Стефана! Вперед! Вперед!»

Но когда Елена с визгом вывернула налево, на Старую Ручейную дорогу, колеса заклинило, а удар молнии расколол небо напополам.

Если бы машина уже не скользила с выжатыми до упора тормозами, ближайшее дерево наверняка упало бы прямо на нее. А так бешеный удар подбросил автомобиль подобно землетрясению, на считанные дюймы промахиваясь мимо переднего правого крыла. Дерево являло собой спутанную массу торчащих ветвей, и его ствол совершенно перегородил Елене обратную дорогу в городок.

Она оказалась в ловушке. Единственный маршрут спасения был отрезан. Елена осталась одна, совершенно беспомощная перед лицом этой ужасной Силы...

Перед лицом Силы. Должно быть, ключ к спасению лежал именно здесь.

«Чем больше твои Силы, тем больше правила Тьмы тебя связывают».

Бегущая вода!

Включив задний ход, Елена развернулась, а затем рванула вперед. Белая фигура резко слетела вниз, промахнувшись примерно так же, как дерево, а Елена уже мчалась по Старой Ручейной дороге в самую страшную полосу шторма.

Белая сущность по-прежнему гналась за ней. Только одна мысль теперь занимала все сознание Елены. Ей отчаянно требовалось пересечь бегущую воду, оставить жуткую тварь позади.

Послышался очередной треск молнии, и Елена заметила, как падают другие деревья, но она ловко петляла между ними. Теперь не так далеко. Елена сквозь шквальный ледяной шторм уже видела реку, мерцающую дальше по левую сторону. Она уже видела мост. Вот река, Елена почти добралась до нее! Порывы ветра швыряли ледяную крошку в ветровое стекло, но с каждым движением дворников перед Еленой на какую-то секунду появлялась мерцающая водная гладь. Где-то здесь должен был быть поворот.

Машина накренилась и заскользила по хрупкому деревянному сооружению. Елена почувствовала, как колеса цепляются за скользкие доски. Она отчаянно попыталась повернуть в сторону заноса, но там просто не было места...

Машина проломила ограду, и гнилое дерево пешеходного моста уже подавалось под тяжестью, которую оно уже не могло удерживать. Последовало тошнотворное ощущение падения, после чего машина окунулась в воду.

Елена услышала странные крики, но даже не поняла, что сама их издает. Река вздымалась со всех сторон, и все вокруг было шумом, смятием и болью. Вдребезги разбилось одно окно,

затем другое. Темная вода хлынула вместе с обломками и обьяла Елену. Она ничего не видела; она никак не могла выбраться.

И дышать Елена уже не могла. Она совсем потерялась в этом дьявольском водовороте. Ей нужен был воздух. Елена должна была сделать вдох. Она должна была оттуда выбраться...

– Стефан, помоги! – дико закричала девочка.

Однако отчаянный вопль не произвел ни звука. Вместо этого ледяная вода хлынула в легкие, вторгаясь в Елену. Девочка отчаянно билась, но темная вода была слишком сильна. Усилия стали еще более отчаянными, еще более некоординированными и вдруг прекратились.

Вокруг воцарилось спокойствие.

Бонни и Мередит обследовали периметр школы. Они видели, как Стефан уходил куда-то за школу, подталкиваемый Тайлером и его новыми друзьями. Подруги решили за ними последовать, но остановились, заметив бурную сцену с Еленой. А когда Мэтт сообщил им, что Елена уехала, Бонни и Мередит снова пустились на поиски Стефана, но там уже никого не было. Там даже не имелось никаких строений, если не считать одинокого ангара.

– А теперь еще и буря надвигается! – подсадовала Мередит. – Прислушайся только к этому ветру! Думаю, пойдет дождь.

– Или снег! – Бонни содрогнулась. – Куда же дай делись?

– Мне наплевать. Я просто хочу забраться под крышу. Вон туда! – Мередит охнула, когда на нее внезапно обрушилось первое полотно ледяного дождя, и они с Бонни пустились к ближайшему укрытию – ангару.

Именно там они и нашли Стефана. Дверь была приоткрыта. Заглянув внутрь, Бонни невольно отпрянула.

– Головорезы Тайлера! – прошептала она. – Вон, смотри!

Дюжие парни полукругом стояли между дверью и Стефаном. Кэролайн была в углу.

– Наверняка он его взял! Он каким-то образом его забрал, я знаю, что он это сделал! – говорила она.

– Что он взял? – громко спросила Мередит.

Все повернулись к ней.

Лицо Кэролайн исказилось, когда в дверном проходе она увидела бывших подруг, а Тайлер даже зарычал.

– Убирайтесь! – рявкнул он. – Вам незачем во все это влезать.

Мередит не обратила на него ни малейшего внимания.

– Стефан, можно с тобой поговорить?

– Минутку. Ты не собираешься ответить на ее вопрос? Что я взял? – Стефан полностью сосредоточивался на Тайлере.

– Конечно, я отвечу на ее вопрос. Сразу же после того, как отвечу на твой. – Мясистая ладонь Тайлера сжалась в кулак, и он выступил вперед. – Одно движение, Сальваторе, и ты труп.

Несколько парней заржали.

Бонни открыла было рот, чтобы предложить Мередит отсюда убраться. Но вместо этого она четко произнесла:

– Мост.

Все тут же на нее посмотрели.

– Что? – спросил Стефан.

– Мост, – снова сказала Бонни, вовсе не намереваясь это говорить.

Ее глаза стали огромными. Бонни ощущала, как чей-то голос исходит из ее горла, но не имела над ним никакой власти. Затем глаза еще больше округлились, рот раскрылся до отказа и она, наконец, услышала собственный голос:

– Да мост же, господи, мост! Именно там Елена! Стефан, мы должны ее спасти... Ох, да скорее же!

– Бонни, ты уверена?

– Да, о боже... она именно туда забралась! Она – тонет! Скорее!

Волны густой черноты прокатывались по Бонни. Но теперь она не могла позволить себе

упасть в обморок – им следовало добраться до Елены.

Стефан и Мередит замерли на одно мгновение, а затем Стефан ринулся вперед напрямик через компанию громил, раскидывая их по сторонам, как шахматные фигурки. Волоча за собой Бонни, они с Мередит помчались через поле к автостоянке. Тайлер пустился было следом, но остановился, когда на него обрушился изо всей силы порыв ветра.

– Почему она в такую бурю туда отправилась? – выкрикнул Стефан, когда они прыгнули в машину Мередит.

– Елена была очень расстроена, Мэтт сказал, что она взяла его машину, – выдохнула в ответ Мередит, оказываясь в относительной тишине автомобильного салона. Она быстро завела мотор, стремительно пускаясь вперед, навстречу ветру. – Она сказала, что собирается поехать в пансионат.

– Нет, она у моста! Мередит, давай скорее! О боже, теперь мы уже можем опоздать! – Слезы струились по лицу Бонни.

Мередит до отказа выжала педаль газа. Машина покачивалась, исхлестываемая диким ветром и мокрым снегом. На протяжении всей кошмарной поездки Бонни всхлипывала, судорожно хватаясь пальцами за переднее сиденье.

Резкое предупреждение Стефана удержало Мередит от столкновения с деревом, повалившимся поперек дороги. Они стали выбираться из машины, пока ветер безжалостно их терзал.

– Оно слишком большое! Здесь не проехать! Придется идти пешком! – прокричал Стефан.

«Конечно, это дерево слишком большое, чтобы его объехать», – подумала Бонни, пошатываясь в окружении могучих ветвей.

Это был старинный дуб. Когда же Бонни, наконец, обошла дерево и устремилась вперед, ледяной ветер и мокрый снег выбили все мысли из ее головы.

Считанные минуты спустя ноги Бонни уже онемели, а дорога казалась бесконечной. Они бы могли попытаться бежать, но ветер им этого не позволял. Трое путников почти ничего перед собой не видели, если бы не Стефан, они наверняка свалились бы с речного берега. Бонни уже начала пошатываться.

Она была готова упасть на землю, когда откуда-то спереди донесся отчаянный крик Стефана.

Рука Мередит еще плотнее обхватила Бонни, и они опять перешли на неуверенный бег. Однако стоило подругам только приблизиться к мосту, как явившееся им зрелище заставило их резко остановиться.

– О боже... Елена! – заверещала Бонни.

Плетеный мост являл собой невразумительную массу отдельных досок и бревен. Поручень на одной его стороне начисто пропал, и обшивка тоже не выдержала напора, словно отодранная гигантской рукой. Внизу темные воды бурлили над тошнотворной грудой обломков. И к этим обломкам примыкала полностью скрытая под водой машина Мэтта. Мередит тоже орала, но она орала на Стефана:

– Нет! Ты не можешь туда броситься!

Однако Стефан даже не обернулся. Он нырнул туда прямо с высокого берега, и воды сомкнулись над его головой.

Все воспоминания Бонни о следующем часе оказались милостиво замутненными. Она припоминала, как они с Мередит все ожидали Стефана, пока шторм бесконечно бушевал и бушевал. Припоминала, как ее внимание почти отключилось к тому времени, когда сгорбленная фигура заковывалась из воды. Припоминала, что не испытывала никаких эмоций, кроме страшного, бесконечного, всеобъемлющего горя, когда она увидела обмякшую фигуру, которую Стефан положил на дорогу.

И Бонни помнила лицо Стефана.

Она помнила, как он выглядел, пока они пытались хоть как-то помочь Елене. Однако реально перед ними лежала вовсе не Елена, а восковая кукла с чертами лица Елены. Эта кукла совершенно точно никогда не была жива, и она определенно не была жива теперь. Бонни подумала, что просто глупо так ее тискать, пытаясь заставить воду выйти из ее легких, – и все тому подобное. Восковые куклы не дышат.

Бонни помнила лицо Стефана, когда он, наконец, сдался. Когда Мередит боролась с ним и кричала что-то о целом часе без воздуха, о необратимом поражении мозга. Слова тупо отфильтровывались в голове у Бонни, однако их значение полностью пропадало. Девочка просто думала, как это странно, что, пока Стефан и Мередит кричат друг на друга, они оба плачут.

А потом Стефан перестал плакать. Он просто сидел, сжимая в руках куклу-Елену. Мередит еще немного покричала, но Стефан явно ее не слушал. Он просто сидел. И Бонни никогда бы не смогла забыть его лица.

А затем что-то вдруг вспыхнуло в Бонни, возвращая ее к жизни, пробуждая в ней чувствительность к страху. Она отчаянно вцепилась в Мередит и стала лихорадочно озираться в поисках источника этого страха. Что-то скверное... что-то ужасное надвигалось. Оно уже было почти здесь.

Стефан, похоже, тоже это ощутил. Он вдруг напрягся, замер, как волк, почуявший запах.

– Что это? – прокричала Мередит. – Что с тобой такое?

– Вы должны идти! – Стефан поднялся, по-прежнему держа на руках обмякшее тело Елены. – Должны отсюда выбраться!

– Что ты имеешь в виду? Мы не можем тебя оставить...

– Нет, можете! Убирайтесь отсюда! Бонни, уведи ее!

Никто и никогда еще не просил Бонни позаботиться о ком-то другом. Люди всегда заботились о ней. Но теперь она схватила Мередит за руку и потянула. Стефан был прав. Они уже ничего не могли сделать для Елены, а оставаться здесь было опасно.

– Стефан! – кричала Мередит, пока Бонни изо всех сил тянула ее прочь.

– Я положу ее под деревьями! Под ивами, не под дубами! – крикнул он им вослед.

«Зачем он об этом сказал?» – задумалась Бонни.

Эта мысль некоторое время оставалась в какой-то глубинной части ее разума, еще не захваченной страхом перед неистовой бурей.

Ответ был прост, и разум охотно предоставил его Бонни. Потому что позднее Стефан не собирался ни о чем им рассказывать.

Глава 16

Давным-давно, где-то в лабиринте темных улочек на окраине Флоренции, голодный, напуганный и измученный, Стефан дал себе клятву. Вернее, несколько клятв, касавшихся использования Сил, которые он ощущал в себе, а также обращения со слабыми, неловкими человеческими существами, роившимися вокруг него.

Теперь он собирался все эти клятвы нарушить. Поцеловав холодный лоб Елены, он положил ее под иву. Как-нибудь потом он вернется сюда, чтобы присоединиться к ней. Если сможет.

Как Стефан и предполагал, поток Силы прошел над Бонни и Мередит и последовал за ним, но теперь этот поток снова отделился, и юноша отступил, ожидая.

Однако он не позволит этому ожиданию затянуться.

Не обремененный ношей, Стефан перешел на длинные прыжки по пустой дороге. Мокрый снег и ледяной ветер не слишком сильно ему досаждали. Теперь его охватил охотничий порыв.

Стефан обратил все свои мысли на обнаружение добычи, которой ему хотелось. Теперь – никаких мыслей о Елене. Возможно, он подумает о ней потом, когда все закончится.

Тайлер и его дружки по-прежнему находились в ангаре. Они понятия не имели, что на них надвигается, когда окно вдруг разлетелось на сверкающие осколки, и шторм ворвался внутрь.

Хватая Тайлера за шею и погружая в него свои клыки, Стефан твердо намерен был убивать. Прежде «не убивать» было одним из его правил, но теперь он страстно хотел его нарушить.

Однако другой крутой парень налетел на него, прежде чем он успел вытянуть из Тайлера всю кровь. Этот парень вовсе не желал защитить своего павшего вожака, только спастись. Просто ему не повезло, что его маршрут проходил совсем рядом с охотничьей тропой Стефана.

Стефан повалил парня на землю и жадно вскрыл новую вену.

Горячий металлический вкус оживил его, разогрел, протекая сквозь него, как огонь. От этого Стефан еще больше захотел свежей крови.

Сила. Жизнь. У них она была; а он в ней нуждался. Чувствуя славный прилив Силы, которая пришла вместе с уже выпитой кровью, он с легкостью сбил с ног крутых парней, а затем стал двигаться от одного к другому, выпивая и отбрасывая прочь бездыханные тела. Это было проще, чем открывать крышки на блоке из шести банок пива.

Стефан уже оседлал последнего, когда вдруг заметил, что в углу сжалась в комочек Кэролайн.

Изо рта у Стефана капала кровь, когда он поднял голову, чтобы на нее посмотреть. Эти зеленые глаза, обычно такие узкие, теперь были расширены, сверкая белками, как это бывает у испуганной лошади.

Губы Кэролайн пошли бледными пятнами, когда она залепетала беззвучные мольбы.

Ухватив девочку за зеленый кушак, Стефан поставил ее на ноги. Кэролайн стонала, закатывая глаза. Тогда он запустил руку в рыжевато-каштановые волосы, запрокидывая ей голову и приводя обнаженное горло в нужное положение. Затем вскинул голову для удара клыками – но тут Кэролайн завопила и обмякла.

Нет. Стефан бросил ее. Он уже получил достаточно. Он буквально разрывался от крови, подобно нажравшемуся клещу. Стефан еще никогда не чувствовал себя таким сильным, настолько заряженным стихийной энергией.

Теперь настала пора Дамона.

Стефан покинул ангар тем же путем, каким туда попал. Но уже не в облике человека. Охотничий сокол вылетел из окна и устремился в небо.

Новая форма оказалась просто чудесной. Теперь Стефан был силен... и жесток. Его новое зрение отличалось невероятной остротой. Глаза привели его туда, куда Стефану было нужно. Скользя над дубами в лесу, он прилетел на ту самую поляну.

Он быстро ее нашел. Ветер нещадно терзал Стефана, но он, испустив пронзительный крик вызова, стремительно бросился вниз. Дамон, теперь уже в человеческой форме, выбросил руки перед собой, чтобы защитить лицо, когда сокол спикировал к нему.

Вырывая кровавые клочья из рук врага, Стефан услышал ответный крик Дамона, исполненный боли и гнева.

«Я больше не твой слабосильный маленький братец!»

Стефан послал эту мысль Дамону на поразительной волне Силы.

«На сей раз я пришел за твоей кровью!»

От Дамона отхлынула ответная волна ненависти, которой также прозвучала насмешка.

«Вот, значит, какую благодарность я получаю за то, что спас тебя и твою нареченную?»

Стефан сложил крылья и снова нырнул вниз. Весь его мир сузился до одного-единственного стремления. Убивать! На сей раз его целью стали глаза Дамона, и палка, которую подобрал Дамон, с резким свистом пролетела мимо его нового тела. Когти Стефана прорвали Дамону щеку, и кровь хлынула наружу.

Хорошо!

«Тебе не следовало оставлять меня в живых, – мысленно сказал он Дамону. – Тебе следовало сразу же покончить с нами обоими.»

«С удовольствием исправлю ошибку!»

Поначалу Дамон оказался захвачен врасплох, но теперь Стефан почуял его нарастающую Силу – Дамон вооружался и приводил себя в полную боевую готовность.

«Но, может быть, сначала ты скажешь мне, кого я на сей раз убил.»

Разум сокола просто не мог справиться с подлинным бунтом эмоций, который вызвал наглый вопрос. Издав бессловесный крик, Стефан снова устремился к Дамону, но теперь толстая палка попала в цель. Раненый, с поврежденным крылом, Стефан упал на землю за спиной у Дамона.

Затем Стефан быстро вернул себе человеческую форму, ощущая боль в сломанной руке. Прежде чем Дамон успел к нему развернуться, он уже стоял на ногах, пальцами здоровой руки

хватая своего брата за шею и запрокидывая ему голову.

Когда Стефан заговорил, голос его прозвучал почти нежно:

– Ты убил Елену, – прошептал он и нащупал горло Дамона.

Было темно, очень холодно, и кому-то было больно. Кто-то нуждался в помощи.

Но она страшно устала.

Веки Елены затрепетали, раскрылись, и темнота частично развеялась. Холодно... Она промерзла до самых костей. Ничего удивительного – повсюду вокруг нее был лед.

Но где-то глубоко внутри себя Елена знала, что это еще не все.

Что же случилось? Она была дома, спала... но нет, ведь это был День основателей. Елена была в столовой, на сцене.

Чье-то лицо тогда показалось ей странным.

Нет, с этим никак не справиться – Елена просто не могла собраться с мыслями. Бесплотные лица плавали перед глазами, обрывки фраз звучали в ушах. Она так запуталась.

И так устала.

Лучше было вернуться ко сну. Этот лед был на самом деле не так уж и плох. Елена снова было прикорнула, но до нее донеслись чьи-то крики. Она услышала их не ушами, а всем разумом. Крики гнева и боли. Кто-то очень страдал. Елена села неподвижно, пытаясь разложить все по полочкам. Краешком глаза Елена уловила какое-то движение. Белка. Елена могла ее почуять, и это казалось странным, потому что она еще никогда не замечала у себя такого чутья. Зверек посмотрел на нее ярким черным глазком, а затем стремительно взобрался на иву. Ощутив, как пальцы впились в кору, Елена вдруг сообразила, что она попыталась схватить белку.

Теперь все казалось просто смешотворно. Зачем ей, черт побери, понадобилась эта белка? Елена с минуту над этим раздумывала, а затем устало опустила на землю.

Крики все еще доносились до нее. Елена попыталась прикрыть уши ладонями, но это не заглушило голоса. Кто-то очень мучился, кто-то был несчастен, кто-то сражался. Да, действительно. Это была именно битва.

Ну вот, хорошо. Хотя бы это она поняла. Теперь вполне можно было поспать.

Нет, сон к Елене никак не приходил. Крики манили ее, притягивали к себе. Елена ощутила непреодолимую потребность последовать за ними до самого источника.

А затем она сможет отойти ко сну. Но только после того, как она увидит... увидит его.

О да, все опять возвращалось. Она его помнила. Он был единственным, кто ее понимал, кто ее любил. Он был единственным, с кем ей хотелось остаться на всю вечность.

Его лицо всплыло в тумане ее сознания. Елена с любовью разглядывала его. Ну хорошо. Тогда она встанет и будет блуждать под этим нелепым мокрым снегом, пока не найдет ту самую поляну. Пока она не сможет к нему присоединиться. А затем они будут вместе.

Сама мысль об этом словно согрела ее. Внутри него был огонь, который могли видеть очень немногие. Елена, впрочем, видела это пламя. Почти такой же огонь пылал внутри нее самой.

Казалось, в данный момент с ним происходит что-то неправильное. По крайней мере она слышала непрекращающиеся крики. Елена уже оказалась достаточно близко, чтобы слышать их еще и ушами, а не только разумом.

Там, за древним дубом. Именно оттуда исходил весь шум. Он был там. Там были его бездонные черные глаза, его тайная улыбка. Он отчаянно нуждался в ее помощи. И она непременно ему поможет.

Вытряхивая из своих волос кристаллики льда, Елена вышла на лесную поляну.